

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ИВАН
БЕДЕНКО

КОД
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Mystic & Fiction

Иван Беденко

Код человеческий

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Беденко И. Ю.

Код человеческий / И. Ю. Беденко — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-19-7

Игорь Кремов проживает сразу две жизни – одну в реальности, похожей на нашу, вторую в реальности, подготовленной предками, но отнятой у его поколения. Действие разворачивается в Мегалополисе, в разрушенном городе Солнечном и в живом коммунистическом Солнечном. Игорь принадлежит к касте Нервов, следователей-экстрасенсов, но постепенно становится ясно, что такими «сверхлюдьми» задуманы все мы, только жажда наживы, старательно культивируемая в современном мире, лишает людей способности чувствовать друг друга, а орган, отвечающий за невербальную коммуникацию, жестоко глушится эгоизмом, похотью и трусостью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-19-7

© Беденко И. Ю., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	29
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	41
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	49
Глава 18	50
Глава 19	53
Глава 20	56
Глава 21	58
Глава 22	60
Глава 23	65
Глава 24	68
Глава 25	71
Глава 26	72
Глава 27	73
Глава 28	77
Глава 29	80
Глава 30	84
Глава 31	86
Глава 32	89
Глава 33	90
Глава 34	92
Глава 35	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Иван Беденко

Код человеческий

© Иван Беденко, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

* * *

*СССР. Москва, Кремль.
Задолго до описываемых событий.*

Пять тридцать утра, Москва еще спит. Вскоре люди начнут пробуждаться, собираться на работу, провожать детей в школы, проспекты и улицы наполнятся энергией, но до этого есть еще немного заповедного времени. При слабом утреннем свете думается наилучшим образом, сейчас легче планировать расписание встреч и приемов, прорабатывать сценарии бесед, прикидывать возможные решения проблем.

Юрий Владимирович смотрел в окно из своего кабинета. Зима укутала снегом могучие голубые ели, накинула белое покрывало на газоны и крыши Кремля. Перспектива в дымке. В самом центре столицы всегда тихо. Через высокие крепостные стены городскому шуму не проникнуть, и, если захочется, можно представить, будто картинка за стеклом – всего лишь часть дремучего бора, подпирающего угрюмое зимнее небо где-нибудь в карельской глуши.

По расчищенной брусчатке забавно семенил Иосиф Самуилович: видимо, комендант еще не организовал посыпку дорожек песком. Юрий Владимирович отвлекся от созерцания природы и слегка зашторил окно. Вскоре зазвонил зуммер внутренней связи. На том конце провода послышался голос секретаря Нади: сдерживая взволнованное дыхание, она сообщила о прибытии гостя. Вообще-то Надя не должна приходить так рано, но, зная привычки руководителя, она всегда старалась успеть на службу к началу его трудового дня.

– Наденька, пожалуйста, угости нас с Иосифом Самуиловичем чаем, – попросил он. – Если можно, мне с малиной, а что гость захочет, сама поинтересуйся.

Иосиф Самуилович вошел одновременно с Надей, в волосах которой блестели капли от растаявших снежинок, и сразу направился для рукопожатия к хозяину кабинета. Ладонь гостя оказалась очень холодной.

– Озябли? – поинтересовался Юрий Владимирович.

– Пустое. Надя вот чаем с медом угостить обещала, еще и улыбкой своей согревает. Это покрепче будет, – улыбнулся Иосиф Самуилович.

Смутившись, Надежда ловко расставила чашки, наполнила их чаем и поспешила к выходу.

– Прямо чувствую, как жизнь возвращается, – обжигаясь кипятком, произнес Иосиф Самуилович, – а пахнет хвоей почему-то.

Они немного помолчали, обдумывая под чаепитие предстоящую беседу.

– Иосиф Самуилович, вы сегодня особенно задумчивы, – заметил Юрий Владимирович.

– Буксир на подходе, времени осталось примерно два года, – ответил тот. – По матчасти все готово. Риск сохраняется в отдельных аспектах. Первое: до сих пор не удалось убедиться в составе атмосферы, хотя «Метеор» уже отправил посылку. Из нее на Байконуре надеются получить недостающие данные. А второе... Имеются проблемы с человеческим материалом – никак не наберем сто процентов.

– Ну почему вас снова беспокоит это? Есть же у нас социологи, физиотерапевты, парт-орги, в конце концов! Наберут как-нибудь!

– Рисуем обескровить генофонд, – хмуро возразил собеседник. – «Авроре» требуются лучшие и самые здоровые, а с этим, сами понимаете, как дела обстоят. Ладно бы человек пятьсот, а то шестьдесят тысяч, включая детей и женщин, – самый цвет и надежда.

– Может, хватит? – недовольно поморщился Юрий Владимирович. – Знаю не меньше вас. Мне жаловаться не надо. Предложите лучший выход, чего тратить время попусту?

– Мы, конечно, найдем. В списке кандидатов – отличники ДОСААФ, выпускники вузов, специалисты, военные, ученые... но сами с чем останемся? Коммунистов мало, план по пропорциям фактически рухнул, вы же знаете. Американцы не с такой щепетильностью подошли к вопросу: у них сборная солянка, программы по прилету особой нет. Нам сложнее в разы, ДОТ просчитывает план на десятилетия. После ухода «Авроры» просядем колоссально... Меня это и волнует сильнее всего! Космос по-прежнему молчит. Ничегошеньки не слышно в эфире. Не верю, что из миллиарда потенциально обитаемых миров ни один не родил цивилизации, подобной нашей. Тогда что? Выходит, есть предел существования, после достижения которого любое общество погибает. Сейчас мы умеем испускать и принимать радиосигналы, наш разум близок к проникновению в суть мироздания – и случайно ли, что именно сейчас человечество обладает небывало мощным оружием и готово испепелить себя в атомном пламени? Может, самоуничтожение – универсальный финал для любой цивилизации? Не стоим ли и мы на краю пропасти сейчас? Если так, то следует встречать неизбежное во всеоружии! Но, отправляя «Аврору» в путь, мы лишаемся лучших из лучших, тех, кого в решающий момент не достанет для предотвращения катастрофы!

Юрий Владимирович пристально посмотрел на собеседника.

– Вы представляете себе этот решающий момент, Иосиф Самуилович? Представляете?! Я могу предположить многое, как и вы, но доподлинно ничего не известно никому. В то же время галактику покидает звезда, прошивающая пространство со скоростью три с половиной тысячи километров в секунду и, надо же такому случиться, обладающая планетой – близнецом Земли! Мы используем шанс! Да, это риск. Огромный! Но что вы предлагаете – не использовать уникальную возможность? А если это решение проблемы? Что, если лучшие, освободившись от земного шлама, как раз и создадут цивилизацию без недостатков? Может, она просуществует столько, что дождется братьев по разуму? Ради этого стоит рискнуть, Иосиф?

Иосиф Самуилович снял очки в роговой оправе и старательно протер линзы носовым платком.

Жестокая война, умывшая человечество кровью, отдалится. Поблекнут надписи советских воинов на стенах Рейхстага. Новые люди позабудут прописные истины, усвоенные военными и первыми послевоенными поколениями предков; падут бастионы, отстроенные победителями для защиты неразумных чад от повторения апокалипсиса; и смысл Слова будет выхолощен в пустопорожней демагогии. Дальше – последняя война, что подчистую сметет в помойку истории неудавшийся проект Создателя под названием человечество. Какой по счету? Первый? Сотый?

А через миллионы лет где-то невероятно далеко от Земли люди, ничуть не иные, чем нынешние, стартуют с прежних позиций, их деградация, прерванная полетной криопаузой, возобновится. Все по привычному сценарию. Стоит называть такое вторым шансом?

Но, возможно, что-то, встреченное в новом, свежем мире, внесет определяющие коррективы в самоубийственную траекторию человеческого развития. Лишь в этом Иосифу Самуиловичу виделась надежда, а совершенно не в том, что человечество сделается «очищенным от шлама».

Ради надежды не зазорно рискнуть всем.

Глава 1

Колонна, состоящая из разномастной военной техники, грязно-зеленой змеей ползла по древней бетонке. Над броневиком, катившим сразу за головным танком, высунувшись по пояс через открытый люк, покачивался седовласый крепыш с биноклем, в камуфляже со знаками армии Мегаполиса. На груди – нашивка с фамилией «Кински», полковничьим званием и группой крови, а бритую голову венчала восьмиклинная фуражка с кокардой.

Бессчетное количество дней этот военный вглядывался через мощные линзы в горизонт, сиюсь увидеть заброшенный Сансити, но, вопреки расчетам и здравому смыслу, тот все не появлялся. Месяц назад экспедиция наткнулась на небольшую стелу, затерянную в пустоши, с мраморной табличкой, гордо вещавшей, что туда в таком-то году прибыл первый советский турбоплан с исследователями, основавшими впоследствии город Солнца. Позволив личному составу вдоволь нафотографироваться у памятника, полковник скомандовал продолжение пути. Несмотря на находку, он терзался тяжелыми переживаниями. Не укладывалось в голове многое. Например, почему же за время, отведенное для следования к цели, так и не удалось добраться хотя бы до городских окраин? Опоздание превысило все допустимые пределы, топливо подходило к концу, а единственным результатом до сего дня оставалась лишь эта убогая табличка. Время остановилось! Однообразная дорога будто наматывалась на колеса и гусеницы машин, заставляя буксовать на месте.

Лейтенант Келли, чертов парапсихолог, подливал масла в огонь. Он то и дело плел чушь про аномальный карман времени и мертвую энергию. Кински спросил его, откуда он это знает, на что умник ответил: «Из научных книг», – и предложил вернуться, пока не поздно. Пришлось наорать на него в дисциплинарных целях и отправить в БТР связи, чтоб впредь не умничал.

Если по совести, то Келли, конечно, не мог отделаться примитивной отговоркой. Ему только дай волю – утопит в омуте заумных словечек, и этот раз не стал исключением. К «научным книгам» прицепился сам Кински, чтоб выглядело, будто подчиненный не уважает командира и за это последний прерывает его. «Какие еще научные книги?! – вспыхнул Кински и, зарубив на корню попытки лейтенанта перечислить авторов и названия трудов, сразу же припечатал: – За идиотов нас держишь? Думаешь, если мы, военные, не чахли полжизни над писаниной всех мастей, то можно нас этим попрекать?» Так ему – и сразу выходило, что Келли вроде не всамделишный военный, а так, полукровка. Он и есть полукровка.

Настораживало молчание советской системы обороны. Никаких признаков локационного завета со стороны Солнечного, никакой активности в радиоэфире. А в нем что-то обязано шевелиться по определению. Неужели красные стражи выработали ресурс и загнулись самостоятельно? Вряд ли, слишком совершенны они для такого банального конца.

Полковник прекрасно помнил мясорубку многолетней давности, когда Мегаполис решил поживиться на трупе Сан-сити после ухода русских. Не выгорело. Будучи в то время желторотиком, Кински схлопотал тяжелое ранение, и до сих пор во снах, словно наяву, ему приходили ужасные эпизоды той войны. Воспоминания выбрасывались из глубин подсознания отчаянным ором погибающих, канонадой, грохотом рвущихся снарядов и запахом собственной крови вперемешку с пылью. Они заставляли заново переживать бессильную ярость перед неуязвимыми роботами со звездами на броне. «Ничего, сегодня – не вчера!» – подумал Кински, коснувшись пальцами застарелого шрама на правой щеке.

На секретной базе Мегаполиса личный состав его экспедиции несколько месяцев обучался работе со сверхновой матчастью, спаивался в коллектив, отсеивал слабых и неспособных. Итогом стало рождение подразделения «Чарли», которым полковник сейчас с гордостью руководил, – и более совершенной военной силы Мегаполис прежде не имел. Уж теперь красно-

звездные машины не должны доставить неприятностей. За спиной Кински солидно громыхал катками четырехствольный ракетно-пушечный «Арликон», цементируя настрой начальника.

Да, полковник не пал духом. Он тертый калач и знает цену приказу, а приказ один: войти в город, исследовать его и во что бы то ни стало захватить золотой запас СССР. Чертовщиной маяться негоже, не для того несут службу, чтоб рассуждать или бояться не пойми чего. Мертвая энергия, вот еще!

Награду за железную выдержку полковник получил сегодня утром.

На горизонте показалась тонкая линия городских построек. «Ну, здравствуй, – мысленно приветствовал противника Кински. – Пейзаж как тогда!» Солнце стояло высоко, и, посоветовавшись по радиации со старпомом, он решил начать сближение. Накатившее волнение удалось подавить усилием воли, и вот уже по общей связи неслись энергичные команды начальника экспедиции:

– Перестроиться в боевой порядок! Шестой и второй арликаны прикрывают фланги, разведотрядам спешиться, занять позиции в авангарде.

Слаженный военный организм пришел в движение, грязно-зеленая змея рассыпалась на кубики, техника растягивалась в шеренги. Два эшелона передовых позиций составили арликаны и танки, за ними чуть поодаль расположился броневик майора, еще чуть дальше – обоз. Пехотинцы бодро выскакивали из машин и, разобравшись по отделениям, пробегали мимо командира, чтобы затем встать цепочкой перед тяжелой бронетехникой. Он приветствовал подчиненных, приложив пальцы к козырьку, и получал в ответ преданные взгляды и такие же приветствия.

Уныние бесконечного пути сменилось возбуждением, люди радовались даже смертельно опасным переменам, лишь бы завершилась пытка серым однообразием.

– Объявляю задачу, парни, – отчеканил по радиации полковник. – Сегодня нужно подойти как можно ближе к городу и окопаться. Будьте готовы к любым неожиданностям: оборона неприятеля может преподнести сюрпризы. Храни нас Бог.

Взревев моторами, техника медленно потянулась за ушедшими вперед разведчиками. Все гладко, но напряжение в душе Кински росло, и, когда послышался грохот далекого выстрела, он даже обрадовался: «Нас атаковали! Теперь с чистой совестью сравняем агрессора с землей!». Понеслось.

Над центральным арликоном разорвался снаряд, нейтрализованный активным компонентом защиты. Заревела сирена общей тревоги. Радисты затараторили, связываясь с передовой линией: «Чарли семь, Чарли семь, это Чарли один, доложите обстановку...» Где-то впереди солидно ухнул аргустановкой седьмой, отвечая на вражескую атаку.

– Чарли семь докладывает о попадании в противника! – отрапортовал радист майору.

Пехотинцы тонкими ручейками заструились между наступающей техникой. Скорее под защиту бронированных машин, людям впереди сейчас не место!

Тем временем к бою подключилась вся линия обороны Сансити. Залпы множества орудий загрохотали учащенно, осколки тарабанили по броне, как градины по крыше. Танки и арликаны огрызались заградительным огнем, не забывая посылать приветствия противнику. Укрепленные точки врага умолкали одна за другой.

– Сэр, мы засекали ракетные пуски! – воскликнул оператор локатора.

Одновременно с его словами в сознание Кински ворвался жуткий треск, на броню шлепнулись тяжелые куски металла. Радисты принялись судорожно связываться с экипажами. Кински прильнул к визирю. Справа, из-за корпуса ближайшего танка, валил черный дым. Когда строй продвинулся вперед, глазам командующего предстал подбитый арликон: две оборванные гусеницы из четырех растянулись по земле, башню в бессилии повело вбок, горела корма.

– Чарли семь подбит! – донесся рапорт.

– Общая команда! – гаркнул полковник в переговорное устройство. – Увеличить интервал, скорость десять. Двенадцатый и четвертый, прикройте седьмого. Что с пехотой?

Там потерь не имелось. Хорошо.

Танкисты и команды арликонов постепенно приноравливались к противнику, пристреливались, вражеские ракеты уже не могли добраться до грозных машин, сбиваемые на подлете. Огневой перевес неуклонно переходил к наступающим, и санитарный БТР не подбирал свежих раненых.

Вдалеке возникли маленькие фигурки роботов, и опытный Кински приказал остановиться. Старых знакомых он решил встретить основательно. Но роботы тоже прекратили сближение и, вернувшись на исходные рубежи, затаились под защитой уцелевшей артиллерии.

«Что ж, – решил майор, – устроим вам пекло».

Арликоны по команде начальника экспедиции начали завораживающе синхронно поднимать пусковые установки в небо, и через десяток секунд тяжелые ракеты накрыли огненным штормом засвеченные позиции неприятеля. За залпом последовала гробовая тишина, отвечать на него было, похоже, некому. Три недобитых робота умудрились, правда, повредить танк, когда подразделение подошло к советским позициям, но большего им не позволили пехота и стрелявший в упор шестой арликон.

«Я же говорил, сегодня – не вчера!» – торжествовал полковник.

Победа в сорокаминутном бою стоила экспедиции пятерых убитыми, уничтоженного танка и подбитого арликона. Последний пришлось оставить, перегрузив боезапас и топливо на исправные машины. Прямо по курсу раскинулся уже недалекий Сансити, и, прежде чем войти туда, Кински произвел заранее спланированные приготовления.

Глава 2

Вечером молодой специалист возвращался на работу с тяжелым чувством. Хорошо, хоть вчерашний сон как-то разбавлял гнетущие мысли, по дороге можно помечтать. Такие сны приходили нечасто и оказывались до того реалистичными, словно параллельная реальность засасывала Игоря Кремова воронкой, окунала в себя и только по требованию будильника нехотя возвращала обратно. Никогда он не понимал ни сути снов, ни своей роли в них, но всякий раз без сомнений и колебаний принимал решения, управлялся с незнакомыми механизмами и безошибочно угадывал имена окружающих.

Казимиров советовал записывать увиденное в блокнот поутру, но Игорь всякий раз откладывал записи до лучшего случая, выкраивая перед работой лишь несколько минут на примитивный завтрак. Почему старика вообще интересовали эти сны? Может, возрастное чудачество? Хорошее оправдание, чтобы ничего не записывать. Или вот, к примеру, ненавистная работа – чем не оправдание?

Ненавистная работа... А ведь недавно все начиналось многообещающе.

Игорю повезло: сразу по окончании Улья он получил престижное место в отделе «Нерв» шестого управления прокуратуры Северо-Восточного Мегалописа. Мечта о суровой следственной романтике стала явью.

Отдел «Нерв» создавался в структуре Управления с целью внедрения в следственный и надзорный процесс приемов психологического анализа, поиска, воздействия на подозреваемых и обвиняемых. Нервы присутствовали на осмотрах мест происшествий, при допросах, сопровождали другие следственные действия в обстановке неочевидности преступления.

Некоторые уникалы обладают настолько развитой нервной системой, что способны фиксировать импульсы ничтожно слабой силы. Такие люди почти физически чувствуют боль окружающих и различают следы чужих эмоций даже по прошествии какого-то времени. Эмоции ведь никуда не исчезают, и висящую «в воздухе» взвесь из страха, ненависти, обиды еще долго можно «понюхать».

«Разнюхиванием» Нервы и занимались.

Например, когда следователю не удавалось установить место ссоры погибшего и убийцы или направление, в котором затем скрылся последний, Нервы прощупывали эфир. Место ссоры выглядело коричневым пятном с рваными краями, а путь отхода преступника четко очерчивался полосами: оранжевыми вперемешку с черными. Дальше – дело техники.

Очень быстро Кремов выучил профессиональный жаргон и в кругу коллег уверенно щеголял словечками вроде «висяк», «терпила» или «жмур». Студенческие джинсы и свитера сменились строгим костюмом с неудобным по определению галстуком. Нервам, в отличие от обычных следователей, предписывалось неукоснительно соблюдать форму, подчеркивая привилегированный статус. Работа навалилась, приходилось вкалывать над уголовными делами до бессознательного состояния.

Баланс нередко перекашивало то вправо, то влево от точки «М», Игорь фиксировал это безошибочно. Иной раз приходилось настолько быстро и болезненно «выскакивать» из острого восприятия, что голова начинала болеть, а затем не унималась сутки.

Казимиров предупреждал давным-давно: «Контроль баланса является одним из краеугольных камней, на которых зиждется здоровье и КПД любого Нерва, чижики! Обостряя восприятие чрезвычайно, каждый из вас наверняка докопается до самых тонких импульсов преступника, разнюхает слабейшие психоследы, но бойтесь последствий! Депрессия, хроническая меланхолия и даже пограничное со схлопыванием состояние – далеко не полный перечень напастей, подстерегающих нас в режиме глубокого погружения! С нарастанием проблем плечо последствий устремляется вниз по экспоненте, и в определенный момент ситуация приобре-

тает фатальный характер, когда никто, никто не спасет несчастного! С другой стороны, беспрестанно болтающий Нерв или Нерв, наглухо блокирующий боль и совесть, утрачивает дар психозрения! Так-то! Ваша задача держаться точки „М“ и с умом распускать щупальца...»

Да, старик знал, о чем говорил. Простыми словами он доносил до «чижигов» материал базового курса с его понятиями о пассиве и активе психовосприятия, о точке «М» – священной корове Улья, о балансе – общем и специальном, об амплитуде балансовых колебаний, ее частоте, уровнях, силе, о реактивных факторах, обо всем остальном.

Как сложно оказалось подружить теорию с практикой! В «Нерве» нормально не работала ни одна формула из старых конспектов. «Загрязнения» воспринимались разными Нервами неодинаково. Игоря, например, частенько рвало на месте убийств либо после участия в сложном судебном процессе. «Изнашиваемся, батенька, а что поделать?» – ответил как-то замначальника отдела, когда уставший Кремов пожаловался на внутреннее опустошение.

Баланс подвисал в пассиве или активе, не желая ритмично возвращаться к точке «М». Игорь чаще оставался в пассиве, а Миха Семенштольберг, к примеру, наоборот! Последний, правда, всегда отличался словоохотливостью. Игорю Семенштольберг в шутку говаривал: «Ну что, Максимыч, в монахи подался или держишься еще?» – и обычно прихотывал, а Кремов отвечал чем-то вроде: «Ряс в универмаг не завезли, без них никак!»

Он понимал, что схлопывание пока не грозит: еще сильны реактивные факторы – молодость, физическое здоровье, удерживающие стрелку от сползания к «фатальным» отклонениям.

Да, Игорь справлялся. Особенно преуспел вчерашний «чижик» в «застреле» скоротечных импульсов преступников, когда негодяи закрывались наглухо. Казимиров считал, что это парадоксальная способность, которую он прежде ни у кого из Нервов не встречал. Для «застрела» требовалось находиться и в пассиве, и в активе одновременно – с одной стороны, бдительно стеречь эмоцию допрашиваемого, а с другой – «оголять провода» по максимуму. Игорь сам не понимал, как ему удастся сочетать несочетаемое и мгновенно выдергивать из эмоционально-мысленного шума преступника тот единственный ключевой импульс, через который, как через игольное ушко, можно проникнуть в неприступную, казалось бы, крепость.

Например, в деле разнохивания психоследов на месте преступления, особенно старых, никто не мог переплюнуть Пантелея Смирнова, однокашника Кремова. О, тот обожал со стеклянными глазами зависнуть у лужи крови на пару часов! Пантелей распутывал следы с маниакальной скрупулезностью и погружался в такой дремучий пассив, из которого перфекционисту-мазохисту случалось выкарабкиваться неделями. Не без хижэ-клуровских инъекций, между прочим. Неудивительно, что впечатлительного Пантюху подпускали к работе нечасто, в исключительно важных случаях и в обстановке крайней неочевидности преступления.

Михай, напротив, брал наскоком, решения принимал без раскачки. Раскрытие по горячим следам, когда событие еще сочится черной свежестью, – вот ипостась Семенштольберга, за которую его обожали следователи. Тонкое восприятие давалось ему плохо. Он не заморачивался условностями и как-то признался Игорю, что незаметно от опергруппы вытащил из бумажника утопленника деньги, а на упрек, что это отвратительно, расхохотался. Да, актив в Семенштольберге бурлил, Миха, по собственному признанию, любил «прибухнуть», а на деле – накачаться спиртным инкогнито в каком-нибудь пивбаре в обнимку с контингентом со дна жизни. «У путан и пройдох самые честные эмоции», – не уставал повторять Семенштольберг, и в чем-то, пожалуй, был прав. Хижэ Клуром он не пользовался никогда. Водка вполне заменяла ему Хижэ Клур.

Но ни Миха, ни Пантелей не умели «застреливать» мимолетные импульсы тех, кто скрыл и место преступления, и объективные следы, эмоционально «застегнувшись на все пуговицы». Теория психозрения постулирует: «нельзя прощупать того, кто умышленно скрывает психотоки», и с практикой здесь дело не расходится, но в то же время учебники упоминали «крат-

ковременное снятие блокады», когда допрашиваемому сообщали информацию, заставляющую того немного дрогнуть. В этот момент, согласно расчетам корифеев, в эфире должна промелькнуть эмоция, через которую возможно как бы «расковырять» в барьере преступника брешь. Она настолько призрачна, что для ее фиксации необходимо уйти в предельный пассив, но при этом настолько ускользающе быстра, что для отлова требует мгновенной реакции и крайнего актива.

Лабораторные исследования на эту тему не проводились, эмоция-фантом, открытая давным-давно «на кончике пера», там же осталась, а реальная фиксация ее связывалась теоретиками только с прогрессом в фармакологической отрасли: та рано или поздно должна была синтезировать какое-нибудь вещество, превращающее заурядного Нерва в машину со сверхпараметрами.

Тем не менее Игорь умел застреливать без химии.

Прошло несколько лет.

Игорь вдруг поднял глаза и посмотрел на все шире. Хотя слово «вдруг» здесь не совсем уместно. Всевозможные нарушения и злоупотребления в правоохранительной системе специалист подмечал и ранее. Каждый подобный случай Кремов заталкивал глубоко в себя и старался забыть, оправдывая происходящее философским «такова реальность, она не без изъянов». Фокус удавался, но, к сожалению, обезличиваясь в памяти, пережитое срасталось в ком неперевариваемой отравы.

Когда ком разросся до критического уровня, это самое «вдруг» и случилось. Вдруг стало понятно, что нарушения и злоупотребления являются не исключением из правил, не сбоем налаженной и справедливой системы правосудия, а необходимым условием ее существования. Он и его коллеги были частью прожорливой и сильной банды с официальным государственным статусом. Банда обслуживала интересы хозяев жизни, что никак не согласовывалось с моральными законами, привитыми в Улье. Глубокое противоречие с казенной ролью обещало рано или поздно вытащить из подсознания Игоря все долго замалчиваемые грехи и заставить ответить на главный вопрос. Однако к моменту, когда внутренний нарыв вызрел, когда пресс сделался почти невыносимым, неожиданно наступило некоторое облегчение. Ноша показалась не такой уж тяжелой и даже вполне терпимой!

Кремов испугался до жути. Под статусной, но смертельно токсичной обложкой заживо гнил человек, которым он себя всегда считал. Сначала, конечно, больно, но затем по мере отмирания гнилья обычно приходит то самое «вполне терпимо». Постепенно усохнут раны, улягутся страсти, маска высосет из своего носителя все соки, убьет ростки сомнений и любое неприятие Канонических Правил Игры.

Страшно!

Маятник замер, готовый качнуться в любую сторону и остаться там навсегда.

Может, существует компромисс? Как-то живут же люди, сочетая мораль и реальность? Может, не так и плохи КПИ?

Канон учит, что мир материален. В умах материя всегда стремится к единому знаменателю, чтобы мерить сущее было удобно. Можно попытаться измерить событие в улыбках или слезах. В конце концов, с детства любому человеку твердят: «Совесьть – мера поступков». Но улыбки, слезы, совесьть – большая экзотика, порожденная токами сердца. Эти декларативные ориентиры – редкие исключения из железного правила, где цену всему прагматичный желудок отмеряет исключительно в еде. Нет еды – нет нас. Не поспоришь.

Шаг за шагом вырабатывается рефлекс: желудок диктует разуму, а тот, дай лишь волю, обоснует все на потребу заказчика. Он увещевает сердце: «Ты хорошее, доброе, только посиди в чуланчике, пока мы мараем руки. Что? Нехорошо мараь? Все так делают, понимаешь? Так-то мы хорошие, но где-то глубоко внутри, в твоём чуланчике...»

Компромисс? Пожалуйста!

Правда, для этого следует договориться об одной мере – и чтобы без перекосов. Ты не хочешь в еде, я не хочу в совести, так что... с очередной отрыжкой приходит очевиднейший ответ: будем мерить в деньгах! Хватаемся за этот вариант как за соломинку. Еще бы, ведь деньги – нечто абстрактное и оттого гораздо более благородное, нежели вульгарная еда. Фи, от последней попахивает дешевой колбасой и невымытым унитазом, как низко! То ли дело «мера свободы», «слуга желаний», «воплотитель мечты», в конце концов! Теперь мы рыщем не в поисках какой-то там наживы, мы же добываем «меру свободы» и, разжившись ею, парим в небесах в согласии с собой! Ура, КПИ работают!

Только... Почему не проходит страх, почему сердце упорно ищет подвох?

Вечерне-ночные сверхурочные, обычные и такие опостылевшие, поблекшая следственная романтика, разочарование. ХАЭН показывает час ночи.

Глава 3

Труп молодой женщины на фото выглядел крайне неприятно. Кремов даже не сразу смог определить, какой стороной она лежала к объективу – красно-бурая котлета без четко различимых фрагментов лица. Наконец среди комка волос, склеенных застывшей кровью, Игорь разобрал две темно-фиолетовых припухлости.

– Ну вот и глаза, – вздохнув, произнес он.

Доведенным до автоматизма движением рука подхватила кружку кофе и поднесла к губам. С недавнего времени Игорь полюбил разводить кофе коньяком и пить этот целебный раствор в конце рабочего дня перед наступающей рабочей ночью. Не так радикально, как Хижэ Клур. Алкоголь считался более щадящим средством и успокаивал нервы, его, Игоря, ценнейшие нервы, позволяя отвлечься от невыполненной в срок работы, от неизбежного нагоняя начальства, от всего. Сейчас кофе с коньяком коллективно боролись с бунтом против КПИ.

Кремову поручили вести непростое уголовное дело. Собственно, обстоятельства дела сложными не являлись и, за исключением дикой жестокости, выглядели типично – убийство на почве ревности. В голове не укладывалось другое: преступнику вменялось неосторожное причинение смерти, а вовсе не убийство. До этого Игорю казалось, что понятие неосторожности не подразумевает избивание человека в течение получаса до состояния заливного. Нельзя неосторожно ударить свою жену по голове, методично размягчая череп, а затем швырять ее тело о землю на глазах общего ребенка... Очередной глоток «целебного напитка» оставил горьковатый привкус.

Прошедшим утром на несуразность обвинения он попытался указать прокурору, но нарвался на грубую отповедь. Приказано поддерживать «сформированную позицию» во что бы то ни стало и «не трахать мозги начальству своими бредовыми идеями».

Теперь, попивая алкогольный кофе, листая страницы дела под жестким светом настольной лампы, Игорь с отвращением ощутил, что у молодой матери ничтожно низкая цена. Ее мечты, планы, чувства как пух одуванчика сдул звероподобный урод. Он лишил ее жизни, а теперь, призвав на помощь могущественного покровителя, устроил себе «удобную статью» с ожидаемым условным сроком. Внутренний мир убитой нематериален, за него не выручить и малости денег, так на что же он? Никакой совести, помнишь? Договорились же – деньги, только наличные. И убийца предстает неосторожной жертвой своей ошибки. А Игорь? Не без вознаграждения. С КПИ все «по чесноку», без обмана: жертве уже все равно, а от того, что «раскаившемуся парню» тюрьма жизнь ломает, – кому легче? Безупречная логика. Идеальный компромисс. Душевное равновесие.

В этот момент Кремов почувствовал, что стрелка маятника пришла в движение.

Глава 4

Мегаполис, огромный человеческий муравейник. Миллионы соседствуют бок о бок, ежесекундно ощущая взаимное дыхание. Их так много, что впору говорить не об отдельных личностях, а об усредненной массе со своим интеллектом, желаниями. Будто гигантское существо с суточным жизненным циклом утром змеинными рукавами расплзается по магистралям города, просачивается в офисы, поглощает тонны сэндвичей, сигарет, выпитывает гекалитры кофе; днем занимает свои клетки имитацией полезного труда, поддерживая тонус; вечером возвращается в логово, чтобы отдохнуть, но оставляет один глаз открытым – шумная ночная смена заступает на вахту клубами, аптеками, ревущими моторами стритрейсеров, драгдилерами, грабителями и армией проституток. Снова кофе, снова сигаретный дым, но в очаровании приглушенной подсветки и в атмосфере почти анархии. Существо иногда болеет, иногда хандрит, но все равно растет и набирает массу.

На первый взгляд, человеческой крошке должно быть неудобно в утробе гиганта. Обитатели города сжигают себя – чахнут, вдыхая отраву выхлопных газов в тесных коробочках на колесах. Они ничего не производят, их действия – полный пшик, сотни тонн бессмысленного бумагооборота и ширпотреба. Юристы, менеджеры, администраторы, продавцы. Профессии – унисекс. Здесь не нужна мужественность, не нужна женственность, отменяется прежняя мораль, разлагаются семьи – ведь жены по-прежнему требуют от мужей хорошей добычи в обмен на домашний очаг. А если добыча не зависит от сильных рук и физического труда? А если ее проще получить длинными каблуками, короткой юбкой и парой минут ежедневных унижений? Здравствуй, новая реальность, здравствуй, актуальная мораль. Мужчины больше не в моде! Они превращаются во что-то другое, например, в завсегдатаев бара «Gays only», а их место охотно занимают завсегдатаи других баров, куда мальчикам вход категорически запрещен.

Содом и Гоморра! Да, частенько об этом возмущенно кричат с экранов самые растленные господа – политики в попытке заработать дешевые висты. Полноте! Висты дешевеют слишком быстро, скоро ради них и рта открыть никто не захочет. Гигантское существо и человек обо всем договорились: город заменяет кривой индивидуализм хорошим ровным стадным чувством, что справедливо, – вместе с избыточным «я» уходят страхи, раздражение, ощущение обреченности и бессмысленности личного существования. Это как у Тома Сойера, который привил ватаге скептиков правильный взгляд на побелку забора, и те не подкачали, выполнив нудную работу да еще заплатив в твердой валюте! Никто из них не мучился тщетностью бытия! По этой же причине человеческой крошке неплохо живется в Мегаполисе, и ни на что другое она свою жизнь не променяет. «Не сопротивляйтесь», – убедительно шепчет город миллионами голосов, а если нет: «Руки вверх!» – во все времена хорошее слово, и пистолет лучше, чем просто хорошее слово. Правоохранительная система рада подстраховать неженков-дипломатов! Полиция оправдывает свое существование на все сто, пусть дикарям и кажется, что она самодовольна, раздута и прогнила от коррупции. Повторяем фокус – избавляемся от предрассудков, жизнь налаживается. Новая мораль не ущербна, она именно актуальна и спасительна. Как без нее?

К счастью, эти, внизу, – уже не совсем люди. Человеку много чего нужно, и в перечне человеческом нет ни наркотиков, ни проституток, ни сэндвичей, ни ширпотреба. Человеку подавай высшие благодетели: свободу, любовь, мир и равенство; человек склонен мечтать об исследовании вселенной, бессмертии; человек нетерпим к фальши, им невозможно эффективно управлять. Поди угонись за его потребностями! Проще чуть-чуть уплощить природу двуногого.

Когда-то, на заре существования вида, будущие люди не отличались от зверей, мыслили конкретно и практично, следовали за горячими импульсами сиюминутных желаний – поесть, поспать, совокупиться. Хорошая, предсказуемая формула. Но затем природа или неизвестный механик зачем-то добавил примитивному, но безотказному мозгу мудреный «нарост» – кору. Именно в ней сосредоточилось человеческое: логика, долгосрочный расчет, сила воли, критические способности. Получившийся в результате такой инженерии прототип вмиг вознесся над соседями по планете! Горячие животные импульсы никуда не делись, но отныне могли с переменным успехом тормозиться холодным рассудком. И тот сделался «человечнее», у кого это выходило лучше. Наиболее способные возвысились не только над природой, но и над соплеменниками, став королями. Правителю важнее всего власть! Ради нее он без раздумья отберет привилегию человечности даже у Господа Бога, не говоря уж о соплеменниках, здесь все способности хороши.

Существа внизу уже не совсем люди. Они дофаминовые маньяки, ими можно управлять. Их приучили живо откликаться на импульсы древней части мозга – есть, спать, совокупляться, в то же время кору правители полностью выключали из процесса. Это несложно. Пока высшие желания только «надевают штаны», примитивные успевают пожрать все наличное время и силы: предложи вовремя двуногому хот-дог – и он забудет о всей вселенной. Трюк действовал безотказно, даже на тех, кто пытался сопротивляться.

Экселенец размышлял, озабоченно потирая подбородок. На улице лил сильный дождь, и город с девяностого этажа казался уродливым скоплением термитников под пеленой падающих капель. Слабого света, проникавшего через огромные окна, не хватало. Бетонная фабрика исправно переваривала человеческие страсти своими потрохами, перерождая даже законченных упрямец в нормальных граждан.

Это хорошо. Стабильность и порядок.

Но недавно на Востоке возникли процессы, угрожающие привычному укладу.

Проблемы с Восточным дистриктом начались не вчера. Еще во время его заселения беженцами из советского Сансити некоторые эфоры предрекали рост преступности и, самое главное, столкновение идеологий. Возможно, они были правы насчет одновременного глобального удара, способного истребить красную саранчу и окончательно «решить вопрос», но время, увы, упущено.

Нельзя сказать, что правительство и лично Экселенец ничего не сделали, чтоб Мегapolis качественно ассимилировал пришельцев: их обучили правильному языку, попутно внушив отвращение к русскому, им внедрили полезные алгоритмы потребления и труда, сформировали нужные вкусы, тихо отняли библиотеки, заменив книги ХАЭНами и поточными блокбастерами, подсадили на общегородской фаст-фуд. Это дало ожидаемые всходы, появилось целое поколение «лояльных». Но между культурными колосьями все равно проглядывала сорная трава. С ней мирились в надежде, что со временем колосья ее задушат, но, к сожалению, что-то пошло не так. Докатались до неприемлемого: с территории квартала совершаются попытки ракетных пусков, а местная администрация потрясает основы основ – со скрипом делится финансовой отчетностью.

Особенно тревожили ракетные пуски. Нельзя допустить прорыва русских на орбиту, иначе система, сложившаяся за десятилетия, пойдет вразнос.

Экселенец отпил воды из хрустального бокала. Стекло давало глубокий алмазный отблеск, собирая в прозрачном теле скудное дневное освещение. Красиво, но человека не трогала красота. Через час предстояло совещание эфората.

Глава 5

За длинным черным столом в сумрачном зале собралось двенадцать человек.

– Уважаемые джентльмены, объявляю наше совещание открытым. – Экселенец произнес это спокойно, без напыщенности.

Он медленно обвел собравшихся взглядом, что являлось знаком его особой озабоченности и тревоги.

– Мы собрались здесь, – продолжил Экселенец, – чтобы обсудить кое-какие вопросы. Боюсь, мне придется начать издали, с общеизвестных фактов. Прежде местность, занимаемая Мегалополисом, была пустынной и мертвой. Имперское Бюро возвело на ней базу, со временем превратившуюся в наш прекрасный город. Северо-восточнее высадились русские. Наши предки соперничали с ними еще на заре земной истории, а по некоторым данным – еще до ее начала. Наше государство превратилось в совершенную систему, позволяющую ему существовать вечно. Я знаю, о чем говорю. ...Мы одолели коммунистов в их логове – Сансити, но, к сожалению, с проблемой не покончено. Речь не о лояльных – эти переплавлены и интегрированы в наше общество надежно, – речь о тех, кто дефектен необратимо. Северо-Восточный квартал Мегалополиса, печально известный Защекинск, начинает деградировать, и наших усилий уже не хватает, чтобы по-прежнему насаждать в нем цивилизованный порядок. Лучших из лучших – ученых, рабочих, менеджеров мы давно вывели оттуда, поселили среди нас, воспитали как следует, а отбросы до сих пор были предоставлены сами себе. Что сейчас представляет собой Северо-Восточный квартал? – Экселенец выдержал паузу, словно подыскивая выражение. – Как мы знаем, клоаку. Их ракеты неизбежно падают, мы контролируем образовательный процесс, а наши идеалы свободы все сильнее привлекают молодых защекинцев. ... Однако перейдем к делу. В последнее время Пятое управление службы безопасности имперского Бюро начало фиксировать тревожные события. Мы не до конца понимаем, куда уходят деньги русских, не вполне контролируем их оборот. Некоторые люди покидают Защекинск и безвозвратно исчезают на северо-востоке...

Среди присутствующих прокатился приглушенный ропот. Эфор Скотт, краснощекий, коротко стриженный буйвол, известный своим темпераментом, воскликнул:

– Куда вы клоните, Верховный? Это как-то связано с Сансити? Если так, то что с того? Пусть погибают в этой трясине. Мне лично не жалко защекинское отребье.

– Дело совсем не в отребье, – раздраженно ответил Экселенец, – уверен, мистер Скотт, что собравшиеся взволновались не по их жизням. Позвольте продолжить. Многие наверняка увязали денежный вопрос с миграцией в пустошь, ведь так? Наши аналитики уверены, что русские пытаются найти в оставленном Сансити прежние ресурсы: технологии, прежде всего ракетные, и запасы золота. К чему это приведет, объяснять нужно?.. Мы не сидели сложа руки. Три года назад в Сансити отправилась экспедиция, возглавляемая полковником Кински. Связь с ними прервалась, никто не вернулся. Что там произошло, мы не знали, но буквально вчера строители оборонительной стены на северо-восточном направлении обнаружили автосонд экспедиции! Зонд содержал информацию о боях с роботами Сансити!

Тишину взорвал гул множества голосов. В глазах собравшихся читались растерянность и недоумение. Верховный наблюдал за произведенным эффектом и ждал дальнейшего развития.

– Что это может значить? Как?.. – звучали вопросы.

– Это еще не все. Три недели назад главная следающая антенна Мегалополиса приняла радиосигналы. Бессвязные обрывки фраз и множество фоновых шумов. Радисты запеленговали источник сигналов. Джентльмены, в эфир вышел Сансити! Часть ответов здесь. – Верховный положил на стол папку с бумагами.

На этих словах одна из стен зала озарилась слабым мерцанием, послышались щелчки и шум радиопомех. Не сразу, но постепенно и все отчетливее присутствующие начали разбирать пробивавшийся сквозь помехи женский голос:

«Координаты 43–18. Повторяю, координаты 43–18! Сообщаю установку: активируйте программы претендентов! Высший уровень контроля!»

Запись, повторяясь, звучала секунд сорок, не больше, по ее окончании в зале воцарилась тишина. Верховный посмотрел в сторону своего референта, и тот немедленно разложил перед каждым присутствующим папки. Затем Экселенец сделал знак глазами человеку, до того неприметно стоявшему у окна. Конрад Галаган, мрачный помощник Верховного, бесшумно подошел к столу собраний.

– Джентльмены, прозвучавшая запись принята антенной несколько раз. Разумеется, эксперты поколдовали с файлом. Выяснилось, что передача велась с восточной окраины Солнечного радиостанцией советского образца типа «Сириус», послание повторяется циклично на засекреченной частоте советских военных. Информацию о ней нам сдали давным-давно лояльные. Несомненно, русские приняли этот сигнал, потому что резко участились попытки пересечь северо-восточную границу. О них только что рассказал уважаемый Экселенец... Мы установили личности некоторых, парочку расстреляли на блокпосту военные, когда они пытались проскочить в пустошь. Затем случился эксцесс на другом посту, там несколько молодых парней устроили целую операцию с целью преодоления пограничного заслона. К счастью, им это не удалось, выживших задержали, допросили, и выяснилось, как и в первом случае, что все они имеют отношение к Сопrotивлению, а этим попыткам предшествовало множество более ранних, когда пограничная охрана только развивалась и не могла эффективно бороться с незаконными проникновениями. Становится очевидным методичность и организованность побегов, координатором большинства из них выступает Сопrotивление.

После каждой попытки прорыва бойцов Сопrotивления возникала цепная реакция в Защекинске: многие, как нерестящиеся лососи, начинают возвращаться к мыслям о прошлом. Так, три года назад статистика сетевого поисковика указывала, что запросов на советскую тематику размещалось меньше тысячной процента от общего количества. В основном население интересовалось порно – 70 %. Сейчас количество запросов о Сансити и способах его посещения, а также об их прошлой истории приближается к одному проценту. С одной стороны, это очень тревожный показатель...

– А порно-то сохранило рейтинг?! – загоготал, перебив докладчика, Скотт. Его сальная шутка разрядила обстановку.

– Сохранило, мистер Скотт, – с непроницаемым лицом ответил Галаган, – но вернемся к сути. Наши осведомители имеются в Сопrotивлении, а некоторые из мятежников даже сотрудничают с нами, но наиболее радикальные группировки слишком закрыты и вывести их планы пока невозможно.

Галаган умолк и отступил к окну. Эфоры вполголоса обсуждали услышанное, перелистывая страницы досье.

– Что думаете, господа? – произнес Экселенец.

На самом деле, мнение большинства его не интересовало, он ждал комментариев и вопросов от нового эфора Джеймсона. Последний недавно заслужил право заседать в элите. Выслушав Скотта о «необходимости силового метода», Экселенец наконец дождался и многообещающего новичка. Подтянутый седеющий воротила медиакорпорации начал осторожно:

– Я согласен с эфором Скоттом в том, чтобы полностью перекрыть границы, даже на северо-восточных пустынных окраинах, где нет прямых дорог в Сансити. Но этого недостаточно. Очевидно, мятежники не угомонятся. Предлагаю через СМИ выхолостить идею о возвращении в прошлое для лояльных.

– Как это? – с тупым видом поинтересовался Скотт.

Экселенец испытал к нему почти отвращение.

– Дайте договорить Джеймсону, – резко осадил он.

– Выхолостить идею, – продолжил Джеймсон, – путем запуска различных шоу вроде «Камбэк ту Сансити», где различные старикашки будут предаваться ностальгии по каким-нибудь плавленым сыркам и мороженому. Это отпугнет от темы молодежь, сделает скучными для них цели Сопротивления. Параллельно наштамповать программ о серости и безысходности их истории, что заставит потенциальных бунтарей задуматься, а зачем туда вообще возвращаться? Их символы следует сравнивать с клоунскими погремушками, а достижения нивелировать критикой. Малолетним хулиганам тема Сансити станет хобби, взрослым – пустой трухой и ничего не значащей ностальгией. И это только для начала...

Экселенец с уважением разглядывал выступающего, в голове пронеслось: «Несомненно, он приобретение для эфората».

После Джеймсона слово взял Мерфи, старая добрая акула финансов, которая всегда с сожалением видом непреклонно пожирала конкурентов и ни во что не ставила человеческий планктон:

– Идеи мистера Джеймсона позволят стабилизировать количество настоящих системных маргиналов, я на его стороне...

– То есть порнуха опять восторжествует?! – снова влез Скотт, и снова удачно, так как присутствующие расхохотались.

– В некотором роде да, – не смутился Мерфи, – количество просоветских запросов в сети не уменьшится, а вот их качество и опасность упадет. Сработает эффект шоу мистера Джеймсона. Но меня мучает загадка Сансити, что там творится? После побоищ времен катастрофы не должно остаться выживших.

Глава 6

Из утилизированных записей Максима Кремова. Южные рудники, Мегаполис.

«Похоже, октябрь. День 1.

Я знаю, что труд мой сизифов, и никогда ты не прочтешь этот дневник, сынок. Но где-то в глубине души верю в лучшее. Зачем-то сгодятся эти строчки, как-то сохранится память, ведь рукописи не горят, они вечны.

Мне хочется покаяться перед тобой, чтобы ошибка моя не осталась непонятой. Не прощения хочется, вовсе нет, просто ты должен уберечь себя, глядя на меня.

С недавних пор у меня и у других шахтеров появилось свободное время, не то чтобы много, но не в пример больше прежнего. Бумага теперь тоже не дефицит. И кормят! Но все это уже не имеет особенного смысла. Из нашего набора в живых значатся шестнадцать человек – крохи... Остальные умерли.

У меня появился кашель, такой же, как у тех, кто отправлялся на тот свет. С этого момента часы начинают тикать громче, навязчиво напоминая о приближающемся конце. Это даже хорошо, надоело барахтаться. Жалею только, что больше не увижу твою маму и тебя. Я и жив-то потому, что каждую ночь вижу во сне твои глазки-бусинки, маленький носик, хитрую улыбку. Мне кажется, я чувствую прикосновение твоих пальчиков, запах волос, слышу твой плач или залихватистый хохоток. Такой, когда тебя щекочешь подмышками или кусаешь за уши.

Мне страшно хочется плакать, но не получается. Не рыдать, не лить слезы, не орать и не выть, именно плакать. Не выходит, как ни силюсь. У Гришки Туманова получилось перед смертью, он в слезах словно растворился. Отпустило, наверное. А меня пока не отпускает. Я все отдал бы за встречу с тобой и мамой. Хоть на минутку, чтоб убедиться, что у вас все хорошо. После этого – пусть трехэтажный кашель, пусть вздох и с кровью, уже даже б в удовольствие.

Боюсь, совсем расклеюсь, если продолжу в том же духе.

На шахте дела идут по-старому. Бессмысленный труд изо дня в день. Таскаем вручную бидоны с ребисом от зари и дотемна. Администрация решила добить – поставила в соседнем забое автомат, так он молотит выработку астрономическую, в секунду больше, чем мы за день. Это ли не издевательство? Но у меня есть секрет: нельзя обескуражить обреченного. Хоть с этой машиной, хоть без нее я точно знаю, что умру, так что все их попытки растоптать меня ни к чему не приведут. Дудки!

Перечитал написанное. Ты знаешь, мне стало чуток легче. Даже в боку болит маленько потише. Теперь начну считать дни, раньше в этом не было нужды и смысла».

Глава 7

Игорь любил свой мотоцикл. Знакомство с ним, как и все значимое, произошло случайно, задолго до встречи с Ланой.

Обычно редкие выходные Кремова-холостяка протекали в ничегонеделании, сонная апатия едва позволяла прогуляться и подышать свежим воздухом, да и то через титаническое усилие воли, нороя в противном случае запереть на весь день в постели под предательски теплым одеялом.

Однажды удалось проснуться рано, безо всяких внешних причин. Баланс чудно покоился в точке «М». Удивившись, Игорь сварил кофе и с ним тратил неожиданный бонус времени на расслабленное созерцание пейзажа за окном. В квадрате, очерченном контрастно-темными полями стен, медленно проплывали облачка, похожие на пену для бритья, которую кто-то пальцем размазал по синему кафелю: влево-вправо, влево-вправо. «Так вот как картины пишутся!» – лениво подумал Нерв, прихлебывая остывший американо.

Вместе с ранним пробуждением пришло редкое состояние беззаботности и благодушия. Ничто не раздражало и не преследовало, любую случайную мысль можно было обдумать обстоятельно, по-бюргерски деловито, почти плоско.

ХАЭН пикнул новостным уведомлением. Что там? «Вчера ночью на взлете потерпел аварию космический аппарат „Надежда-11“, разрушена стартовая площадка, человеческих жертв нет». Вот и мысль, обдумывать которую сейчас наверняка примется мозг. «Надежда-11»! С бесхитростной прямолинейностью технари нумеруют изделия строго по порядку. Никто уже не верит, что хоть одно из них преодолет барьер безнадеги и пробьет дорогу за пределы купола. Вон Мегаполис – не дураки и технически поразвитей, а попыток выбраться в космос не предпринимают, и ладно б защекинские ракетчики как-то сглаживали негатив, маскировали как-то: например, нумеровали попытки, чтобы никто не помнил, сколько раз яйцеголовые облажались, – так нет же, упорно афишируют в цифрах провалы. Эдак «Надежд» все больше будет, а надежды все меньше. Если б тот же Мегаполис взялся за дело, то уже после пары аварий у проекта свершился бы ребрендинг, номера присваивали бы типа «Икс – 1,47 лэвэл 358», где не разберешь, к чему «икс», к чему «лэвэл», а к чему цифры – обделайся катастрофами хоть по горло, никто не заметит.

Все-таки не вышло у Игоря по-бюргерски самодовольно и благодушно отнестись к новости. Настроение испортилось. Он очень переживал неудачи с «Надеждами».

Нужно пройтись.

В голове текли вязкие мысли, причудливо перекидываясь между устройством вселенной и надобностью купить кефира да колбасы, как вдруг внимание привлекла витрина мотокомиссионки.

За стеклом блестели наполированным пластиком игрушки для подростков и не очень мальчишков – инвентарь определенной категории чудаков, той, что не лучше и не хуже иных, застолбивших право на свое существование непотопляемым: «А, ладно! Лишь бы не пил, не кололся!»

Если честно, Игорь не прочь был увлечься чем-то, пусть и не рациональным, пусть даже дорогостоящим, но отличным от кровавых рубашек и «вони» нашкодивших жуликов, вот только не срасталось ни с одним хобби. И не скажешь, что он плохо старался разбавить монотонность жизни, – да если б его старания вдруг стали предметом рассмотрения суда по вопросам добросовестного старания, то у присяжных не нашлось бы причин упрекнуть подсудимого в лени. Ну разве что чуть-чуть, на маленький условный срок, и то – для острастки, чтобы еще лучше старался.

«Какая чушь вертится в голове! – с отвращением заметил про себя Игорь. – Свихнусь скоро с этой работой». Он еще раз посмотрел на витрину. Нужно зайти. Не за аргументами для суда, а... да хоть бы и за аргументами, пусть так!

Внутри было тесно: мотоциклы стояли рядами впритык друг к другу, проходам неоставало ширины – из-за этого салон больше походил на нарядный склад, где вместимость поставлена во главу угла, а демонстрация прелестей товара – дело третье. На дилинканье дверного колокольчика из подсобки тут же выскочил продавец, распространяя в воздухе запах лапши быстрого приготовления. Впрочем, он ограничился кивком приветствия и не стал сходу расстреливать посетителя очередями рекламы, за что удостоился безмолвной благодарности Игоря.

Послonyaвшись пару минут в тишине между мотоциклами, Игорь уже собрался с чистой совестью продолжить прерванное шествие за кефиром, как вдруг что-то екнуло в груди. У дальней стены неприметно стоял ОН. Не начищенный, в отличие от остальных, а напротив, покрытый солидным слоем складской пыли, без бирки с ценой и параметрами, но однозначно в миллионы раз более притягательный, чем все его собратья вместе взятые.

Каждая грань, каждая линия этой машины стремились к волнующему совершенству: в круглой фаре, глубоком вишневом колере бака, в изящной клетке рамы и тусклом металле V-образного мотора светилась прелесть чистого естества. А эти колеса? Широкое заднее и переднее, поменьше, прикрытое сверкающими тормозными дисками с рельефными суппортами! А раздельное сиденье из перфорированной кожи? Волшебное! Он моментально покорила бесстыдством здоровой наготы и наплевательским отношением к публике, падкой до продуктов вульгарной моды. Такой настоящий, честный.

– Привезли еще летом, но не продается. Цена, наверное, высоковата, – послышался голос продавца за спиной.

– Что за аппарат? – не оборачиваясь, спросил Игорь.

– «Супер-В» от «блюстар», модель редкая, да и фирма разорилась недавно, так что за запчастями кому-то побегать придется.

– Сколько стоит?

– Сто сорок пять тысяч, меньше никак, он в закупке золотым вышел, – будто извиняясь, сказал продавец. – Возьмите лучше «лайтнинг», товар ходовой, как надоеет, продадите легко...

Заскрежетали многочисленные стулья по казенному полу, раздался шелест платьев одевавшихся мещан. С разочарованными лицами те покидали места за длинными обшарпанными столами, так и не вкусив садистского удовольствия коллективной расправы. Суд добросовестного старания отныне упразднялся за ненадобностью, а подсудимый, не в состоянии поверить собственному спасению, растеряно хлопал глазами: не сон ли происходящее?

«Супер-В» стоил дорого, поэтому денег на покупку сразу не нашлось. Ко времени их с Игорем встречи Кремов уже прочно втянулся в забавную игру молодых холостяков под названием «тайнственное исчезновение зарплаты», где тайнственное исчезновение от размера зарплаты не зависело, но наступало неизбежно. Сто сорок пять тысяч копились медленно и в муках. Каждый раз, приобретая что-то в магазине или собираясь на вечеринку, Игорь блокировал ХАЭН на лимит расходования средств. Он все реже пускался в путешествия по ночным клубам, реже обедал в прежних недешевых ресторанчиках с Михой, да и само общение с этим гулякой свернулось до минимума.

Однако время шло быстро, а сумма накоплений росла, напротив, неспешно. Через три месяца с восьмьюдесятью тысячами на ХАЭНе измотанный экономией Игорь решил, что свою миссию тот пыльный «Супер-В» может выполнить и опосредованно, ведь он уже заразил бациллой мотоциклизма. Стало быть, пока можно согласиться на «лайтнинг», тем более он товар ходовой со всеми вытекающими, а «СВ»... да тот наверняка уже продан, три месяца – изрядный срок.

Сделка с совестью показалась выгодной, и через неделю поисков подержанный «лайтнинг» поблескивал надраенным пластиком в арендованном гараже... с беспощадной очевидностью констатируя провал политики «стерпится-слюбится».

Ходовой товар вскоре ушел в руки нового хозяина, который, несомненно, влился на нем в стаю клонов, бороздящих ночные улицы без шлемов и в тапочках, пугающих обывателя визгом рядных малокубатурных четверок. Опустошенный же Игорь решил взять перерыв, сосредоточившись на работе.

Но заноза не давала покоя, раздражая зудом в груди. Не выходил из головы образ «Супер-В». В конце концов Кремов отправился в ту же мотокомиссионку безо всяких надежд и ожиданий, просто чтоб освежить давешнее прекрасное чувство.

«Супер-В» стоял как ни в чем ни бывало на том же месте и без ценника, правда, начищенный, как и все остальные мотоциклы.

– За сколько отдадите? – спросил Игорь у того же, что и в прошлый раз, продавца.

– Сто сорок пять тысяч, меньше никак, он в закупке золотым вышел, – устало ответил тот, конечно не узнав посетителя, и после паузы добавил: – Если что, на «лайтнинг» посмотрите, он дешевле, но ничем не хуже...

Глава 8

Как же давно это было! Сегодня Игорь уже не Нерв, и той жизни с ленивыми выходными нет, как, впрочем, и холостяцкой вольницы, и лучшего друга Михи рядом. Он-то выдержал, остался. А Игорь пытается справиться со своим кризисом и недовольством жены.

Сегодня предстояло вывести мотоцикл из гаража после долгого перерыва.

– Давно не виделись, «Супер-В», – улыбнулся Кремов, – наверное, со времен моего лейтенантства. Как ты?

Сейчас мотоцикл, безусловно, выразил бы обиду и пожаловался на одиночество. Шутка ли, два с половиной года заточения в темном боксе, без дорог, без ветра, без побед над уличными конкурентами – немудрено обидеться, но, предвкушая скорый выезд на волю, «СВ» предпочел тактично промолчать.

Из брошенной на пол тяжелой сумки Игорь достал канистру свежего моторного масла, новый аккумулятор, баллончики со смазками и приступил к работе. Через час, нетерпеливо вжикнув стартером, «Супер-В» запустил двигатель, а в душе Кремова затрепетало что-то, будто вернулась из прошлого и обняла с улыбкой первая любовь.

Глава 9

«Супер В» под глухой рокот двигателя носил хозяина по улицам Западного Мегалополиса. Это было бесцельное блуждание. Занятый невеселыми мыслями, Игорь не обращал внимания на маршрут – лишь бы ехать.

Пушистый слой дорожной пыли тонкой кисеей замутнял глянцевое отражение города в кривых поверхностях бензобака. Пузатые здания и скукоженные кроны деревьев, перемежаясь огнями вечерних витрин, скользили от приборного щитка до крышки заливной горловины, будто в старой киноплёнке с муаром.

Два месяца новой жизни дались непросто, реальность встретила очередного простого смертного с прохладцей.

Ни в Улье, ни в «Нерве» Кремову не доводилось оставаться с ней один на один: его берегли как тонкий капризный инструмент, извлекая лишь по надобности. Даже самые страшные преступления били по восприятию Игоря точно, отчего теперь казались немного нереальными, сказочными. После нырков в их пучины Нерв переваривал «послед» в комфортном кабинете и мало-помалу заштопывал прорехи, оставленные страхом в сердце. Игорь всегда имел достаточно времени для этого и никогда не озадачивался насущными проблемами.

Уволившись с «полного пансиона», он словно очутился в параллельном мире. Сначала закончились деньги, затем прежние друзья. С поиском работы не заладилось, боссы видели в нем очередного раба, что было неприемлемо категорически. Начали открываться простые истины: он рядовое быдло, весьма далекое от кормушки; цена ему грош и воспринимают его не так, как хочется; прошлое никого не интересует, людям интересно, чем он полезен для них здесь и сейчас...

Подкатило разочарование. Никому больше не требовались подвиги Нерва, никто слухом не слыхивал об их ценности и элементарно не понимал, почему вообще кто-то мог получать деньги за дурацкое самобичевание. Интересно, как использовали бы скрипку Николо Амати мясники на скотобойне, попади она туда божьим промыслом? Точно не знает никто, но скрипкой на скотобойне Игорь себя чувствовал все больше.

В сознании замаячили пораженческие настроения. Сожаление по поводу ухода из отдела, тоска по сытым временам и жалость к себе, бедному, затянули партию убогой душевной мелодии.

Где же справедливость?!

Игорь ощущал детское негодование: почему судьба на его честный и совестливый Поступок – уход из прогнившего Нерва – отплатила черной неблагодарностью?

Вот оно, вот! Полезло. Рассуждения о Боге, который тебя оценит и своей безграничной силой одарит достойным будущим. Ну и деньгами, и камнями драгоценными... Противно.

Куда деваться от этой дряни, неужели он один такой?

Давеча, шагая по улице, Игорь заметил бомжа, развалившегося на тротуаре. Тот спокойно, с достоинством ел грязное яблоко. Случайно пересеклись взглядами. Нерв распознал в бомже интеллектуала не самого последнего порядка – очень умные и слегка печальные глаза. Моментально в голове выстроилась картинка его, Кремова, конца: задумчиво любясь закатом, он будет так же поедать подобранные объедки и размышлять о несовершенстве мира, погружаясь в собственный декаданс. Не будет гонки за баблом, не будет сделок с совестью и общественной несправедливости... но и взамен этой гадости ничего не будет.

Замигала лампочка «топливо», стало совсем тоскливо. Утром ХАЭН беспристрастно известил о низком уровне средств на счету. Мог и не утруждаться, за неделю постоянных напоминаний Игорь уже на атомном уровне усвоил это. Но критически низкий не значит нулевой, следовательно, «Супер-В» заправить еще можно.

На ближайшей АЗС царили запустение и тишина. Неугомонные стритраекеры наполнили баки ржавых корыт еще вечером и теперь надрывали движки кое-где по улицам и переулкам. Таксисты, откатав на буме закрывающихся баров, сейчас дремали у вокзалов и отелей. Автопарочки предавались любви в глухих тупиках.

Игорь не спеша, с наслаждением подкатил к бензоколонке, поставил мотоцикл на боковую подставку и направился в ярко освещенный зал. Заспанная девушка оператор, зевая, флегматично выбила чек и с отвращением ударила по кнопке отпуска бензина.

Пока топливо под урчание насоса заливалось в «Супер-В», у соседней колонки затормозил мотоциклист на потрепанной двухсотке с ящиком, колхозно притороченным к сиденью резинками и крючками. На задней стенке ящика красовалась надпись «Пуля» и номер телефона. «Доставка», – догадался Игорь.

– Здорово! – приветствовал он курьера.

– Хай, – охотно отозвался тот, – классный у тебя аппарат, я тоже такой планировал купить, но потом передумал: говорят, у них «мозги» горят часто.

Сразу стало понятно, что парень из числа любителей поболтать. Пыльная экипировка и выдавший виды транспорт давно просились в утиль, так что настоящей причиной, по которой он до сих пор не поменял их, была конечно же нищета, а никакие не «мозги», да и не изъяны «Супер-В» вообще.

– Всегда хотел узнать, каково это – работать курьером? – спросил Игорь, внешне соглашаясь с ним.

– Собачья работа, – театрално вздохнул собеседник, – ни прилечь, ни поесть спокойно, а платят гроши!

Ему потрафило отношение Игоря к версии с «мозгами». В таких случаях Нерв без труда ощущал благодарность собеседника, пусть даже оба знали, что это игра в поддавки.

Спонтанно родилась идея: мотоцикл есть, времени пока навалом, а вдруг?

Пашка, как представился курьер, не отказался от стаканчика кофе – и вот под неодобрительный взгляд оператора, потревоженной в очередной раз, они с Игорем уже беседуют на лавке для отдыха заправщиков.

– Работа интересная, но постоянно на ногах, – размеренно начал Пашка, – заказы разные, можно пиццу возить, а можно что-нибудь несъедобное, документы например. У кого мотоциклы мощные, те вообще на межгород ходят и в день могут больше двух штук срубить чистыми. Девка у нас одна на литре – может, видел, мелькает частенько тут? – Игорь отрицательно помотал головой. – Так вот, – не смутился рассказчик, – она возит какие-то важные пакеты, видимо, имеет солидные бабки, на кобыле хромой не подъедешь!

Тут на ХАЭН Пашке позвонили, он принял через наушник, уверенно заявил, что «сломаюсь», отключил связь и подмигнул Кремову:

– Диспетчер. Я уже сегодня и так наработался, харэ.

Он еще долго рассказывал Игорю всевозможные истории, быстро скатившись к своей персоне и позабыв о первоначальной теме. К концу повествования утомленный Кремов знал о новом знакомце массу вещей, абсолютно ненужных и, откровенно говоря, неинтересных, но кофе бодрил и сглаживал раздражение. Теперь Игорь почти верил, что стоит попробовать с этой работой, лишь бы Лана не воспротивилась.

Она в последнее время все принимала в штыки, заводилась по каждому поводу. Кажется, переживала его увольнение особенно тяжело. Сегодня жена осталась у родителей, обидевшись на какой-то пустяк. С ними Игорь не общался вообще, поэтому Лана оказалась вне доступа, свой ХАЭН выключила.

Горько. Стоило бы поговорить с ней, обсудить все, но не складывалось. Он пообещал себе исправить это прямо завтра.

Но это завтра, а пока – сон и воронка параллельной реальности.

... На мостике тихо и темно, автомат самостоятельно корректирует полет, экипаж отдыхает в каютах. Игорь идет по узкому коридору к аппаратному столу, чтобы развалиться в удобном штурманском кресле и полюбоваться пейзажем через панорамное остекление. Еще на подходе к морю разноцветных огоньков, сверкающих на аппаратном, он останавливается, захваченный открывшимся видом: над станцией нависает голубая, в разводах белых облаков, планета. Край гигантского шара контрастно оттеняет черную космическую бездну. Из-за бортовой гравитации на миг создается иллюзия, будто станция падает вниз, сорвавшись с Земли, по коже пробегают непрощенные мурашки.

– Лейтенант? – неожиданно раздается голос из ближайшего кресла.

Игорь не заметил в темноте командира экипажа, наверняка любовавшегося тем же видом.

– Не спится? Проходите на штурманское, оно еще час будет свободно.

Командир, однако, смотрит не на землю, а куда-то выше. Игорь следует его примеру. Прямо над их головами тройкой лиловых тюльпанов зияют сопла космического клипера. Пристыкованный к станции, тот несется по орбите даже не «на спине», а «вверх ногами».

– Наше будущее, – произносит командир. – Не многие понимают, зачем нужен космос. Десятилетиями люди выращивают кристаллы, фотографируют звезды, устраивают опыты уровня третьего класса начальной школы. А вот он, – командир взглядом указывает на клипер, – ключ к новым далеким мирам.

Солнце показывается из-под дуги земного горизонта, ярко освещая «ключ». Серебряной цирковкой вспыхивают кольца на кромках сопел, загнутые концы коротких крыльев и высокий вертикальный киль – снежно-белые – размываются на фоне океанов, облаков и континентов, на фюзеляже под большим углом угадываются красные буквы «СССР».

– Как ваши успехи в психических опытах? Слышал, вы проявляете недюжинные способности, – интересуется командир.

Игорь неопределенно пожимает плечами, уклоняясь от разговора на тему. Уже сейчас очевидна ее сакральность. Тихие коридоры института и проницательные преподаватели с вкрадчивыми голосами никак не вязались с мечтами молодого поколения о покорении космоса. Это заставляло лейтенанта скрывать принадлежность к касте Нервов. Командир далеко не юноша, но и ему открываться не хотелось. Вдруг неправильно истолкует?

– Вы зря смущаетесь, – улыбается тот, – я понимаю, что орбита и космонавтика не первое ваше призвание, но и не последнее, поверьте.

Игорь искренне благодарит его. Остаток времени они не отрываясь созерцают восхитительную панораму космоса и Земли с застывшим на ее фоне клипером...

Глава 10

Утром стало ясно, что Лана не приедет, ее ХАЭН по-прежнему не принимал входящих. Игорь написал сообщение о предстоящей командировке, о том, что скучает. По правде, никакой командировки не планировалось, но Лана наверняка приободрится, поймет, что муж старается, ищет возможности заработать, и отгадет. Пора бы уже.

Открыв холодильник, Игорь слегка залип на баночке темно-синего цвета, затем достал кусок сыру и быстро захлопнул дверцу. Сейчас было проще справиться с собой, сил доставало. Баланс выравнивался, мысли пришли в порядок, по пунктам ясно, чем заняться: поговорить с женой, попробовать новую работу. Зачем вмешивать Хижэ Клур? Он для крайних случаев.

Внутри все же беспокойно.

Глаза пробежали по новостной ленте. Все как обычно: на одном из ребисовых рудников что-то рвануло, столько-то погибших, столько-то пострадавших; в Молчановке распотрошили очередную инкассаторскую машину, инкассаторы погибли, «полиция ведет расследование»; компания БММ выпустила новый шикарный лимузин (под новостью тысячи «компетентных» комментариев от тех, кто его никогда даже не потрогает во сне); известная порнозвезда возмущена неприличным намеком, брошенным семь лет назад в ее адрес каким-то политиком; ученые выяснили, как продлить жизнь с помощью ежедневного прикладывания к темени предметов розового цвета; волейбольный чемпионат вышел на финишную прямую, определились фавориты и аутсайдеры...

Порывистым движением Игорь вырубил ХАЭН, от чтения ленты настроение стремительно падало ниже самой низкой отметки. Он не мог объяснить себе, почему новости вызывают рвотный рефлекс.

Например, известия о движении проекта «Ариэль» одноименной компании живо занимали общество от нижних до верхних слоев. Шутка ли: яйцеголовые почти построили секс-робота, способного полностью заменить человека. В сети несложно отыскать видео, где испытатели потели с прототипами на кушетках и выглядело это очень натурально. Ариэли стонали и подмахивали почище иных актрис. Осталось отладить искусственный интеллект и встроить функцию приготовления кофе после полового акта. Перспективы поражали – сколько же несчастных одиночек обретут радость бытия! Ариэли смогут прогуливаться с хозяевами по променадам, впопад отвечать на вопросы и даже шутить! Количество самоубийств снизится на порядок, разовьется целая прикладная индустрия: хочешь Ариэль с лицом и голосом своей школьной училки в ее лучшие годы – пожалуйста! Хочешь копию жены друга – не проблема! На одном и том же ариэлевском шасси с помощью сменных лиц и гибких настроек можно организовать целую коллекцию объектов вождения!

«Красота! Среди бегущих первых нет и отстающих!..» – пришли Игорю в голову строчки из какой-то древне-лохматой песни позабытого всеми певца. Но в то же время разило от «Ариэля» чем-то жутким. Может, предрассудки? Может, но представить себе электрическую Лану Нерв не мог.

Глава 11

Позавтракав, он решил съездить туда, где все начиналось. Ему просто некуда больше было идти.

Приземистое старое здание дышало монументальностью. Окруженное со всех сторон высоченными соснами, оно напоминало вековой камень, несокрушимый, неподвластный времени и невзгодам. От массивных входных дверей обратным амфитеатром спускалась лестница, соединявшаяся у основания с дорогой, мощенной бетонной плиткой. Дорога, в свою очередь, совершая пару изгибов, вела через старый парк к воротам со звездами в центре чугунных двухтонных створок. Конечно, воротами пользовались редко, в особых случаях. Открывать и закрывать их, даже с помощью современных моторов, было делом долгим и хлопотным, на это гораздо лучше годились шлагбаумы у заднего въезда, которым пользовались черные автомобили начальствующего состава.

Институт жил обычной жизнью. Как и десятки лет назад, по коридорам, переговариваясь вполголоса, спешили курсанты или важно шествовали преподаватели – высшие чины корпуса нейронной криминалистики, занятые раздумьями.

В миру это загадочное заведение именовалось НИСПом – Национальным институтом следственной психологии – и простому обывателю представляло малоинтересной государственной конторой, «которая была всегда на моей памяти, но, чем конкретно занимается, не знаю».

Институт не являлся звездой телепрограмм и радио, о нем не писали газеты и даже сетевой поисковик выдавал только повторяющиеся ссылки на скудный официальный сайт и обрывки ничего не значащих материалов, где аббревиатура «НИСП» отмечалась вскользь.

Но у здешних обитателей всех поколений за НИСПом закрепилось прозвище Улей.

Хотя институтская территория располагалась на стыке Зашекинска и передовых районов Западного Мегалополиса (совсем недалеко, всего в нескольких кварталах от Линии свободы), складывалось впечатление, что Улей прятался где-то на отшибе, в сотнях километров от цивилизации, а высотки тех самых кварталов, словно горная гряда, отделяли его тихую жизнь от суматошной городской реальности.

Стены Основного учебного корпуса, «намоленные» за долгую историю, хранили память о поколениях Нервов, постигавших трудную науку психозрения. Старшие курсы и одаренные новички ощущали исходившие от них волны прошлых свершений и драм. Здесь бережно культивировалось знание, уходящее корнями в домегаполисную эпоху освоения Земли.

Игорь любил огромный институтский парк, здесь легко дышалось. Вдруг расхотелось обдумывать текущие проблемы, и память увела в прошлое.

Всю сознательную жизнь Игорь провел в Улье, родителей не помнил. Из личного дела выходило, что они погибли на ребисовых рудниках, когда сыну едва исполнилось три года, – сначала отец, потом мама. Очевидно, родители были прекрасными людьми и любили друг друга, раз мама отправилась за отцом в такое гиблое место.

Маленький Игорь после трагических событий несколько лет прожил в семье отцовского товарища. Его, крепкого усатого работягу с сильными ручищами и не сходящей с лица доброй полуулыбкой, Кремов помнил довольно хорошо. Хоть приходилось несладко, дядя Витя почему-то не уехал на юг в поисках заработка, а остался у северо-восточного кордона – первой очереди заселения беженцами из Солнечного. Местность считалась самой бесперспективной: кругом пустоши, до Линии свободы как до звезды, блага цивилизации отсутствуют, дорог по пальцам перечесть. В молодой семье дяди Вити еще не было своих детей, и они с женой приняли Игоря как родного. Несмотря на трудности, жизнь постепенно вошла в нормальное русло. Тетя водила Игоря в детский сад, наспех организованный в поселении беженцев, само оно стало называться «станичкой», появилась работа – дядя трудился в сельском хозяйстве,

кажется. Инженеры нашли воду, поставили водонапорную башню, смонтировали радиоточку, а пустошь люди принялись засаживать можжевельником. Станичка так и осталась крайним населенным пунктом Большого Мегалополиса со стороны покинутого навсегда Солнечного. Севернее кроме можжевельника ничего не было.

Игорь сохранил в памяти образ деда Никифора, дядькиного тестя, потерявшего жену в Солнечном. Такой же крепкий, как и дядя, только чуть более сухой, он обожал осиротевшего «казачонка» и вечерами после работы возился с ним, несмотря на жуткую усталость. Дед мастерил какие-то домики из спичек, учил подражать токованию голубей («сложи руки в замок, теперь чуланчик там сделай, прикрой большими пальцами... та не сильно... теперь дуи туды, как в дудку... молодец!»), пользоваться столярными принадлежностями («на, забивай гвозди в ту чурку, пока не упреешь») и брал с собой в пустоши, когда садик не работал.

Однажды к Виктору Николаичу пожаловали таинственные визитеры. Двое мужчин в черных костюмах о чем-то негромко поговорили с ним на кухне, а затем быстро ушли. Вечером того же дня дядя Витя с тетей горячо спорили. Она что-то возражала, до уха мальчика доносилось ее «не отдавай...», «ты же Максиму обещал...» и дядькин приглушенный бас.

Через месяц визитеры забрали Игоря в Улей. Приемные родители проводили до самого Защекинска, там обняли – и больше Нерв их не видел.

Вообще станичка промелькнула быстро, казалось, что именно с Улья началась история Игоря, с Ульем связана масса ярких воспоминаний, здесь по-прежнему трудится любимый Учитель.

Как-то жарким майским днем Кремов старался не уснуть, слушая в большой полупустой аудитории лекцию по невербалке. Так предмет называли все обитатели Улья от начальствующего состава до ленивых курсантов, помечавших аббревиатурой «НКО» титульные листки конспектов. Игорь принципиально написал на обложке тетради длинное: «Невербальная коммуникация в обществе» – и на первом занятии усердно, как обычно, пытался вникнуть в суть. Но то ли позднее время (лекция читалась последней), то ли жаркая погода, сморившая слушателей, то ли еще какая причина, но не шла в сознание мерная убаюкивающая речь профессора Казиминова. Тот расхаживал вдоль преподавательской кафедры, сухонький интеллектuala за шестьдесят. Уложив голову на столешницу, Кремов из последних сил разбирал его слова «о предмете и методе», как вдруг в аудитории повисла тишина. Встревоженный Игорь принял вертикальное положение, испугавшись, что остановка из-за него. Но нет, Казимиров не смотрел на сонного курсанта, он не смотрел даже в сторону амфитеатра, где на разных ярусах развалились три десятка молодых людей. Преподаватель, осекшись на полуслове, устремил взгляд в точку за окном. Впрочем, кроме Игоря встрепенулась лишь пара человек, остальные блаженно сопели, сраженные весенними лучами и недавним обедом.

– Внимание! – неожиданно громко скомандовал Казимиров, развернувшись к курсантам.

От окрика публика начала приходить в себя, зашуршали конспекты, покинувшие объятья морфея ошалело таранились по сторонам, наивно полагая, как и Кремов, что суета возникла по их вине. Но ни в чей адрес упрека не последовало, наоборот, опустив дисциплинарный момент, пожилой профессор, хмуря брови, начал говорить то, что сняло с молодого Игоря налет усталости.

– Товарищи, – начал Казимиров старомодным обращением, – у вас и у меня совсем нет времени расслабляться и позволять себе роскошь ничегонеделанья. В прошлом НКО был базовым предметом института, базовым! – повторил он для усиления. – Сейчас за то мизерное количество часов, что отводится для его освоения, даже гениальным учителям не донести до вас сути невербальной коммуникации, ее значимости для общества и государства. Мало того, эти несчастные часы ставят последними в учебное время. Вы слишком молоды, чтобы понять причины такой несправедливости, но найдите силы услышать меня! – С каждым сло-

вом профессор все сильнее волновался. – Повторяю, услышьте меня, иначе останетесь пустышками! Пустышками, которые механически нюхают грязные отходы преступников, не озадачиваясь ни причинами, ни последствиями, ни перспективами развития самой преступности. Вы как роботы будете день ото дня копать в помоях, не помышляя, откуда же берутся уроды, извращенцы и почему наше общество в такой глубокой яме! Вам никто не объяснит этого: ни криминолог с новомодной кафедры виктимности групп, ни криминалист, ни квалификатор! – Некоторое время он продолжал в том же духе, напористо, с азартом.

Последние слова он почти прокричал, окончив монолог ударом кулака по столу. Пожилой профессор выплеснул какую-то пока не понятную для курсантов боль, отчаянно пытаясь уцепиться за кусочек их внимания. В годы учебы такое не встречалось Игорю никогда. Чтобы старший вот так, словно от его слов зависит жизнь или смерть, не находя себе места, психологически сближался со слушателями, раскрывался?! Казимиров же, тяжело дыша, походил на загнанного бегуна, отдавшего последние силы на передачу эстафеты. Каждый из младших почувствовал, что «эстафетную палочку» он хочет передать во что бы то ни стало, даже, если потребуется, в предсмертном броске. Тридцать пар глаз тревожно смотрели на преподавателя. Тот выпрямился после удара о стол и приготовился продолжить, но в звенящей тишине бесцеремонно заверещал зуммер, возвестивший об окончании занятия.

Вот это была драма. Тогда не понятая никем из курсантов, но впоследствии определившая судьбу многих из них. Судьбу Игоря точно. Речь профессора детонатором запустила процесс познания важнейшего предмета во всей вселенной. Кремов ощутил синхронизацию с Казимировым, ту самую, о которой профессор говорил на лекциях, ту самую, делающую людей единомышленниками. Теория НКО завладела разумом молодого курсанта, заставляя работать на себя. Куда бы Игорь ни шел, за чем бы ни наблюдал, всегда его оценки, выводы и поступки стремились согласоваться с принципами невербалки. Вначале это раздражало и утомляло, мозг будто заразился паразитами, вытягивающими ресурсы независимо от желания хозяина думать или расслабляться. Игорь даже сочинил отвратительное определение – «интеллектуальные глисты», чтоб осмыслить проблему. Но раздражение постепенно ушло, к нагрузкам на аналитический аппарат он привык, в душе прописалось спокойствие, а при случайном воспоминании о «глистах» губы трогала произвольная улыбка, снисходительно прощавшая «прошлого Игоря» за гадкое отношение к его новому наполнению. Правда, и тогда загадочная природа «невербального» мировоззрения осталась до конца не постигнутой курсантом, он просто доверился интуиции.

Аналогичные процессы происходили с некоторыми другими ребятами с курса. Они сплотились в группу по интересам, делились открытиями, сообща искали ответы на трудные вопросы, штурмовали библиотеку, доводя своими запросами библиотекарей до истерики. Игорь помнил всех: Сашку Мороза, Пантелея Смирнова и других. Тихий маленький Смирнов по прозвищу «Пантюха» преуспел в невербалке особенно заметно. Он как-то признался Игорю, что прямо на улице синхронизировался с мыслями какого-то старичка. Это вызвало эмоции, которые Пантюха, силясь подобрать подходящие слова (выходило сбивчиво и непоследовательно), никак не мог описать и оттого тушевался. Когда товарищ совсем отчаялся, сосредоточенно внимавший Игорь внезапно воспринял суть его послания напрямую! Как будто все пережитое Пантюхой ворвалось в сознание непосредственно, без слов. Игорь даже испугался немного и поспешно захлопнул дверцу, но тут же открыл опять. Каким-то образом до Смирнова это сразу дошло, он осекся и расплылся в глупой улыбке.

Курсанты смотрели друг на друга, сердца готовы были выскочить из груди, и лишь появление Семенштольберга заставило их вновь надеть привычные маски.

– Вы че как гомики сидите? – хохотнул Миха с удивлением.

Впоследствии на открытую Пантелеем волну настроились остальные ребята их тесного коллективчика, а Игорь, как и Пантюха, приобщился к таинству синхронизации.

Один из первых случаев произошел осенью, в середине октября. Стоял пасмурный холодный день, мелкие капли то и дело срывались с неба, пугая скорым дождем. Эта затянутая прелюдия длилась с ночи. Нерешительность погоды расшатывала настроение противными качелями: светлосерым тучам явно не доставало сил на мощный ливень, но и расчищать небосклон они не собирались. Ветер азартно гонял по улицам хороводы разноцветных листьев, трепал кроны деревьев, кустарники, флаги и рекламные баннеры, съезживал зябкими прикосновениями прохожих, намекая на приближение серьезных холодов.

Игорь ехал в такси по улочке Защекинска. Таксист в ручном режиме заставлял дворники растирать надоедливую морось по стеклу. Щелк-щелк, щелк-щелк. Автоматика не попадала в ритм – то позволяла каплям слишком густо залепить стекло, то противно скрежетала щетками по сухому. Вот напасть! Двигались медленно, шофер монотонно притормаживал-ускорялся, повинаясь ритму пробки. Справа на тротуаре внимание Нерва привлекли два человека – парень и девушка. Они шагали немного впереди, поэтому лица разглядеть не получалось. Множество мелких деталей сразу врезалось в память: на девушке юбка из плотной клетчатой ткани, светлые колготки, невысокие сапожки. Она прятала руки в карманах черной куртки с приподнятой талией, но не ежилась от ветра, а, наоборот, уверенно подставляла развевающиеся волосы холодным воздушным потокам. Все предметы ее туалета казались практичными и не слишком изящными, такие покупаются надолго, когда средств на излишества нет. Спутник девушки, запомнившийся лишь темной одеждой, нес в руках какие-то пакеты, вероятно, покупки с близлежащего рынка. Вот автомобиль поравнялся с парой, Игорь повернул голову, чтобы увидеть лица, но хорошо рассмотреть их снова не вышло, помешали деревья. Осталось только мимолетное впечатление – умные, открытые, с чуть наивным выражением и оттого беззащитные...

В тот день память вновь и вновь возвращалась к парню и девушке. Это несколько удивляло Игоря. Даже маячившие поблизости экзамены не могли отвлечь полностью от раздумий, связанных с ними. Почему они привлекли внимание и так запомнились? Почему к ним возникла такая сильная симпатия и родилось желание помочь, защитить, хотя они не просили об этом? Взрослые же люди, вполне уверенно идущие по каким-то делам.

Впрочем, ответ на эти вопросы лежал на поверхности, но Нерв умышленно не торопился формулировать его. Ему доставляло удовольствие новое чувство, которое не хотелось тревожить логикой рассуждений. Это как увидеть наяву добрых героев своих сновидений или узнать в толпе сказочного персонажа – они идеальные, такие, какими их представляешь, понятные, насколько это возможно, почти родные, но в тоже время настоящие, осязаемые. Происходящее реально и оттого еще более фантастично, ведь не улица грязного города и будничные обстоятельства – их среда обитания, а твои мечты.

Просто неожиданно, впервые глаза нашли тех, среди которых захотелось жить, тех, с кем не страшно строить Завтра и с кем можно стоять плечом к плечу перед опасностью, будучи спокойным за свою не напрасно отданную жизнь.

Как он понял, что те двое ему близки? Прислушался к себе. В их поведении ощущалось достоинство и доброта, несмотря на скромную одежду, их лица не выражали агрессии или зависти. Игорь почувствовал и их тепло, так «пахнут» нежность и взаимоуважение любящих людей.

Кремев поморщился от удовольствия, по спине скользнули мурашки. «Вполне возможно, я себе это все придумал», – пришла тогда в голову мысль, но, странно, не вызвав настоящих сомнений или разочарования.

К сожалению, каким-то образом слушок о речи Казиминова дошел до ректората. Вряд ли это стало следствием злого умысла или доноса, просто судачили о произошедшем все курсы с первого до последнего, что, по определению, не могло укрыться от внимания старших. Ректор выступил на всеобщем собрании в актовом зале и указал, что, несмотря на заслуги уважаемого профессора, негоже акцентировать внимание курсантов на своем предмете, пользуясь

средствами эмоционального внушения. Затем выступающий для порядка прошелся по теме нарушений в общежитиях, огласил список отстающих и отличников и на том закрыл собрание. Только совсем недалеким обитателям Улья причина сбора показалась обычной, всему преподавательскому составу и думающей части слушателей посыл руководства обозначил очевидную вещь: группа предметов НКО утратила актуальность и перспективу для научной карьеры. Через месяц после описанных событий, в связи с ними или нет, НКО перевели в разряд зачетных предметов с сокращением аудиторных часов. Кроме того, из программы исключили современные проблемы НКО, историю НКО и еще ряд смежных дисциплин для высвобождения лекционного времени в пользу основ использования ЭВМ в психоанализе и виктимологии.

Большая доля курсантов немедленно отреагировала на падение «рейтинга» казимиrowsкого предмета тотальным «забыванием» и прогулами. Старик пробовал бороться с этим репрессивными методами, но политика руководства и возможность пробить зачет через непрофильных преподавателей свели его усилия на нет. Потерпев поражение, Евгений Митрофанович прекратил следить за посещаемостью и расписывался в зачетках, не утруждаясь борьбой с двоечниками, а затем вовсе слег в госпиталь: диагноз – нервное расстройство.

Определенно, произошедшее, несмотря на показное безразличие Казимиrowа, подточило его изнутри.

В госпиталь тут же подрядилась идти разношерстная группировка курсантов, чтобы поддержать преподавателя. Все они преследовали разные цели: кто-то решил отметиться в палате старика, чтобы получить самозачет, кто-то зарабатывал общественные баллы показным состраданием, кто-то страховался на случай возврата НКО на прежние позиции. Кремов не входил в число ни тех, ни других, ни третьих. Игорь глубоко переживал, предчувствуя возможность «схлопывания» наставника.

Еще после собрания к Игорю подходил Миха Семен-штольберг. Вечерело, гурьба молодых людей разбредалась по общежитиям. Кремов шел по дорожке, погруженный в размышления о профессоре, когда услышал позади оклик Михи:

– Дружище, погоди! – Приблизившись, тот попросился в компанию до общаги. – Что скажешь о вспышке старика?

Игорь пожал плечами, не придумав ответа.

– А я считаю, это отчаянье. Его кафедру прикроют, так в ректорате говорят.

– Ты-то откуда знаешь? – недоверчиво спросил Кремов.

– Позавчера я там дежурил на посту ДНД и слышал через приоткрытую дверь беседу проректора с Николаенко.

– Николаенко здесь причем?

– Наверное, криминалистам часы отдадут, предупреждают заранее, – солидно ответил Миха, желая сразить прозорливостью.

Игорь промолчал. Семенштольберг воспринял это как знак уважения и готовность слушать дальше.

– Думаю, это правильное решение. Жаль, конечно, Казимирыча, но что дает в жизни его невербалка? Лучше побольше практики получить, чтоб курса с четвертого уже в «Нерве» стажироваться, верно?

Резануло по ушам панибратское «Казимирыч». Конечно, взглядов Михи Игорь не разделял, но предпочел ответить уклончиво:

– Не знаю, Миха, стоит ли так жестко?

– Согласен, у старика много связей, может и камбэк устроить, – восприняв слова товарища на свой манер, рассудил Миха, – лучше действительно пока обождать и глянуть, чем дело обернется. Ты умный человек, Игорь!

Поборов внутреннее омерзение, Кремов заставил себя улыбнуться и поблагодарить Семенштольберга.

Припомнив тот диалог по дороге в госпиталь, Игорь вздрогнул от знакомого приступа гадливости: Миха уверенно шагал в толпе курсантов бок о бок с ним, разглагольствуя с кем-то о печальной участи «всеми уважаемого и любимого Евгения Митрофановича» и о том, какие же все они молодцы, что решили поддержать старика – «возможно, на одре». Кремов встречал и растерянные взгляды; их обладатели неуверенно озирались, силясь понять, как же можно решать насущные проблемы путем такого лицемерия. Пантюха вообще не пошел, он не перенес бы такого и наверняка б взорвался, изобличая под всеобщий хохот окружающих негодяев. Впрочем, сам Игорь не удивлялся и, уверенно заталкивая отвращение поглубже, стремился настроиться на положительный лад, ведь ослабевшему профессору требовались хорошие эмоции, а не хмурые от невеселых дум посетители. В ближайшем магазинчике курсанты приобрели складчину фруктов и, предвкушая эмоциональную встречу, поторопились в госпиталь.

– Здравствуйте, Евгений Митрофанович! – парадно затянул староста девятой группы. – Мы пришли справиться о вашем здоровье!

Не ожидавший визита профессор обрадовался всем несказанно: все-таки как бы ни был заслужен и уважаем человек, он в трудные минуты ценит именно простое участие. Казимиров, сдерживая слезы и улыбаясь детской беззащитной улыбкой, принимал нехитрые подарки как великую драгоценность и жал протянутые курсантами руки обеими ладонями. Таким учителя Игорь увидел в первый раз. Позабылись скверные мысли и истинные мотивы многих товарищей, сейчас каждый, наверное, был уверен, что именно ради вот этого светлого момента он сюда и пришел.

– Спасибо, мои дорогие! – с трудом выговаривал профессор. – Как там Улей поживает без меня?

Слово «Улей» раскрепостило всех своей неформальной окраской, и кое-кому захотелось пофамильярничать.

– Видите ли, профессор, – сострил Миха, удачно подражая ректору, – институт без вас обходится прекрасно. – И тут же, вернувшись в свой образ, закончил: – Но нам без вас плохо! Выздоровливайте!

Казимиров смеялся, сидя на койке. Шутка понравилась всем, даже напрягшемуся на мгновение Игорю. В его глазах Миха поднялся на новый уровень: тот либо был виртуозом лицемерия, либо искренне умел поддаваться светлым порывам.

Посмеявшись, профессор ответил:

– Раз так, то я спокоен, вы ведь для меня и есть настоящий авторитет. Я тут, валяясь, придумал, как бы нам с вами видеться чаще. Что скажете насчет научного кружка по НКО в свободное от учебы время?

Большинство подавило желание выругаться. Вот уж растрогали старика так растрогали! Напоролись на «любезность» в виде отнятого попусту времени, а если отказать, обидится, – плакал тогда самозачет, да и нынешнее посещение в итоге зряшным выходит! Повисшее секундное молчание с идиотской улыбкой нарушил староста:

– Факультативный кружок?

– Конечно, – ответил Казимиров, – никого не принуждаю и понимаю, что у каждого множество своих дел, а кто-то уже занят на других кафедрах. Без обид, но приглашаю всех!

Самой естественной реакцией на эти слова стал бы всеобщий выдох облегчения, но курсантам хватило такта подавить его.

В дальнейшем разговоры касались самочувствия профессора, и представление покатилося к логическому финалу: курсанты начали прощаться и гурьбой пятиться к выходу. Потянулся за всеми и Игорь, но голос учителя остановил его:

– Чижик, подожди!

Чижиками Казимиров называл многих курсантов, поэтому такому обращению никто не удивился. Пара человек обернулись, но, удостоверившись, что окликнули не их, поспешили вслед за уходящими. Преподаватель и ученик остались одни.

– Ты молчал все время, Чижик.

Игорь смущенно пожал плечами.

– Я увидел вас, понял, что обошлось. Не знаю, что нужно говорить в таких случаях.

– Да, видеть ты умеешь. Но и я не лыком шит. О схлопывании переживаешь?

Игорь, с трудом сглотнув, обозначил кивок. Казимиров с неизменной полуулыбкой следил за ним.

– А много ли ты помнишь схлопываний в последнее время, Чижик?

– Нет, Евгений Митрофанович, только из методичек знаю, что это. Но этим вы меня не успокоите. Кому схлопываться? Мы грызем теорию психозрения, а там Нервы с галактическими параметрами, только им схлопывание и грозит, не спорю. Но вокруг что-то таких не видно, плюс химия помогает прекрасно. Перетрудился, употребил банку Хижэ Клура – и сняло как рукой. Какое схлопывание? Максимум алкоголизм. Другое дело – вы или Александр Петрович, например. Так что аргумент о конкретных примерах не принимается.

Казимиров не сдержал полноценной улыбки.

– Как тебе инициатива с кружком?

– Евгений Митрофанович, – смущенно начал Игорь, – я не уверен...

– Не продолжай, – перебил Казимиров, – мне уже седьмой десяток, не маленький. Фальшивые улыбки твоих друзей для меня как пустая обыденность, привык за столько лет. Ты-то придешь?

– Ну конечно!

– Вот и ладно. Хоть с тобой обсудим, как доктора с кандидатами резвились в НКО. А теперь иди, догоняй ребят, нехорошо от коллектива отбиваться...

Прогулявшись по парку Улья, Игорь решил не ехать сегодня на собеседование к курьерам. Он вернулся в гараж, припарковал мотоцикл и попытался снова связаться с женой. Ее ХАЭН по-прежнему молчал. Охватило легкое беспокойство, не случилось ли чего? Нет. При всей взаимной непереносимости, тесть уже сообщил бы ему, будь повод. ХАЭН показывал 16:35. День снова истрачен вхолостую. Вспомнилась банка Хижэ Клура, поджидавшая в холодильнике, предательски дрогнули ноги. Собрав волю в кулак, Игорь решил не возвращаться домой сразу, а набродиться до одури, чтоб усталость валила с ног. Так будет проще: отпереть дверь, не мешкая, не отвлекаясь на душ и ужин, просто упасть в постель и уснуть, пока внутри не успел раскрутиться маховик искушения.

План удался. Когда Игорь вошел в свою квартиру, его почти тошнило от любых перспектив, кроме сна. Путь до спальни казался непреодолимым, Кремов свалился на кушетку у себя в кабинете, даже не раздевшись.

Глава 12

Ян Давидов в двадцать семь лет не то чтобы выпячивался, но, занимая место в прослойке молодых, подающих надежды менеджеров, чувствовал, что правильно живет, и с достоинством смотрел в глаза окружающим. Он имел продвинутый статус лояльности, хоть и происходил из непородистых беженцев Сансити. Такое оказалось возможным благодаря Давидову-отцу, который быстро сориентировался, подчинился требованиям Мегаполиса, за что был поощрен, а его сын с рождения считался лояльным.

К сожалению, перебираться за Линию свободы семьям беженцев, невзирая на статусы, тогда не позволялось, поэтому Давидовы вынуждено осели в Защекинске. Ян считал это обстоятельство позорным и, повзрослев, всячески скрывал. Он без сожаленья перебрался на Юго-Запад, как только окончил школу.

Когда-то давно, в прошлом, где его окружали серые люди и нафталиновые нравоучения школьных педагогов, Ян и не помышлял о настоящей реальности. Например, о мощных машинах с кожаными салонами; о женщинах, которые подчинялись строгим правилам купли-продажи; о дорогом, полном сокровенного смысла досуге в саунах, казино, ночных клубах. Все это казалось картинкой из мегаполисных фильмов – недостижимой, неподражаемой, как мечта. Сейчас он осязательно приближался к мечте наяву. Эти будоражающие мысли посещали Яна каждый пятничный вечер, когда после нудной недели в офисе он выводил из гаража свой прекрасный «Чалленджер-Купе-2000». Под капотом грозно рокотал шестицилиндровый двухлитровый мотор, руки сжимали кожаный руль, а вокруг ритмичными волнами пульсировали клубные музыкальные мотивы, наполняя сердце восторгом. Ничего, что машина куплена в кредит и не нова, дело того стоит!

В предвкушении незабываемой ночи Ян тщательно вымывал тело, обрабатывал кожу лосьоном против пота, брился и пользовался дорогими духами. Еще он, как правило, употреблял немного винта – легкого легального наркотика. Это ничего страшного! После всех приготовлений Давидов чувствовал себя заново рожденным – и не просто, а сразу в сверкающе красивой обертке с этикеткой в миллион. Да, пока в миллион, но чем черт не шутит, может, не за горами и миллиард! Пока хватало и такого, тем более окружающие стоили в глазах Яна куда меньше, а это главное.

О настоящей крепости Давидова, по его собственному мнению, говорил тот факт, что к высотам он шел с самого низа, поэтому умел ценить заработанную копейку. Родители всегда желчно ругали власть, которая «только давила налогами», и настраивали сына на стремление к достатку. По словам отца, «системе полагалось платить обманом за обман», личную выгоду ставить превыше всего и не испытывать жалости к беднякам, ведь они только и ждут, как бы «сразу залезть на голову», стало быть, носят камень за пазухой и любое доброе отношение к себе немедленно обратят против подающего. Вообще, доброта, синоним слабости, а от нее до нищеты рукой подать, так что «либо мы их, либо они нас!», обычно заканчивал разговор по душам Давидов-старший.

Взращенный на такой системе ценностей, Ян последовательно вытравливал в себе малейшие ростки сентиментальности, и чем дальше, тем успешнее. Жизненным кредо стало «ничего личного, только бизнес!», подразумевавшее поиск выгоды в отношениях с окружающими и замену любви к людям настоящей восторженной любовью к хорошим дорогим вещам. Нет, конечно, у Яна имелся круг общения, но правила поведения в нем, как и критерии отбора «свой-чужой», полностью подчинялись золотому стандарту бизнесмена. Сопутствующие нравы? Их ярко иллюстрировал случай еще школьных лет, когда компания Яна с позором отсеяла девочку. Ту с матерью бросил обеспеченный отец, и она не смогла больше тратить

прежние суммы. Неприятный осадок остался, ведь неудачница Давидову-школьнику нравилась, и он смолчал во время травли, чего впоследствии очень стыдился.

В конечном итоге пал и Юпитер – Давидов-старший. Сын рассмотрел в нем лишь примитивного скрягу. Зачем исходить на желчь? Зачем ругать какую-то там власть и налоги, если можно стать частью хозяйского круга? Ведь тогда все ненавистные налоги станут в том числе и его, Яна, доходом! Пусть на желчь исходят другие, такие как, например, папаша.

Взрослея, парень «делал сам себя»: во всем проявлял аккуратность, внимал желаниям вышестоящих, контролировал уважение со стороны нижестоящих. Вроде бы нехитрый рецепт, но поди попробуй соблюсти его в любых условиях, не сорваться, не пропустить какой-то мелочи.

Одежде и аксессуарам Ян почти поклонялся, они являлись его слабостью. Известно, что в жизни, при прочих равных, больше шансов на успех у модно одетого человека, нежели у заурядности, таскающей шмотки с ближайшего толчка. Если пиджак, то от хорошего бренда, и даже пуговка внутреннего кармана должна иметь заветный логотип. Потеря подобной пуговки могла отравить Яну целый день, а вещь лишалась всего шарма и лоска – и потому безжалостно продавалась.

Культивируя здоровый прагматизм, молодой Давидов, с подачи родителей, получил образование в колледже коммерции при обществе Западно-Восточного содружества – подтянул английский, частное право, обрел навыки управления и продаж чего угодно, от носков до ювелирки. В продажах вообще соблюдался принцип универсальности, этот урок Ян посчитал самым ценным. Потом была работа на рядовых должностях сетевых компаний, откуда терпеливому молодому менеджеру открылся путь повыше. Так, шаг за шагом, он ковал карьеру и к настоящему моменту кое-чего достиг. В жизнь вошли те самые «пятницы удовольствия», когда предвкушение праздника ничуть не хуже самого праздника.

Сейчас, как обычно, настроение было приподнятым. Накануне Ян приобрел дорогущую титановую панель к ХАЭНу, и не только это радовало. Огромным жирным плюсом прилетело известие о серьезном проколе конкурирующего менеджера Джессики Мун. Эта стерва, конечно не без помощи Яна, слила целую партию элитной косметики по ошибочной цене. Правда, ее не уволили, но рано или поздно исполнительному директору надоест задираТЬ мини-юбку Мун, и тогда!.. О, тогда перспективы обширны! Ленивый старик Пупков, коротающий дни в должности супервайзера, не вечен, скоро его пнут под пятую точку. Понадобится лучший сменщик, и наверняка это не Джессика. Ян станет начальником своего заклятого недруга и сразу – дешежку на мороз босиком! Давидов в красках представил происходящее. Представил еще раз. Вообще-то внешне Мун ничего, нужно сначала воспользоваться этим, а уж потом на мороз. Да, так гораздо лучше!

Ян похлопал себя по гладко выбритым щекам, широко улыбнулся начищенными зубами собственному отражению в зеркале и направился к платяному шкафу.

– Красавчик, йес, красавчик, да, все остальное ерунда! – напевал он, надевая брендовые брюки и не менее брендовую рубашку. В сей вечер образ завершили украшенный стразами роскошный ремень и массивные часы «под золото».

Окинув напоследок взглядом скромный интерьер съемной квартиры, молодой человек для порядка вздохнул и, пожелав себе разбогатеть по-настоящему, направился к «Чалленджеру».

Западный Мегополис по ночам жил какой-то неземной прекрасной жизнью. Широкие магистрали, яркое освещение всего и вся, нарядные беззаботные люди – эдемский сад пленял. И каждый был лучшим, богом, все остальные – максимум равные перед первым. Вечер Ян любил начинать с покатушек. Сегодня его спутницей выступала секретарша из соседнего отдела. Ее муж постоянно слонялся по командировкам, толкая строительную технику, что и

привело скучающую барышню в объятия Яна. Романом, кстати, эти отношения называла только она, Давидов же в кругу приятелей пользовался новым модным словом «факинг».

Из динамиков неслась свеженькая песенка про некого или некую бэби, впрочем, словом «бэби» да парочкой бодрых подвываний песенка и ограничивалась. Мотивчик заводил, и Ян посильнее нажал на газ. Попутчица расслабленно полулежала на своем сиденье и курила винт, ее стройные ноги почти полностью оголились собравшейся кверху юбкой. Выехав на среднюю полосу освещенной магистрали, Ян одной рукой удерживал руль, другой водил по бедру девушки, пробираясь вверх. Она не сопротивлялась и, раздвинув ноги пошире, своей рукой стала направлять его движения. Кайф! Все было кайф! Набрал высокую скорость, Ян, как ему казалось, мастерски «делал» попутных. Он бесподобен! Неожиданно сзади возник нарастающий рев мотора, через мгновение мимо пронесся мотоциклист. Нет, такое ничтожество не может быть круче. Педаль в пол – и «Чалленджер», взвыв шестью цилиндрами, устремился в безуспешную погоню за наглым двухколесным. Ян настиг обидчика, когда тот остановился у одного из ночных баров, давно позабыв об одержанной над «Чалленджером» победе.

Это взбесило. Дорогой авто медленнее дешевого байка. Сбавив скорость, Ян посмотрел на девушку. Она, отвернувшись, с безразличным видом курила сигарету, в чем Яну усмотрелось скрытое пренебрежение. «Сука! – подумал он. – И байкер этот козел». Настроение подпортилось.

Глава 13

Проснувшись, Игорь меланхолично взглянул на мониторы. Усталым движением нажал клавишу «питание». От прикосновения проснулись камеры охранной системы, скрытно установленные во всех комнатах квартиры. Внимание привлекло какое-то движение. Игорь увидел, как жена в их спальне занимается сексом с мужчиной.

Нерв неправдоподобно спокойно анализировал ситуацию: Лана раздета не полностью, ее мини-юбка задралась до талии и смялась, голубой топ, по всей видимости, совершил встречное путешествие, спустившись сверху, растрепавшиеся волосы еще хранят следы укладки в деловую прическу, а на руке поблескивают подаренные мужем часы. Рядом с кроватью на полу лежит женский пиджак. Скорее всего, жена собиралась на работу, но ее «на взлете» перехватил любовник. Его одежда тоже на полу. В результате они уже явно никуда не спешили.

Осмотр других комнат результатов не принес – там ничего интересного не происходило, они отражались в линзах видеокамер аккуратной пустотой. Игорь выключил камеры и, добравшись шатающейся походкой до холодильника, извлек оттуда очередную банку Хижэ Клур. В голове вертелась мысль о том, что приходится в себя рановато. Те двое находились рядом, а как в адекватном состоянии переносится измена любимого человека и как следует при этом держаться, он не представлял. Хижэ Клур маленькими глотками проникал в горло, затем в пищевод и собирался растущей теплотой в желудке. Своим свойством успокаивать сознание и расставлять все по полочкам этот напиток мог потягаться с любым натуральным наркотиком. По крайней мере, так говорили. Кажется...

Ноги сами собой подогнулись, опустив тело на теплый бетонный пол, затылок коснулся стены. По тому, как предметы перестали отдаляться, Игорь определил, что дальше голова не запрокинется. Веки сомкнулись, обрубив сознание. Одна мысль напоследок резанула мозг: Хижэ Клур действует как-то не так.

Эмоции не обесцветились наркотиком, напротив, запертые внутри обесточенного организма, бушевали с небывалой силой. В каком виде они пробьются наружу – смехом ли, яростью ли, а может, слезами? Ситуация стремительно усугублялась, рассудок начал просыпаться, за что поплатился жестоко: нараставший внутри кошмар и дикая душевная боль парализовали способность мыслить. В бреду Игорь выполз в коридор. Как в компьютерной игре, видя свои руки, но не чувствуя прикосновений, надавил ладонью на дверь спальни. Сначала на глаза попался зашторенный проем окна, через который пробивался дневной свет, затем напольный светильник и кровать. Поза не позволила увидеть, что происходит там, однако уши уловили шорох – и через секунду над краем кровати показалось испуганное лицо Ланы, еще через секунду выглянул ее любовник. В этот момент включился наконец механизм самосохранения. Игоря вырвало на ковер. Память подло подсовывала воспоминания о том, как этот самый ковер покупался, трогательные сцены совместного с Ланой выбора, обсуждения планов на будущее. Внезапно прямо во время рвоты Игоря начал разбирать неконтролируемый смех – на четвереньках, под Хиже Клуром, в блевоте и душевных муках. Хорош герой! Содержимое желудка, следуя за спазмами, выплескивалось с утробным клокотом, что заставляло хохотать еще больше.

В попытках унять истерику он не заметил, когда исчез любовник жены. Отдышавшись, сел. Отметил чужой непривычный запах, отдаленно напоминавший «амбре» футбольной раздевалки. У окна на маленьком мягком табурете сидела Лана в пушистом длиннополом халате и нервно теребила пальцами краешек халатного пояска. Через некоторое время она повернулась к кровати. Бросив быстрый взгляд на мужа, отвела глаза куда-то в пол:

– Ты же говорил, что будешь в командировке?

Отвечать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Пульсировала дурацкая фраза в голове: «Это неизбежно должно было случиться! Неизбежно!» Проснуться бы, убежать из этой комнаты, от этих простыней, воняющих чужаком. По крайней мере, сейчас. В груди саднило от шемящей безысходности.

Он убрался на кухню. Там, в луже на полу, валялась банка из-под Хижэ Клура. Игорь сел на стул и поймал себя на мысли, что ждет Лану. Она должна прийти! Ведь нужно же ей что-то сказать ему, объясниться?

Через некоторое время жена показалась в дверях. Она уже оделась.

– Мне жаль. Seriously. Сегодня нам трудно будет разговаривать. Завтра я заеду, хорошо? – предложила она по-французски.

Кремов молча поднял банку с пола, взболтал и опрокинул в рот остатки Хижэ Клура. Лана порывисто сделала шаг к нему, но остановилась.

– Так что? До завтра? – повторила она, затем поспешно, не дожидаясь ответа, развернулась и вышла.

Игорь хотел окликнуть ее, но губы будто парализовало, снова подкатила тошнота. Стало ясно, что дома он не вынесет и минуты, свихнется.

Глава 14

ХАЭН показывал 10:11. Игорь разыскал в кармане визитку «Пули» и принялся вертеть ее в руках. Наконец Хижэ Клур заработал как следует, голова сделалась легкой, мысли отсортировались в стройные каталоги, ничто не мешало отвлечься от шока. О Лане он не думал принципиально.

С утра вчерашний порыв показался несерьезным, мучили сомнения: а нужно ли связываться с незнакомыми ребятами уличного происхождения, опускаться до примитивного извоза? Вспомнились сказанные как-то Михой слова, что хорошую работу получают лишь по знакомству, остальное – дело большой удачи. К везунчикам Кремов себя не относил, поэтому в определенный момент даже отказался от затеи с курьерством. Однако сейчас повод хоть чем-то заняться перевешивал любые сомнения.

«Ладно, по крайней мере, хоть какое-то движение. Попытка не пытка, попробую!» – нехотя согласился Кремов.

Приехав на описанное Пашкой место, Игорь обнаружил обветшалое двухэтажное здание с высокой лестницей на входе, которое наверняка строилось с прицелом на презентабельное использование. Но когда? Сейчас местность вокруг являла собой натуральное захолустье – безлюдное, поросшее травой, с потрескавшимися тротуарами, затеняемое к тому же от солнца нависающим бетонным мостом. Тот в свою очередь перекинулся через ржавые железнодорожные пути, видневшиеся неподалеку. Жизнь не была здесь ключом уже давным-давно, и если бы не шум машин где-то над головой, могло показаться, будто ее здесь вовсе нет.

У лестницы нестройной шеренгой протянулись несколько потрепанных мопедов с ящиками, притороченными к седлам подручными средствами, шнурами, скотчем. Чуть дальше стояла техника покубатурнее, тоже не слишком новая и ухоженная, в том числе и знакомец – Пашкина двухсотка.

Войдя в здание, Игорь оказался в длинном темном коридоре. Справа вдалеке дневной свет выпадал на стену четырехугольником через открытую дверь, оттуда же доносился громкий смех нескольких людей и оживленные возгласы. Все остальные двери были закрыты и не имели табличек, поэтому Кремов двинулся на свет.

Навстречу неожиданно вылетел Пашка с выпученными глазами и открытым ртом, издававший протяжный вопль «А-а-а-а-а!». Лицо его было перекошено гримасой боли. Он узнал Игоря, но не притормозил отчаянный забег в мрачные коридорные глубины. Озадаченный Кремов вошел в офис, откуда лился уже хохот.

В небольшой комнате пахло дешевым кофезаменителем и колбасой, напротив входа во всю стену красовалось окно. На диване в правом дальнем углу покатывалась со смеху девушка с рыжими волосами в черной куртке-непродувайке, черных джинсах и черных же кроссовках. Слева за офисным столом перед компьютером сидели двое – пухлый кучерявый парнишка и мужчина лет сорока, тоже хохотавшие. Еще левее у столика, придвинутого к стене, стояли, улыбаясь, высокая светловолосая красавица в мотокомбинезоне и одетый в темный недорогой костюм худощавый парень с короткой стрижкой.

С появлением Игоря все разом замолчали и вопросительно посмотрели на гостя.

– Добрый день, Павел позавчера дал мне карточку. Вам требуются курьеры? – спросил Кремов, обращаясь к мужчине, очевидно, главному здесь.

– А, Пашка говорил, – ответил тот. – Ночная заправка? – Игорь утвердительно кивнул. – Курьеры всегда нужны, присаживайтесь.

По правде, в комнате имелась еще пара стульев помимо тех, на которых расположились мужчина и парень, но присест мешали груды вещей, сложенных кое-как на сидухах и разве-

шанных на спинках. Диван тоже утопал под барахлом, и рыжая девушка наверняка освободила себе место, перекладывая куртки, перчатки и шлемы с одного края на другой.

Заметив растерянный взгляд Игоря, худощавый молча сгреб все в охапку с одного из стульев, взвалил на диванную гору и жестом пригласил занять освободившееся место. На благодарность он лишь кивнул.

– А что с Павлом? – поинтересовался Кремов.

– Пострадал от своей простоты, – с улыбкой ответил мужчина. – Меня зовут Матвей, кстати. Пашку никогда не интересует, кто и для кого приготовил кофе, он старается быстро схватить кружку, выпить и сделать вид, будто «все так и было». Мы в курсе, и каждый обычно заваривает для себя и в расчете на него. Сегодня он опоздал, все решили, что не приедет вовсе, поэтому не позаботились о проходе. Вдруг слышим тарактенье его мотора, и Юкэ... – Матвей кивнул в сторону красивой мотоциклистки, – быстренько залила кипятком кружку. Предупредить рыжего не успели; увидев бесхозную кружку и нас, пьющих уже остывший кофе, он с разбегу жажнул несколько смачных глотков.

Под вновь раздавшийся хохот в офис вернулся Пашка. На конопатом лице не читалось и намек на обиду или смущение, его озаряла только искренняя улыбка.

– Похлебал кофейку, – брякнул он и, указывая на Кремова, представил гостя всем: – Игорь, нормальный чел!

Тут раздался звонок на стационарном телефоне, трубку поднял сосед Матвея.

Пока все продолжали смеяться и отпускать в адрес Пашки колкости, рыжий спокойно достал из кармана пачку чипсов и отправил в рот целую горсть, но тут же скривился.

– Елки-палки, больно! Думал картохи покушать, а вышло – мяском еще закушу, – выдал он и горестно добавил: – Все небо облезло, уже и не пойму, чего больше во рту, чипсов или кожи!

Игорь почувствовал легкий приступ тошноты, но губы сами вытянулись в улыбку.

– Фу, зараза! – гневно воскликнула Юкэ. – пей теперь кофе один! Всегда говорила, что ты животное!

С этими словами она направилась к выходу, не сумев, впрочем, сдержать смеха. За ней последовал худощавый.

– Света, Паша, есть работа, – объявил кучерявый, положив трубку.

– Ну а мы в кабинет пойдем, пожалуй, – сказал Матвей Игорю, – не будем мешать процессу.

– Сканера ХАЭНов у нас нет, – начал Матвей, когда они с Игорем очутились в его крохотном кабинетике, – фирма новая, не раскрученная. Поэтому предлагаю по старинке рассказать о своей трудовой деятельности самому. На «ты» можно?

Игорь кивнул.

Он поведал вкратце о своем недолгом трудовом пути, об образовании и происхождении. Еще вначале глаза Матвея изумленно расширились, а брови приподнялись вверх, но он слушал, не перебивая.

– Скажу честно, – задумчиво произнес Матвей, после того как Игорь закончил, – я в первый раз вижу Нерва живьем. – И, помолчав, добавил: – А может, и вообще в первый раз. Как такое возможно, что ты оказался здесь, на окраине Зашекинска?

– Что же здесь удивительного? Люди иногда меняют работу.

– Так-то оно так, но в вашем случае это уникально, правда?

– Наверное, не знаю, – безразлично ответил Игорь.

В этот момент он почувствовал отчуждение собеседника и сожаление от того, что вообще приехал сюда. Ну не его это круг общения, не его нравы и правила, все-таки мир обычных работников слишком чужой. Зачем было пробовать? От недавней веселости Матвея ничего не оста-

лось, ее сменили хоть и прикрытые улыбкой, но настороженно-изучающие взгляды. Неприятное изменение.

– Пойми меня правильно, – после паузы продолжил Матвей, – ничего личного. Ты, вроде, нормальный, но некоторые вещи нельзя просто взять и выбросить из головы. Например, из всех, кто здесь работает, никто не ездит на мотиках «БлюСтар». Это заоблачная техника для курьеров, имеющих несколько сотен ежедневно, а ей, поди, только на колодки пару тыщ отдай. ХАЭНЫ у ребят простые, с казенными корпусами, как дали с рождения, так и носят не меняя. То же и про экипаж сказать можно. У нас, кроме взаимовыручки, вообще мало чего есть, в Защекинске тяжеловато живется. У «Пули» без нее не было бы шансов. Другое дело ты. Титановый корпус ХАЭНа, мотик редкий, никакой нужды вкалывать за гроши. Ты даже разговариваешь слишком... правильными словами, что ли. Зачем тебе наша жизнь, не пойму?

Игорь почувствовал, что с ним хотят вежливо расстаться. Вместе с тем вопросы, заданные Матвеем, впервые прозвучали отчетливо, как и бывает, когда слышишь их со стороны. Действительно, зачем с элитным образованием опускаться до неквалифицированного труда, зачем превращать увлечение мотоциклом в тяжелую, непрестижную профессию, менять, в конце концов, образ жизни – с благополучно устроенного на уличный? Это как добровольная ссылка на пару классов ниже – от верхней палубы до кочегарки. На первый взгляд, абсурд. Но что Матвей знал о верхней палубе? Он судил о ней по стоимости пиджаков и машин, по ухоженности офисных дам и, очевидно, по новеньким модным корпусам ХАЭНов. Той самой взаимовыручки Игорю прежде, похоже, и не хватало, именно к нормальным человеческим отношениям он неосознанно стремился. Ощущать людей невербально, да не грешки и злобу, а соучастие – фантастика? «Проверим», – твердо решил Игорь.

– У меня редкое узкоспециализированное образование, – спокойно парировал он доводы Матвея, – работы по нему нигде нет, в Нерв не вернусь ни за какие деньги. Получается, со своим титановым ХАЭНом и поставленной речью я никому не нужен. Мне повеситься, может? В любом случае, спасибо за потраченное время.

– погоди. – Матвей остановил Кремова, собравшегося уходить. – Я ничего не могу сейчас обещать, но номерок оставь. В течение пары дней тебе может поступить заказ – если это случится, значит, ты принят на работу. А может, ты и передумаешь уже сам, правда?

Игорь улыбнулся. «Пуля» или нет – не важно. Для себя он определил, зачем ему нужна простая работа и почему стоит попробовать «кочегарку».

Глава 15

Человек, выбравший цель, узревший смысл своего существования, обречен быть несчастным. Его терзает вечная дилемма: как помирить реальную жизнь со своим внутренним миром? Как в броске к заветному не забыть о насущном, как выдержать свою беспомощность в противостоянии с бесконечной массой трудностей и не отчаяться от ничтожности достигнутого? Это как болезнь – осознавать ежедневно, что время идет неумолимо, унося по крупице отпущенный тебе срок, но ничего не меняется. Вокруг по-прежнему ложь и низость, по-прежнему двуногие истребляют в себе людей. Во имя чего? Может быть, здесь кроется то самое зерно, отличающее несчастного от остальных? Некий субъект начинает с ужасом понимать, что не может смириться с реальностью. Как вынести материального бога, культ мяса и самоуничтожения, жизнь на чек в ожидании подлости от ближнего? Субъект едет в автобусе, покупает батон хлеба в магазине, корпит в офисе или на заводе – и постоянно думает об этом. Оно преследует его в хорошие и плохие дни, даже в самые счастливые моменты и в минуты краха.

Нет, несчастный не начинает с демонической силой менять мир, убивать «контру» или проповедовать на площади. Он, скорее всего, даже не скажет никому о случившемся: пылкая горячность быстро сходит на нет, здесь же запускается системная внутренняя работа Человека, рассчитанная на всю жизнь. Он выбирает способы деятельности, единомышленников, пересматривает себя с ног до головы, ведомый своей Идеей, и начинает с бескомпромиссным упорством бороться!

Дебаты о морали остаются лжецам, тем самым проповедникам с площади. Эти горазды вести прекрасные дискуссии с умными ссылками на историю и святое писание, они могут театрально заламывать руки и вопрошать на высокой ноте «Доколе?!», но, как только закончится проповедь, недавний моралист профессионально и ловко поставит подножку лучшему другу.

Человек же совершает поступки, среди которых самый важный – первый. Невзирая на насмешки и горькое непонимание близких. К сожалению для него, такой Человек – не просто белковая форма жизни с примитивной желудочно-жевательной нуждой, ему важнее душа. Он, по-видимому, обречен быть и несчастным, и счастливым одновременно.

Летней душной ночью Матвеем не спалось. В тесной квартирке, наполненной жужжанием комаров, стоячий воздух липким киселем обволакивал тело. Пропитанная потом простыня от частого ворочанья сваялась в тряпку и больно давила складками под ребра. Пришлось встать. стакан холодной воды ненадолго освежил и отвлек от зуда расчесанных комариных укусов. Этим тварей расплодилось неимоверно много, а «Монсанье» заломила неадекватные цены на птиц. Власть заупрямились с оплатой, вот и случилась беда.

Измученный организм требовал отдыха. Матвей облил себя репеллентами, вышел на балкон второго этажа и, облокотившись на перила, мгновенно задремал. Пахло травой и теплой корой деревьев, монотонно взвизгивал синтетический сыч. Видимо, спохватившись, власти пошли на попятную, оплатили фаунпакет – и компания «Монсанье» зарыбила фонтаны новыми карпами и выпустила свежую партию птиц. Теперь казалось, что серые коробки социального жилья вновь окружены естественной природой. Жаль, с комарами проблема моментально не решится.

Окраина Защекинска мирно спала.

Дрему прервали приглушенные расстоянием голоса. Где-то неподалеку явно общались на повышенных тонах. Один из говорящих возмущенно возражал, другие угрожающе басили в ответ. Матвей прислушался, и сон быстро слетел. У дома, за углом, два копа разводили позднего прохожего на деньги.

– Ты пьяный, – безапелляционно провозгласил один из стражей порядка, – ХАЭН свой протяни. Куда направляемся, а?

– Водитель я, грузовик вожу, с рейса только, мне б домой, – оправдывался мужчина, – ХАЭН разрядился вот, что поделать? Это ж не преступление...

– Дай сюда руку, говорю. Домой пойдешь, если я разрешу. Сейчас в дежурке разберемся. Ты не бубни, а отвечай мне, пил? – На этих словах голос вопрошающего подобрел и смягчился, мол, признайся, с кем не бывает.

Мужичок повелся на провокацию:

– Да выпил немного пива после рейса...

– Ну тогда, уважаемый, пройдемте. – Сержант мгновенно сменил милость на строгость, поймав дурака на слове.

– Куда пройдемте, мужики, я ж кружку только...

– Не мужики, а должностные лица органов внутренних дел для тебя, говно! И тыкать не надо, – зачем-то грозно добавил второй коп.

– Вы мне в сыновья годитесь, что ж вы делаете?! – Осознав, как его провели, мужчина в отчаянии попытался взять на жалость. Все это выглядело безнадежно, собаки уже затравили дичь.

– Закрой рот, ща на освидетельствование, а потом «привет, пятнадцать суток!». – И напарники весело захохотали.

– Не имеете права! – воскликнул обреченно мужчина и отдернул свою руку с ХАЭНом, на которую сержант уже надевал наручник. Лица напарников сразу исказились гримасами злобы.

– Ах ты, сука! Не понимаешь по-хорошему?! На сотрудника при исполнении, падла?! – С этими словами, не мешкая, оба блюстителя выхватили дубинки и, повалив задержанного на тротуар, принялись выколачивать из него пыль. Мужичок, прикрыв голову руками, по-собачьи подвывал и пытался отползти.

В этот момент Матвея будто током ударило. Впоследствии на память приходили только болезненное ощущение, словно при сорокоградусной температуре, и странное течение времени, где за секунду проносились табуны мыслей, а действия получались быстрыми и четкими.

Все складывалось в удачный пасьянс: ночь, никаких свидетелей, люди спят, а большинство обитателей квартир вообще отсутствует дома – они либо на дачах, либо в развлекательных центрах; у двери в прихожей стоит новенькая бита – заготовленный подарок племяннику ко дню рождения; в той же прихожей на полке валяются льняные строительные перчатки и шарф – утром, словно специально, они попались на глаза. Надев перчатки, схватив биту, Матвей в кедах на босу ногу и шортах выскочил на лестничную площадку и уже там обмотал шарфом голову, оставив открытыми только глаза. Когда он тихо вышел из подъезда, копы доделывали дело – все реже ударяли дубинки по телу человека. Наконец, запыхавшись, один отошел от места расправы и, устало вытерев рукой пот со лба, вытащил сигареты.

– Хватит, Витек, ему еще до отделения топать. Слышишь? Иначе нам придется тащить, а я уморился. – Прикурив, «труженик» сделал сладкую затяжку и выпустил струю дыма. – Фу, как в бане... Когда эта проклятая жара спадет?

Его товарищ порылся у несчастного в карманах и не спеша приблизился к напарнику за сигаретой. Мужичок медленно встал на четвереньки, сплевывая в пыль кровавую юшку.

– Что дал обыск? – деловито уперев руку в бок, поинтересовался сержант. Весь его вид выражал удовлетворение.

– Четыре сотки всего, – тот, кого называли Витьком, протянул мятые банкноты.

– Нищает народ, скоро и полтиннику будешь рад, – посетовал коп, засовывая добычу в карман, – но ничего, мы на этом еще показатель сделаем, «по хулиганке» пустим и...

Он не договорил, бита оборвала фразу, плотно приложившись к сержантскому черепу. Второй страж не успел ничего толком сообразить, как увесистый удар сразил и его. Двумя тьюфьяками вымогатели осели на тротуар. Зло, с остервенением бил их Матвей. Затем он выта-

щил у сержанта деньги и протянул владельцу. Тот дрожащими руками взял свои бумажки, развернулся и хромя, придерживаясь руками за живот, поковылял в темноту.

По возвращении в квартиру Матвей заперся на ключ, прошел в ванную, зачем-то плотно притворив дверь, и посмотрел в зеркало. В отражении он увидел худого вспотевшего мужчину в окровавленных льняных перчатках, нелепых шортах и с головой, обмотанной клетчатым шерстяным шарфом. Губы растянулись в невольной улыбке:

– Ниндзя, блин...

Утро следующего дня началось для Матвея с ощущения тепла, разлившегося в груди – он проснулся счастливым. Бодро вскочив с кровати, Туров приготовил себе завтрак из двух вареных яиц и ломтика хлеба с маслом, насытился и, довольно поморщив нос, запил еду растворимым кофе с привкусом паленого ячменя. В поисках чистых носков пролетело минут десять, остальные сборы заняли примерно столько же времени.

Матвей вышел на улицу и увидел скопление народа у крайнего подъезда, там стояли четыре копа, дворник, несколько соседей и еще с десятков зевак. Поодаль, ближе к торцу девятиэтажки, на месте вчерашней расправы небольшой пятачок буквально кишел людьми в форме. Квадрат земли они отгородили цветной лентой на кольешках и сновали по нему со всякими хитроумными устройствами, видимо, в поисках улики.

Заметив Турова, к нему направился участковый – на редкость гнусный парень по имени Василий. Он недавно принял участок, но уже успел опротивить аборигенам подленькой манерой общения.

– Эй, уважаемый, – фамильярно обратился он к Матвею, – постой-ка, дело есть. Здесь живешь?

– Ну, здесь. Какое дело?

Участковый нагло разглядывал парня, выражая полное презрение. Такой ради показателя легко повесит обвинение во всех смертных грехах, не мучаясь угрызениями совести. Туров вдруг понял, что люди делятся на две категории: те, с которыми он хотел бы жить в одном мире и те, кого он однозначно готов «отсеять».

– Как фамилия, имя? Где был вчера ночью?

Вася однозначно тяготел к категории «отсеиваемых», подкатегории «отсеиваемых путем линчевания». Наличие подобных людей в реальности вызывало у Матвея приступ фрустрации и никак не согласовывалось с внутренним мироощущением.

– А по какому поводу вопросы? – ответил он холодно участковому.

Бесцветные глаза Василия сузились, он повернулся к коллегам и громко сказал:

– Идите сюда, у меня появился кандидат!

Повторного приглашения не потребовалось, и вот уже группка сотрудников в сером окружила Матвея. В приливе злого бессилия пришло понимание угрозы. Само задержание случилось нелепо и быстро, Турова затолкали в патрульную машину и заперли. Там, на виду у всего двора он просидел не меньше часа, в то время как блюстители неспешно прохаживались неподалеку, зловеще поглядывая в его сторону и о чем-то переговариваясь.

Так началась история Ночного Ястреба.

Глава 16

Городская свалка занимала едва ли не большую площадь, чем сам Мегполис, подступая к его юго-восточным окраинам токсичной пустыней. Удивительно, как сверкающая всеми цветами радуги продукция из гипермаркетов превращалась здесь в однородную серую массу.

Если бы какой-нибудь отчаянный бродяга решился пересечь свалку, то где-то на середине пути ему пришлось бы откинуть копыта от изнеможения, настолько гигантской она была. Край свалки неширокой полоской песчаных дюн отделялся от берега Великого внутреннего озера. Здесь располагалась утилизационная пристань. Ежедневно от нее отчаливала ржавая самоходная баржа и неторопливо устремлялась к видневшемуся вдалеке острову Харта, где команда зеков сгружала на берег ящики с покойниками. Покойников на пристань регулярно привозили тентованные грузовики особого подразделения коммунальной службы Мегполиса. Гробы сортировались и складировались в аккуратные пирамиды: взрослые в одну, детские в другую, фрагменты тел в третью. На острове Харта ящики штабелями устраивали в выкопанных загодя траншеях и котлованах, а затем засыпали землей. Никаких табличек и надгробий, даже если родственникам обещали сделать это, да и не совмещались таблички с природой массовых захоронений – постепенно дерево сгнивало, гробы сплющивались и грунт проседал, что давало возможность кладбищенскому персоналу воспользоваться захоронением повторно, а еще через время – и по третьему разу. Больше не выходило, достигался предел утрамбовки.

Ежемесячно тысячи ящиков отправлялись транзитом через утилизационную пристань – так город решал проблему с нищими, одинокими стариками, выкидышами, брошенными на произвол судьбы в хосписах, домах призрения, болевшими чумой и завещавшими свои останки науке. Сюда же поступал биоматериал от абортных, хирургических ампутаций, потроха доноров, неидентифицируемые куски, собранные после взрывов, стихийных бедствий, пожаров. Система методично загребала на островное кладбище и вполне уважаемых при жизни людей, не прощая родственникам провололочек с освобождением моргов, а то и просто вследствие административных ошибок.

Когда-то к острову Харта с пристани, вовсе не предназначенной ни для какой утилизации, ходили яхты Мегполисного клуба джентльменов, веселые женщины и мужчины устраивали пикники, отдыхали на свежем воздухе, любовались закатами. Здесь, на далеком отшибе появились красивые виллы, и именно здесь высшее общество планировало осесть навсегда, создав защищенный от внешнего вмешательства мирок.

Все изменили беженцы; севернее, отрезав пристань от Линии свободы, разрослись зашекинские трущобы, сформировалась стихийная свалка. О сортировке, сжигании и переработке отходов никто не задумывался, и те зловонными горами покатались на юг, километр за километром. Задолго до того как свалка подобралась к пристани, яхт-клуб переместился на Юго-Запад, причалы покрылись трещинами с травой, пакгаузы проржавели и обрушились, брошенные виллы утонули в одичавшей растительности.

По правде, на Хартайленде хоронили нищих всегда, но под это отводилась пустынная восточная оконечность, что никак не мешало яхтсменам отдыхать. Однако впоследствии остров полностью превратился в кладбище покойников-неудачников.

Прогресс, впрочем, не стоял на месте. Теперь среди отходных нагромождений у южной черты Зашекинска уныло чадил вонючей копотью из высоких кирпичных труб мусоросжигательный завод. С ним перспектива переполнения свалки отдалялась.

Бомжей в окрестностях не водилось – разжиться нечем, и охрана, тренируя меткость, постреливала почем зря.

Харитоныч, напротив, облюбовал здешние гиблые места.

Он был из немногих бродяг, кто помнил цивилизую жизнь, запах чистого дома и благополучную семью. Когда-то его звали Виктор Харитонович, он уверенно смо трел в будущее. К шестидесяти пяти годам Харитоныч подошел седым и, как казалось, мудрым. Пусть морщинки разбегались под добрыми глазами все заметней, белела вслед за волосами борода и кожа рук стала намного суше и жестче, чем в молодости, но по-прежнему его волновали давние мечты: развести голубей из каталогов «Монсанье» и свозить жену, уже старушку, на Западное озеро, в место, где когда-то они провели самое чудесное время. Ничем не выделяясь из массы обычных тружеников, этот, как положено, уважал закон и очень любил семью, не ведая о страшной жизни бездомных в их параллельной реальности.

Удар постиг мужчину вскоре после выхода на пенсию: в короткий промежуток времени умерла от онкологии жена, следом за ней ушли сын и невестка. Они погибли в автокатастрофе. Единственным утешением остался внук Женька, инвалид с детства. Мальчик волочил недоразвитую ногу и не умел разговаривать, но обладая живым характером, не слишком страдал по поводу недуга, стараясь наравне со здоровыми детьми познавать мир. Сначала Виктор Харитонович пытался бороться, но горе, по, всей видимости, прочно пристало к нему. Банк отобрал квартиру, купленную в кредит, и автомобиль, внука лишили статуса инвалида, требуя за возвращение такового мзду, а социальная помощь им не полагалась, так как ребенок и старик не соответствовали ни одной из указанных в законе категорий нуждающихся.

Денег у Харитоныча не водилось, мизерная пенсия не в счет, родственников и покровителей – тоже, и очень быстро они с Женькой опустились на дно. Помойка встретила новых обитателей жестко. Харитоныч лишился имени и уважения, его часто били «за интеллигентную харю», отбирали собранное по свалке барахло и еду. В холода несчастных поначалу приютили старые знакомые, но вскоре тем надоело благое занятие и Харитоныча с мальчиком попросили. Они мерзли и голодали, отираясь по вокзалам и коротая время в полицейских обезьянниках. Женьку неоднократно забирали в специнтернат для малолетних, но оттуда он неизменно сбегал к деду. В конце концов, устав от бесконечных облав, они ушли в дальнюю часть свалки. Мусор здесь располагался не высшего качества – так, старье и гниль, – зато били не в пример реже, а о полицейских чистках можно было и вовсе забыть. Чтобы скрыться от обидчиков окончательно, Харитоныч и придумал прятаться неподалеку от мусорного завода. Здесь они с внуком нашли заброшенный канализационный колодец с теплой трубой. Почему-то эту «нычку» не знали заводские охранники, исправно шмонавшие округу. Наконец дед с внуком обрели относительный покой. Их дни наполнились хлопотами по сбору еды и теплых вещей.

Раз в неделю, воскресным днем, они посещали город. В общежитии одного ПТУ старик водил знакомство с вахтером дядей Мишей, что позволяло двум скитальцам тайком стирать и мыться в студенческом душе. После помывки сияющий чистотой Женька усаживался на стопу свежих матрасов в кастаньянской и, счастливо жуя подаренный бублик, наблюдал, как дед с товарищем разговаривают «за жизнь» и пьют крепкий черный чай. Восемилетний Женька научился проносить что-то похожее на «деда», чем приводил Харитоныча в умиление.

Старик не озлобился, простив и прощая обиды даже законченным мерзавцам. Он трогательно любил внука и, мечтая о достойной участи для него, искал тому место подмастерья или чернорабочего.

Бывало, долгими зимними ночами, когда над люком их убежища бушевала вьюга, старик вспоминал жену, невестку и сына. Затем он прижимал к себе мирно посапывающего Женьку, пока не приходил короткий старческий сон.

Глава 17

Из утилизированных записей Максима Кремова. Южные рудники, Мегаполис.

«День 2.

Считается, что у ребиса нет запаха и вкуса, что он не излучает и не источает химикатов. Не верь, у него есть запах и вкус. Я знаю, о чем говорю. Иногда мне кажется, будто самого меня давно подменила ребисова субстанция. Каждый день приходится купать в ребисе руки, он измазывает лицо, проникает в складки кожи, в рот. У него точно есть запах – навязчиво-кисловатый, недоступный обычному человеку. Ребис – основа основ, из него синтезируется все: металлы, древесина, топливо, ткани, еда. Так почему бы ребису не подменить и клетки человека? Постепенно, день за днем, месяц за месяцем проникая сквозь кожу и слизистые, ребис встраивается в меня – и вот не остается, наконец, и единственной „аутентичной“ частички-клеточки твоего отца. Ребисовый папа. Тут уж почувствуешь запах и вкус.

Может, ребис живой? В Солнечном мы не задумывались об этом, некогда было. Город требовал станки и бетон, одежду и топливо, и мы давали, но ни разу я не слышал, чтоб кто-то сподобился повернуть обратное превращение из станков или топлива в ребис. Пусть в самый грязный, но ребис! Представляешь, если синтез из ребиса – это убийство Земли? Откачиваем мы, значит, планетную кровь, умертвляем ее, разлагаем на примитивные компоненты – и нате: согреты, одеты и почти счастливы. А Земля? Сколько в ней еще крови?

По моим расчетам, Лешка Огурцов, который начал кашлять задолго до меня, должен был умереть полторы недели тому назад, а он еще держится, родимый. Эх, Леша, неггибаемый человечине, железный, и тебя отравил ребис. Вечером Лешка бредил, говорил, что нет дружелюбней существа, чем ребис десятого уровня, что он все лучше узнает человека и что скоро никто не будет болеть на руднике, а сам Лешка выдюжит.

Больно наблюдать агонию друга. Могильщики сколотили ему гроб – форменную коробку. Теперь понимаю смысл выражения „сыграть в ящик“: здешние гробы похожи именно на ящики. Меня, кстати, тоже переводят в команду могильщиков. Туда всех захиревших переводят. Что ж, напоследок увижу еще хоть что-то кроме рудника».

Глава 18

Игорю все-таки позвонили из «Пули», пусть и на исходе вторых суток. Он узнал в комплинке голос кучерявого парня. С ничего не выражающей интонацией тот сообщил, что с утра нового курьера ждут в службе доставки, при себе необходимо иметь рюкзак, чтобы возить мелкие грузы, и ХАЭН с положительным балансом.

Приехав к девяти, Кремов застал Юкэ, худощавого и парня-диспетчера. Встретили нового коллегу настороженно-прохладно, наверняка Матвей поделился с ними деталями разговора. Впрочем, так лучше, пусть сразу начинают переваривать этот момент. Худощавый, удостоив мимолетным взглядом, молча пожал руку, а Юкэ, демонстративно уткнувшись в ХАЭН, бросила «привет» откровенно неприязненно.

– Меня зовут Серж, – представился парень-диспетчер, – это Жу...

Он осекся, неуверенно прервав кивок в сторону худощавого. Тот среагировал слегка недовольным взглядом, но пожал плечами: мол, «продолжай, раз начал, чего уж теперь...».

– Жучок, – закончил Серж, – а это Юкэ. У тебя есть комплинк в шлеме?

– Да, – ответил Игорь.

– Здорово, сегодня поработаешь на почте. Пока можешь заварить себе кофе, – предложил Серж, ударяя на «э» в слове «кофе».

Кофе не хотелось, но, чтобы занять себя чем-то, пришлось воспользоваться предложением и нажать клавишу на выдавшем виды чайнике. Пока залепленная накипью спираль натужно грела мутную воду, Нерв обдумывал поведение Сержа, когда тот представлял худощавого. Имени «Жучок» не существует, конечно, это прозвище.

Официальное имя может использоваться кем угодно в каких угодно целях и, будучи публичным явлением, пахивает казенщиной и потом. А как иначе, если первый встречный коп выяснит его без твоего ведома, а куча людей, которых ты знать не знаешь, легко склоняют его в сплетнях? Имя словно поручень в трамвайном вагоне, – обшарпанное, смазанное ладонями сотен пассажиров, обстрелянное кашельными микробами и даже удобренное каловыми частицами грязнуль, не привыкших мыть руки после справленной нужды.

Прозвище гораздо интимнее, и оно – для своих. Игорь не свой, а подчеркнуто чужой, так что неловкой ситуации при знакомстве удивляться не стоит.

Отвратительный на вкус «кофе» давно выпит, Юкэ все так же ненатурально сосредоточенно возится с ХАЭНом, Жучок читает помятый журнал у окна. Присмотревшись, Игорь с удивлением отметил, что это научное издание, специализирующееся на тематике трехмерной печати промышленных объектов! Поскольку личностью Кремова никто интересоваться не спешил, сам он на правах новичка инициативу тоже не проявлял. Молчание тяготило всех, кроме диспетчера, который увлеченно отстреливал врагов в компьютерном шутере. Раздавшийся звонок пришелся весьма кстати.

– Игорь, на выезд, – скомандовал Серж. – Пятая линия, семнадцать.

Так началась работа вчерашнего Нерва в «Пуле».

Первый выезд запомнился в мелочах, хотя потом были сотни и сотни более интересных.

Однажды Казимиров обмолвился, что память экономна и не расходуетсь безоглядно на всякую чушь, а если кажется, будто мозг «крутит» нечто пустое, впору задуматься над жизненными приоритетами. Игорь тогда не придал профессорским словам значения, вникнуть в их глубинный смысл не захотел, да и не смог бы, пожалуй, – перегруженный невербалкой, он кипел без того.

Многое прояснилось, когда память самого Нерва повадилась подбрасывать картинки, приводящие в недоумение. Они никак не вязались с окружающей действительностью, бессистемно возникали и уходили, но заставляли «досмотреть» себя до конца. Работаешь над доку-

ментом – и вдруг перескакиваешь на мысль о мальчишке из параллельного класса, виденном несколько раз в жизни еще в начальной школе, или о мороженом, вкусном, но не уникальном, изведенном в парке на свидании с... А об этом память нелогично умалчивает: просто мороженое, просто парк – висят словно в вакууме.

Ближе к увольнению такие сантименты прорывались наружу чаще. Игорь списывал все на усталость: мол, подсознание сооружает громоотвод, снимающий напряжение. Но, во-первых, не все случайные воспоминания оказались положительно-разгрузочными, а во-вторых, записные положительные, теоретически способные ободрить: поступление в штат Нерва, свадьба с Ланой – напротив, ни разу не предлагались «сами собой».

Тогда-то профессорская фраза стала актуальной. Она и сама, по иронии судьбы, всплыла неожиданно и тоже не к месту – в момент очередной ссоры с женой.

Игорь понял, что он, настоящий, «глупыми картинками» изнутри намекает своей холодной и от природы бессовестной логике о вещах, которые та незаслуженно игнорирует.

Память бережно сохранит что-то действительно важное, даже когда в чулан и класть нечего, настолько обрывочным и воздушным оно является, – так, пара скрепок, привкус воды и намек на усталость. Но как же ярко, неожиданно и не к месту вспыхивают эти тонкие до прозрачности вещи, легко оттесняя тяжеловесов, утвержденных разумом в качестве архиважных!

Логика мечется в поисках объяснений разгильдяйству памяти. Должно существовать разумное объяснение! Такое, которое зиждется на анализе ассоциативных связей, причинно-следственных цепочек: ну почему, положим, дуновение ветерка в приоткрытую форточку вдруг убивает желание работать над важной обвинительной речью? Та обещает стать бенефисом молодого профессионала, после которого уважение коллег возрастет на порядок! Почему никак не откладывается в голове имя солидного судьи? Ведь знакомство с таким человеком полезно, как ни крути, в будущем отношения с ним и подобными составят фундамент карьерного роста! Почему, подбрасывая невпопад глупые воспоминания, подсознание разжижает концентрацию, мешает ковать перспективу?

«Мозг „крутит“ нечто пустое? Впору задуматься над жизненными приоритетами». Страшно! Неужели это намек на забег не по своей дорожке? Зачем нужна перспектива отношений с крупным чиновником, если она настолько неинтересна, что его имя невозможно удержать в памяти? Пожалуй...

Усилие воли – и шальная выходка распоясавшегося хулигана пресечена, форточка поспешно закрыта, обвинительная речь дописана, имя уважаемого судьи выучено по визитке в ХАЭНе в какой-то там раз. Ставим короткий диагноз: случился просто единичный приступ слабости, без труда ничего не добьешься, так что возьми себя в руки и марш за заслуженным бенефисом!

На самом деле победа логики почти неизбежна, ведь у «другой беговой дорожки» дежурит страх неизвестности, а еще и самоедский шепот: «Трус, слабак, соберись! Иначе...» Не нужно продолжать! Сдаюсь! И так всякий раз, пока не дорастешь до решимости поговорить с собой откровенно, без жалости. Выясняется, что годы, потраченные на карьеру, свалены в чулане памяти какой-то серой безынтересной кучей шмотья, не вызывающей эмоций.

Так что, удивляясь странным воспоминаниям, нужно понимать: чушь происходит в реальности, такой же циничной и примитивной, как наша логика, память же порой – для острастки – демонстрирует по-настоящему ценные экспонаты, пусть даже это пара скрепок, привкус воды и намек на усталость.

В этом свете «Пуля» обещала вырасти в эпоху. Игорь помнил все, что сопровождало первый заказ: погоду, маршрут, отправителя и даже конверт – слегка мятый, из серой тонкой бумаги, – который пришлось доставить. Девушка администратор из конторы заказчика, невзрачная и усталая, протянула наличные деньги, недовольно ворча: «Пора давно переходить на безнал!» – и тут же потеряла интерес к Игорю. Он долго выполнял тот заказ – незнакомые

улицы северо-восточного Защекинска, ужасные дороги, редкие прохожие, шарахающиеся от вопроса «как проехать?», затрудняли дело.

На удивление, происходящее понравилось. Необъяснимо и крепко.

Глава 19

Здание Имперского бюро величественно возвышалось над историческим центром Мегалополиса. Сотни этажей железобетона, прикрытого голубоватым стеклом. Ничто не могло тягаться в великолепии и размерах с главным небоскребом государства. Внутреннее убранство Имперской бюрократии для основной массы людей оставалось загадкой. Впрочем, над ее разрешением вряд ли кто-то бился в святом упорстве. Зачем, когда житейских проблем полон рот? В путеводителях и так писали о том, что на разных уровнях расположены библиотечные и государственные архивы, канцелярии Верховного суда и Главного управления прокуратуры, музейные запасники и прочая дребедень. Кому это интересно?

Экселенец шествовал по западной галерее национальной библиотеки, направляясь в безлюдные хранилища художественной литературы. За окнами хозяйничала осень. На стометровой высоте, естественно, не носились сорванные с деревьев листья, паутина и прочие атрибуты увяданья природы, но кристально чистый воздух, расширявший поле зрения в разы, и нежаркий свет присевшего к горизонту солнца выдавали в своей прелести позднее бабье лето. Как же любил Экселенец помещение архива с высоченными, в десять метров, потолками, панорамным видом из гигантского окна, окрылявшим душу, старинными читальными столами и книжными полками, занимавшими все пространство вдоль стен. Но самое ценное в библиотеке – тишина и покой.

Косые лучи разливались неосязаемой мягко-оранжевой волной по убранству западной галереи, озаряя корешки бесчисленных книг. Ступая по мягкому ковру, человек направился к ближайшим стеллажам. Остановившись у одного из них, Экселенец вынул первый попавшийся том. Им оказалось сочинение японских авторов о своей родине, предназначенное для иностранцев: «Япония. Как ее понять». Преодолев пятнадцать метров до ближайшего стола, Экселенец присел и принялся за чтение. К тому времени, когда из-за скудеющего освещения стало трудно различать буквы, он уже узнал многое из жизни японцев, их истории. Он перенесся в Нару, древнюю столицу Ямато, вероятно существовавшую где-то на прото-Земле, увидел прекрасные улицы, прогуливающихся вельмож и простолюдинов, но последних либо в роли рикш, либо носильщиков и слуг. Даже запахи и вкус хайку ощутил Верховный, погрузившись в написанное.

Легкий хлопок вернул к реальности: это напротив, уронив голову на стол, заснул телохранитель. Съехавшие очки, выпавший из уха динамик, неудобно вывернутая рука, слюна, вытекавшая из полуоткрытого рта через размазанные по столешнице губы указывали на внезапность «отключки».

Оцепеневший Экселенец явственно ощутил чужое властное присутствие. По спине прокатилась волна животного ужаса, Верховный зажмурился и сжал кулаки. «Ничего, это должно пройти, так всегда бывает...» – повторял он мысленно, стараясь унять эмоции. Дыхание сбилось. К этому не удавалось привыкнуть.

Всякий раз, когда приходили ОНИ, властителя Мегалополиса скручивало в узел, неконтролируемый страх подчинял сознание и все усиливался, добираясь до грани, у которой маячило сумасшествие. После первого шока напряжение чуть отпускало, человек заставлял себя обернуться, чтобы встретиться с черными колючими глазами визитеров и получить прощение. В этот момент кошмар окончательно отступал, вырождаясь в остаточную дрожь пальцев и губ.

Сомневаться в ИХ превосходстве не приходило в голову, но природа и цель посещений вопрошающих никогда не раскрывались Экселенцу. Он – наместник, лишенный прав интересоваться о суверенах; ОНИ – безусловный императив, как вечно истинное, безупречное и очевидное, очевидное даже больше, чем факт существования мира. Правило не допускало малейших отступлений, а роли сторон соблюдались неукоснительно.

Лучше всего ИХ образ соответствовал понятию табу. Самозапрет под угрозой неизвестного чудовищного наказания. Нельзя касаться в мыслях мотивов, нельзя давать оценку или сомневаться в целесообразности ИХ требований. Можно и нужно соблюдать четкий церемониал встреч, который железно обеспечивался необъяснимым воздействием визитеров на сознание.

Так всегда: сначала страх, раскаяние, а дальше – жуткая мистерия немого допроса.

Экселенец начинал говорить – быстро, бессвязно, перескакивая с мысли на мысль, сиюсья упорядочить слова в логические цепочки. Затем в наступавшем откровении воля окончательно теряла связь с речью – ОНИ проникали к глубинам сознания, где «я» Экселенца трепетало, как ошарашенная собачонка на поводке, а визитеры бесцеремонно хозяйничали, превращая человека в подобие флешки.

За этим наступало время команд. Формулировать конкретные требования ОНИ не удосуживались, заряжая Верховного неким общим импульсом. Становилось понятным, в каком направлении двигаться, чего они хотят и чем недовольны. Расставленные акценты исключали ошибки Экселенца в управлении Мегалополисом. ОНИ как бы «думали» за него, осмысливали упущенное и иногда тыкали подопечного как котенка носом в миску, обращая внимание на важные моменты.

Сегодня встреча протекала не совсем обычно. ОНИ не влезали в голову, а сразу перешли к задачам. Экселенец воспринял образ отвратительного человека, которого захотелось уничтожить любым доступным способом. Сейчас человек занимается повседневными мелкими делами, но внутри него колосится тонкими ресницами зреющее нутро, противоестественное, смертельно опасное. Нет лица – прячет, и в этом вся проблема, нужно открыть лицо. ОНИ хотят заполучить отвратительного человека побыстрее. Найти, найти, найти его!

Ворвавшись в библиотеку меньше чем через минуту после того, как остановились сердца телохранителей, Галаган застал Экселенца сидящим у окна с бокалом воды и отрешенно листящим книжку. Тот даже не обратил внимания на вбежавшего помощника, а мертвые будто спали, растянувшись по полу в нелепых позах. Костюм Экселенца был изрядно помят, волосы взлохмачены, весь его вид выражал крайнюю усталость.

– Присядь, Конрад, – с трудом произнес Верховный, по-прежнему не глядя на Галагана, – тела уберешь потом. Сейчас мне нужен покой.

Они долго молчали. Очень долго, как показалось Галагану. За это время он сто раз прошелся взглядом по распластанным парням с посережшими лицами из особого подразделения охраны. Ближайшего звали Жоржем. Тридцать пять, выходец из западного Защекинска, преданный и сильный бульдог, никогда не переспрашивал и не терзался угрызениями совести, выполняя мокрую работу, имел жену, четырех сыновей, чемпион по стрельбе из пистолета, две медали, несколько секретных миссий, а теперь вот – гроб за счет государства, письмо родным и полный пансион вдове и сиротам. Второй – новичок охранки, Джонни Росицки, кажется. Этот помоложе, получил повышение совсем недавно, отличившись в полицейских зачистках китайских кварталов. Он парадоксальным образом сочетал в себе жестокость, даже садизм с чувством долга. Идеальный парень. Был. Но с ним дело ограничится только казенным гробом, патетическое письмо писать некому, родных нет.

Придется вновь отбирать телохранителей взамен этих. Ну почему они погибают? Вскрытие ничего не выявляет в подобных случаях, организмы целы, никаких патологий и повреждений. Как выразился старый эксперт, «покойник умер от недостатка жизненных сил, словно пружину остановили до того, как кончился отведенный Богом завод».

Из раздумий Галагана вывел голос Экселенца.

– Конрад, знаешь, в чем слабость человека?

– Нет, – растерянно ответил советник.

– Слабость человека в короткой памяти. Каждый из нас строит логические цепочки, отталкиваясь от незыблемых понятий. Беда в том, что мораль не выгодна. Бытовые эмоции, инстинкты... Эти разбивают жизнь на мелкие частности, где каждая ничтожная секунда правит бал, возвышаясь над памятью и плюя на будущее. Паршивой секунде наплевать на общий результат, понимаешь? Тебе хочется есть – и ты, руководствуясь сиюминутной потребностью, отбираешь хлеб у слабого, позабыв о сострадании. Этот поступок противоречит заложенным когда-то незыблемым принципам и навсегда меняет сознание, ведь слишком длинно и долго вспоминать с голодухи о библейских заповедях: нужно доставать их с пыльной полки, затем убивать в себе животное. Секунда не терпит такого промедления – и вот, не заморачиваясь обращением к Основам, мы сводим поведение к формуле «увидел-взял», выбрасывая из нее самый важный компонент «осмыслил», ведь он мешает брать. С каждым разом ты отдаляешься все больше от Человечности, вас разделяет опыт жестокости и эгоизма, через который память не достанет, потому что она коротка! А секунды... Они капают, превращая измену себе из исключения в обыденность, где человек как пластилин – бесхребетная субстанция, ею легко управлять. Мы этим и занимаемся, не правда ли, Конрад? Предлагаем каждому ту цель, которая выгодна нам, – и пусть она безнравственна, но как поймет это обыватель, изолированный от нравственности? Мы отделили людей от человеческой сущности, а теперь манипулируем массами, считая себя гениальными, а их – безликим тупым ресурсом, пригодным только для обслуживания наших целей. Но мы сами – первые ублюдки с самой короткой памятью, забывшие о совести. Парадокс? Нет! Культивируя злобу и непонимание, мы остались в одиночестве, где не с кем даже поговорить. Каково? И в чем же наша цель? В чем гениальность? В чем будущее, в конце концов?! Быть пастухом безумного стада и доить его, а еще есть их мясо, стравливать их? Мелко, Конрад, бесконечно мелко.

Воцарилась тишина, которую Галаган не сразу решился прервать вопросом, но, собравшись с духом, произнес:

– Почему?

– Завтра... да уже через час – эта мысль меня совершенно не тронет, потому что конкретно мы застрахованы от переработки на мясо, нас пощадят. Измена людям в обмен на свою жизнь и безопасность. Мне не докопаться до надежно упрятанной в черноте подсознания Человечности, мне будет плевать на всех там, внизу.

– Кто пощадит? – спросил советник, испытывая нарастающую дрожь. К горлу подкатил комок от чудовищной догадки.

– ОНИ, Конрад. Те, для которых вид – высшая ценность, а секунда – рабыня будущей цели и общих интересов. Я чувствую эту монолитность при каждом ИХ визите и понимаю нашу ничтожность.

Экселенец вдруг умолк, его взгляд сделался жестким, губы недовольно искривились. Он начал приходить в себя.

– Вам, мистер Галаган, поручается задача наивысшей важности – разыскать и уничтожить наиболее опасного представителя сопротивления. Назовем его Янусом...

Глава 20

Галаган смотрел сквозь экран монитора. В левой руке покоился пузатый бокал с остатками коньяка и ледяных кубиков. Стекло, матовое от папиллярного жира и следов губ, свидетельствовало о долгом вечере. В правой руке советник держал тлеющую сигару. Изредка он стряхивал пепел в мраморный собачий череп на столе.

Прежде Галагану редко приходилось мыслить настолько образно, как сейчас. Воспринимая те или иные события, прожженный практик привык орудовать материальными категориями: сколько убито, ранено, сколько процентов брака допущено подчиненными и так далее. Статистика – великая наука и самый надежный инструмент. Ее выкладки полезны в оценке распространенных и предсказуемых процессов. Допустим, известно, что 50 процентов воров проникают в дом через форточку, 30 процентов вскрывают замок на входной двери, еще 20 крадут ключи у хозяев, при этом 10 процентов из последних – применяя насилие. Чтобы обезопасить дом, достаточно смонтировать решетки на окна, заменить замок на биометрический и прикрепить к владельцу телохранителя. Телохранитель – на всякий случай. Следуя логике, вы гарантированно предотвратите 100 процентов преступлений, но 1 процент не впишется в статистику. Обязательно отыщется либо счастливчик, которому поможет случай, либо оригинал, придумавший что-то новое. Не беда, одним процентом можно пренебречь.

Конрад Галаган так и поступал. В конце концов, потери неизбежны, а по закону Кертиса усилия по ликвидации злополучного последнего процента сожрут энергии больше, чем было затрачено на предыдущие 99. Кертис даже утверждал – и, по мнению Галагана, небезосновательно, – что справиться с последним процентом вовсе невозможно, а соответствующие попытки повлекут дестабилизацию системы: в стремлении к патологическому перфекционизму она выхолостит себя. Не стоит игра свеч.

Сейчас впервые в своей практике советник попал в вилку обстоятельств, где пренебрежение даже тысячной долей процента грозило тотальным поражением. Некая маленькая, попадающая в статистическую погрешность, проблема заставила сконцентрировать на себе все внимание государственной машины. Проблема стала архиважной. С нее Верховный начинал беседы, ею бредил, о ней ежедневно и ежечасно справлялся, заметно нервничая и огорчаясь докладам, где некий Янус не пойман или не ликвидирован.

Конрад не понимал, почему один из миллионов крамольников и маргиналов, презренное ничтожество, вдруг вырос в такого титана. Возникало несколько вопросов. Откуда Верховный получил информацию о Янусе? Скорее всего – от НИХ. Но чем Янус так опасен, если завладел вниманием самого Экселенца, привыкшего оперировать терминами «население», «живые ресурсы», «масса»? Зачем ОНИ сузили внимание своего могущественного вассала до одного человека? Со временем Галаган стал заражаться навязчивой тревогой – следствием неопределенности и невозможности отыскать ответы на вопросы. Конрад очень не любил чего-либо не понимать, не контролировать, не просчитывать наперед. Он ненавидел состояние зыбкости, где действительность течет вопреки его воле и не поддается исправлению.

Разветвленная система тайной полиции не умела работать настолько избирательно и в то же время абстрактно. Будь у сыщиков настоящее имя, тогда другое дело. А сейчас? Кроме упоминания в кругах люмпенов о некоем подпольном сообществе Солнечного – ничего, и реально приблизиться к цели не удавалось. Иногда искусительными вспышками посещали сомнения по поводу самого факта существования Януса. В конце концов, может, ОНИ и Экселенец ошибаются?

Но внутренний червь всякий раз с обескураживающей быстротой пожирал ростки умиротворения: очевидно, враг, коварный и нестандартный, существует, его следы с неизбежностью проступают, пусть Конрад хоть тысячу раз попытается уверить себя в обратном.

Галаган столкнулся с назойливым образом просыпающегося сквозь пальцы мелкого песка. Очевидно, Янус – смертельно опасный вирус, урод, скрытый под оболочкой-обманкой. Его неуязвимость – в размерах, в физической микроскопичности, позволяющей смешаться с миллиардом идентичных внешне песчинок и сделать неприемлемо долгими поиски себя. Советник обладал властью, но к чему она, когда в руках песок, просыпающийся сквозь пальцы? Пренебречь Янусом тоже нельзя, он же вирус! Такой может заразить весь организм.

Конрад брезгливо поморщился. Что ж, если стандартные методы не действуют, он испытает нестандартные.

Глава 21

Библиотека смотрела на тихий тупичок окнами в старых деревянных рамах. У входа висела табличка «МУК № 2 им. М. Горького». Слева и справа от порога ютились маленькие клумбы с типичными цветами – астрами, дубками и «петушиными гребешками». У одной из клумб стояла скамейка в одну доску. После дождя ее поверхность пачкала брюки, поэтому Матвей сперва постелил полиэтиленовый пакет «Спасибо за покупку», затем присел и закурил сигарету. Она не успела истлеть даже на треть, когда в двери послышался щелчок открываемого изнутри замка и на ступеньки вышла девушка библиотекарь.

– У нас же написано – «Курить запрещено!», – обратилась она с укором, кивнув на убогий плакатик с перечеркнутой сигаретой, прикрепленный скотчем к оконному стеклу.

– Простите, Лиля Аркадьевна, привычка проклятая!

С этими словами, не мешкая, Туров затушил окурочок, подошел к девушке и, обняв ее за талию, нежно поцеловал.

Матвей любил ее. В ранний час, как обычно запершись на ключ, они предавались страсти среди книжных полок и картотечных шкафов. Это потом Лиля, скрывая следы «бесстыдства», будет не торопясь, с мечтательной улыбкой укладывать перед зеркалом прическу и застенчиво опускать глаза, встречаясь взглядом с Матвеем. Сейчас же она как кошка вцепилась в него, позабыв обо всем на свете.

Туров называл ее галчонком за миниатюрность, острые черты лица и темный цвет волос. Лиля и вправду чем-то напоминала маленькую смешную птичку, порхающую между стеллажей архива. В ее поведении было столько трогательной наивности и незащитности, что он всякий раз ловил себя на мыслях о хрупкости всего прекрасного.

Лиля жила с мамой и не имела статуса лояльности. Ее папка чем-то насолил властям в молодости, за что заплатил сполна. Видимо, он слишком расстарался, потому что дочери досталась его скверная репутация по наследству. Это означало вечное прозябание на плохо оплачиваемых должностях, профилактические визиты к копам и отсутствие личных перспектив – ну кто свяжется с нелояльной? Нелояльной навсегда! Девушка же, словно больной от рождения ребенок, относилась к своей участи философски.

В отсутствие друзей собеседниками Лили стали книги. Она читала бессистемно, жадно, перемежая дешевые бульварные романчики с Достоевским. По правде, Достоевский давался тяжело, нагружая девичье естество прессом мрачного самокопания, но любовные линии в его книгах стоили мучений. Какие прекрасные героини! Какие глупые кавалеры! Всего-то и надо – любви женщину, а они – в дебри, словно заговоренные: то рубят кого-то в горячке, то крадут, то к Богу обращаются, а то и вовсе мечтают, мечтают, – а в итоге труп любимой и сумасшествие в придачу. Приступая к очередному творению Федора Михайловича, Лиля всякий раз с азартом законченного лотерейного раба надеялась на счастливый финал новой любовной истории. Уж этим-то повезет, она дворянка, он офицер – куда краше и органичнее? Но вот последняя страница – и мрачные предчувствия, сменявшиеся по ходу романа редкими проблесками надежды, подтверждены окончательно: лишь бесы, бесы, бесы да вывернутая наизнанку низменная натура человека. Еще надежда – как утешительный приз и повод снова сыграть в бесприигрышную лотерею Достоевского.

Должность библиотекаря оказалась естественной для девушки. В библиотеке можно спокойно читать, изредка отвлекаясь на малочисленных посетителей. Никто не обратит внимания на дешевенькое платье с ближайшего блошиного рынка, оно прекрасно вписывается в библиотечный антураж, не нужно пыжиться и казаться лучше, чем есть на самом деле. Правда, мама приучила Лилу выглядеть хорошо и девушка по мере возможности выполняла ее наставления. Она не ощущала себя бедной или нищей, в ее реальности никогда не было иного состояния,

чем нелояльность и поражение в правах, к тому же мир, созданный писателями с далекой, наверняка уже исчезнувшей планеты, интересовал ее гораздо больше грязных улиц Защекинска и собственной судьбы.

Все изменилось с появлением Матвея.

Они познакомились в участке, когда Лиля в очередной раз посещала отдел по делам неблагонадежных.

Предпенсионного возраста инспектор не обременял девушку лишними вопросами и даже как будто участливо относился к ней, прекрасно понимая природу «неблагонадежности» поднадзорной. «Эх, мне бы всех таких неблагонадежных, как ты!» – вздыхал коп. Лиля не отвечала, справедливо рассудив, что в одной фразе он выразил всю внутреннюю гниль, присущую людям его профессии, готовым пасти даже невиновных, только бы иметь рабочее место. Получив отметку в ХАЭН, девушка с облегчением выпорхнула в коридор, где Туров, пристегнутый наручниками к скамье, коротал время в ожидании разбирательства, учиненного гнусным участковым Василием.

– Девушка, вы не могли бы оказать мне небольшую услугу? – обратился Матвей. – Копы заблокировали ХАЭН, не могу связаться ни с кем, а у племянника день рождения. Бросите со своего, что у меня все в порядке?

– Вообще-то я с уголовниками не общаюсь, – строго ответила Лиля.

– Я тоже, – улыбнулся Матвей, – но они меня сами сюда притащили, так что придется, видимо.

По правде, Лиле подумалось, что знакомиться в кутузке ниже достоинства даже недостойных «поражистов», но нелюбовь к копам подтолкнула к логичной мысли: те вполне могли притащить в участок такого же неудачника, как и она сама. Так чем же он хуже Лили?

– Не воображайте, что остроумны, – не убавляя строгости, произнесла она. – Ладно, какой айди и от кого весточка?

– Матвей. Может, голосовым?

Поколебавшись, Лиля согласилась.

Случайный знакомый потом не шел из головы, романы не читались, а старички – завсегда и библиотеки про себя отметили нехарактерную рассеянность девушки, появившуюся «ни с того ни с сего».

Матвей впоследствии подкараулил Лилю у полицейского участка. Оказалось, он целый месяц дежурил там в часы приема отдела по делам неблагонадежных в надежде, что девушка рано или поздно придет отмечаться! Она никогда не встречала подобного отношения к себе, их роман стал неизбежностью.

Глава 22

Работа мотокурьером больших денег не приносила, позволяя лишь сводить концы с концами, и вдобавок не сулила ни перспектив, ни надежд. Игорь об этом размышлял иногда, но, не желая заикливаться, продолжал доставлять почту, доверившись времени. Оно благодарно утекало под бурчание бензиновой двойки «Супер-В», катавшего хозяина сквозь пробки, жару и холод по сотням адресатов, под общение с такими же водителями в гараже между заказами, под решение рутинных ежедневных надобностей и под дешевую еду, поглощаемую от случая к случаю и отдающую целлофановым запахом химических ингредиентов. Настоящее дно жизни, где осознается собственная ничтожность, где от беззлобного отчаянья даже не хочется поднимать голову и смотреть вдаль, ведь с вероятностью в 99 процентов на годы вперед там встретится неизменная лапша быстрого приготовления, дешевый пакетированный чай, такие же дешевые пирожки и непреходящие бытовые трудности. Да и оставшийся процент, похоже, лишь плод воображения, выращенный непотопляемой надеждой, без которой никак. «Пуля» – обитель прокаженных, которым больше некуда податься.

Дни повторялись как под копирку.

Всякий раз утром на подходе к офису Игорь слышал звук не желавшего запускаться движка, усиливавшийся по мере приближения. Это Пашка насиловал свой мотоцикл. Поначалу рыжий высасывал из аккумулятора все соки стартером, а затем, когда озлобленный стрекот реле возвещал о кончине энергии, наступал черед мускулов и ножного кика. О, это было похоже на корриду из учебников истории, а может, и на гладиаторские бои! Рыжий остервенело, до изнеможения топтал кик, сопровождая затухающее бормотание моторных кишок самыми грязными ругательствами из тех, которые доводилось слышать Кремову. С Пашки ручьями лил пот, в пылу борьбы амбре подмышек окутывало несчастного облаком, распространяясь далее по округе. Наконец, когда мотор изматывал человека окончательно, тот надрывно взывал: «Сука-а-а-а-а!», резюмируя очередное поражение белковой формы жизни перед бездушно циничным железом.

Рыжий вносил потную вонь в офис, и все бросались учинять кофе: ходило поверье, будто запах жженого овса мог хоть чуток нейтрализовать смрад. Древний чайник, замацканный пальцами в сто слоев, выступал на авансцену. Темный пластик колбы, натужное пыхтение да роль универсального спасителя закрепили за ним прозвище Черный Властелин. Илья даже скотчем прилепил на крышку бумажные глаза, а сбоку – там, где когда-то стояло название фирмы-производителя, – фотографию усталого негра в БДСМ облачении. Юкэ периодически чистила спираль от накипи лимонной кислотой, и тогда рыжий виновник вонючих атак, паскудненько хихикая, отпускал шуточки вроде «помассируй властелина, детка!».

Да, у Черного Властелина определенно имелись харизма и реальная власть над «пулевцами».

Обычно рабочее утро в офисе, помимо Игоря и Пашки, встречали Юкэ, Серж, Жучок да пара-тройка новичков. Светка чаще начинала работу прямо из дома, у нее всегда имелся груз несрочных писем, но, бывало, и ей приходилось за компанию со всеми топить в кофейном омуте запах Пашкиного пота.

Курьеры успевали поболтать, обсуждая прошедшую смену. Серж рассказывал о забавных заказчиках, Пашка травил небылицы о своих похождениях, Светка ругала адресатов и отправителей за неточности. Жук не болтал, лишь иногда скупно описывал, в какие районы соваться опасно и на каких АЗС не стоит заправлять бак топливом. Юкэ обычно молчала, копаясь в ХАЭНе или просто глядя в окно.

После первой чашки, примерно к семи, к присутствующим подтягивались Илья и Матвей. Учював запах пота, Матвей беззлобно отчитывал Пашку за разгильдяйство и свинское отно-

шение к технике. С этого момента, словно по уговору, начинал звонить телефон, и курьеры разлетались на заказы. Клокочущие городские недра поглощали их до позднего вечера. Пашкин драндулет вступал в игру последним: Илья что-то налаживал в моторе, и тот запускался.

Неподалеку от главного офиса «Пули», под мостом, располагалось кафе дяди Ашота. Там, хоть изредка, питались все курьеры, даже те, которым казалось, что Ашот начиняет шаурму окрестными крысами. Завсегдатай кафешки и самый преданный ее фанат Пашка парадоксальным образом сочетал негодование от «непомерных цен» и любовь к пирожкам, изжаренным в вонючем прогорклom масле с тысячелетним стажем.

Впрочем, «дерут как липку нашего брата!» в Пашкином исполнении означало скорее неудачный день, чем реальную претензию. Ашотовское кафе его устраивало, а отвратительное качество еды рыжий компенсировал специфическим чувством юмора и беззлобным дворово-детским изумлением от любых финтов судьбы: «Откусываю раз полпирожка – ну голодный был, как чертяка, – и проглатываю не жуя! Только какое-то щекотание в горле заметил. Думаю, показалось. Глядь – из второй половины, что в руке осталась, перекушенный таракан выглядывает и еще лапами шевелит! И как он прожарку-то выдержал, ума не приложу! Живучий, выходит! Только через перекусывание представился, бедняга».

«Блеванул?» – гадливо поинтересовался Серж за всех. «Кто? – не сразу сориентировался Пашка. – Я, что ли? Не, не блеванул. Я не миллионер пирожками разблевываться! Да и таракан – штука питательная, вона вчера по телеку говорили, „Монсанье“ тараканов сотнями тысяч разводит, узкоглазые их в ресторанах заказывают как деликатес!» – «Так то кузнечиков!» – возразил Жук. «Какая разница?!» – отмахнулся Пашка.

Одна Юкэ у Ашота не питалась принципиально, из-за чего рыжий, похотывая, обзывал ее расисткой, всякий раз нарываясь на ответное лаконичное «дебил». Наверняка дело было вовсе не в расизме, просто Юкэ не обладала должной любознательностью, чтобы поражаться примерам живучести прожаренных насекомых и прочим естественно-научным чудесам. Ее позицию внешне разделял Жучок, но в отсутствие Идеальной Особи он охотно трапезничал с Пашкой. Серж тоже, хоть и морщился брезгливо при виде антисанитарной стряпни, все же жаловал ее, нивелируя отвращение толстым слоем майонеза и кетчупа. Особенно беспроблемно процесс поглощения «бургашотов» и «крысмаков» у Сержа протекал под залипание в компьютере и пиво. Ему завидовали все курьеры, ведь он мог наслаждаться алкоголем хоть с утра, в то время как двухколесным требовалось для этого оттарабанить смену в седле по любой погоде.

Игорь продержался недолго. Пару раз, проголодавшись по-настоящему и не сумев раздобыть «Молчановских зорь» с майонезом и сухой лапшой, он вынужденно принял новую гастрономическую реальность. Знакомство состоялось не без шероховатостей: приступы диарейной боли поначалу исправно скрючивали Нерва, заставляя даже на выездах, но затем желудок пообвыкся и принялся худо-бедно извлекать калории из неведомой ранее пищи. Впрочем, кишечные расстройства хоть изредка настигали всех, провоцируя Пашкины шуточки про «визиты мистера поноса», «резь в глазах» и «закупоренный сортир». Независимо от пищевого ассортимента, съеденное запивалось «кофе».

В таких условиях Кремов не сломался, даже наоборот – раскрыл в себе неизвестные душевные резервы. Еще он начал совсем по-другому воспринимать людей, которых в прошлой жизни порой считал неудачниками, научился чувствовать их токи, недоступные тогда из-за социальных барьеров. Они перестали казаться примитивными или, как выражался Миха, «темным быдлом».

Тот же Паша Рыжий – небритый русак с рябым лицом, словоохотливый до невозможности, всегда служил объектом незлобивых подначиваний и шуток. Кем такие были для Нерва всего год-два назад? Шпаной, безликими завсегдатаями сводок по бытовой преступности, вызывающими отвращение манерами вроде сплевывания слюны через щель в зубах и харак-

терным запахом недельного пота. Сейчас эти вещи служили второстепенным фоном портрета Рыжего, незначительной особенностью – и все. Пашка убил в Нерве малейшую предвзятость, поделившись однажды куском дешевой колбасы. За нехитрым актом тянулся длиннющий след обстоятельств, в мгновение осмысленных Игорем и превративших забавного парня дворовой наружности в открытие.

Кусок колбасы «Молчановские зори», после которой развивались неудержимый метеоризм и скотская отрыжка, служил желанным обедом в курьерском сообществе, потому что мог легко конвертироваться, особенно с хлебом и майонезом, в калории и намек на сытость. Пашка, как и все, не отличался обеспеченностью и потому ценил «Зори» на вес золота. В один из дней шпарил неприятный холодный дождь, и, забравшись в гараж к верстаку, продрогший Рыжик нетерпеливо принялся нарезать колбасу и хлеб в надежде пообедать. Тут ввалился обессиленный после смены Кремов, пропитанный водой до нитки. Ужасно хотелось есть и спать, но усталость убивала охоту плестись в магазин за лапшой. Просить поделиться языком тоже не поворачивался: вечно нищий Пашка сегодня собирался уничтожить крохотную даже для себя снесь, – так что, подавив усилием воли протесты измученного желудка, Игорь просто снял одежду, натянул ничейный свитер и рухнул на протертый до дыр диван, настроившись потерять сознание. Но Рыжий, ни секунды не колеблясь, растормошил его и протянул бутерброд. Искренность и простота этого поступка стали чем-то новым в восприятии Игоря, не привыкшего получать с материальной вещью, будь то еда, одежда, шариковая ручка, деньги, да и вообще что угодно, еще и положительный ментальный заряд «за просто так». Ничего взамен ценнейшей «Молчановской зари»!

Или вот всегда молчаливый Жучок, спрятавшийся в такой толстой скорлупе от окружающих, что Игорь не мог его как следует прощупать. Жучок катал на костлявом черном чоп-пере-пинчере, напоминавшем типажом хозяина. Такой аппарат не позволял доставлять пиццу, не развивал космических скоростей и припекал лодыжки раскаленными цилиндрами за будь здоров. Но Жучок ему не изменил и просто приспособился: чтобы не приторачивать к пинчеру уродливые кофры, возил письма в сумке на ляжке через плечо; во избежание перегрева надевал штаны, отделанные с внутренней стороны бедра и по промежности кожзамом; охотно ходил в несрочные пригородные рейсы, где недостатки его машины проявлялись наименее выражено. Жучок мало разговаривал, а когда делал это, казалось, будто слова даются ему с большим трудом. Он больше ценил дела. Очевидно, Жук много читал, когда выдавалась возможность. Его заставляли даже с бумажной книгой или диковинным журналом из мира техники и технологий; он словно готовился к чему-то, запасаясь знаниями. На его мировоззрение наверняка повлияла какая-то авария в прошлом, оставившая на память заметную хромоту и умение не спешить.

Вдумчивый механик Илья с большими, глубокими как озера глазами на самом деле являлся технофриком. Он фанатично надраивал очередной мотоцикл сразу после покупки и немедленно принимался за его «улучшения». Когда улучшению машина уже не поддавалась, Илья без сожаления сбывал ее какому-нибудь обеспеченному бездельнику и приобретал новую, не «улучшенную», чтобы начать процесс сызнова. В таком круговороте техники Илья усматривал свою миссию в этом мире. «Я довожу аппарат до безупречного состояния, а безупречное состояние – залог безаварийной езды! Чем больше я насыщаю братскую среду хорошей техникой, тем больше наездников останутся в живых. Просекаешь?» – бесхитростно объяснял он. Игорь верил.

Светка, по слухам, любила мужчин больше всего на свете. Непостоянство и хорошее настроение являлись ее отличительными особенностями. А еще Светка имела ярко-оранжевую копну волос, из-за чего «пулевцы» прозвали ее Огоньком. Впрочем, Огоньком ее называли и бывшие бойфренды, которых она подбирала, словно руководствуясь принципом «чем болтливее, тем лучше», а в их интерпретации, да в обрамлении сальных ухмылок прозвище приобретало совсем другой смысл. Светка отлично выполняла работу, но выматывала Матвея каким-

то иррационально-маниакальным козым упорством, оспаривая все его приказы и постоянно причитая. Поначалу Игорю казалось, что Светку действительно ущемляют, пока однажды Матвей не сорвался и не наговорил ей упреков с три короба. После этого Светка будто просветлела и с облегчением поротого ребенка с удвоенной энергией принялась за работу. Она однозначно была энергетическим вампиром.

Среди «пулевцев» особняком стояла Юкэ. Еще в первую их встречу у Кремова в голове произвольно возникло определение – «идеальная особь», оно очень точно подходило этой красивой молодой девушке. Прямые соломенно-желтые волосы Юкэ спускались к талии, ровная челка над темными бровями подчеркивала строгие голубые глаза, нос, прямой и острый, придавал лицу хозяйки хищные черты, а завершали образ волевой, слегка выдающийся вперед подбородок и острые скулы. Тело излучало здоровую силу, – казалось, ничто не сможет сломить его обладательницу; на общее восприятие в немалой степени влияла и кожа однородного светлого тона без родинок и прочей пигментации. А еще голос! Низковатый голос Юкэ отдавал чем-то притягательно-первобытным.

Подружиться с ней никому не удавалось: девушка держала курьерское большинство на расстоянии, в коротких беседах тщательно подбирала слова и не проявляла лишних эмоций. Лишь иногда Юкэ снисходила до редких полуулыбок, но чаще хмурилась. Общению она вообще предпочитала просмотр кино в ХАЭНе. Никто не видел, как она ест или пьет что-то кроме воды или кофе.

Такое поведение подогревало интерес к Юкэ со стороны новичков; многие, вопреки всему, старались добиться ее расположения, но попытки ухаживания пресекались решительно и безапелляционно. Фифа – закрепили за ней прозвище отвергнутые кавалеры, однако после того как Матвей уволил парочку ребят, не в меру распускавших язык из-за уязвленного самолюбия, нездоровое внимание к Фифе сошло на нет, а в обиход вернулось странноватое, но привычное Юкэ.

Особые отношения у нее были с Жучком, Игорь даже перехватил как-то необычно теплый взгляд, брошенный амазонкой в сторону молчуна. Сердце тогда кольнула непонятная ревность, но Нерв решил не разбираться в этом и просто постарался забыть эпизод. Пашка вызывал у Юкэ презрительные усмешки, Илью она не выделяла из общего окружения вообще, с Кремовым держалась отчужденно.

Вне всяких сомнений, девушка пользовалась большим доверием у Ястреба, поскольку он поручал ей только особые задания. Из-за этого диспетчер никогда не привлекал Юкэ к рядовым заказам. Бывало, она часами сидела без дела, в то время как остальные растревоженными пчелами судорожно сновали по адресам, срывая графики. Ее это не волновало вообще. Но чаще светловласка сама отсутствовала, пропадая по нескольку суток неведомо где на своем мощном спортивном мотоцикле, «Ящере», который был под стать хозяйке – породистый, красивый, с гранеными формами пластика. Он выдавал басовитое урчание на холостых и низкий вой на предельных оборотах. Этаким самурайский меч, вещь для конкретного дела, а не для пустого блеска, идеальная «механическая особь».

Сам Матвей оказался уникальным человеком. Очевидно, в нем бурлил кипящий котел, позволявший тратить энергию без экономии – на все хватало. Этим объяснялся и магнетизм, благодаря которому Матвей сколотил сплоченную компанию из разношерстных уникамов – тот самый клуб прокаженных, «кочегарку», как называл про себя «Пулю» Игорь.

В прошлом эти люди собирались в гараже после работы, пили пиво, крутили гайки, рассуждали о жизни. Никто из них не имел ни карьерных перспектив, ни обеспеченного будущего, но общий мирок компенсировал все. В гараже удавалось забыть о трудностях и низкооплачиваемой подработке, о грубости начальства, о затыжном безденежье. Не то чтобы они не хотели чего-то добиться, просто не знали с чего начинать, да и веры в свои силы не доставало. Не знал с чего начать и Матвей, но кипящий котел провоцировал двигаться, искать возможно-

сти. Остальные, кто поумней, с надеждой ухватились за лидера, как за локомотив. Появилась мотомастерская, а затем и курьерская служба – предмет деятельности органично вытекал из их прежнего образа жизни. По сути, костяк «Пули» состоял из гаражной компании, увидевшей свет в конце тоннеля, лишь по необходимости обраставшей новичками извне. Плюсы и минусы не заставили долго ждать: с одной стороны, старожилы друг друга прекрасно знали и ценили, с другой, некоторые оказались не готовы к изменению ролей и отходу от гаражной вольницы с ее пивом, необязательностью и всеобщим равенством. Такие отсеялись.

Новички чаще всего преследовали прагматичные цели, сентиментальной мутью мотоциклизма болели недолго и, выработав запал, находили другую работу – официантами, грузчиками, уборщиками, продавцами – хоть и низкооплачиваемую, как в «Пуле», но свободную от курьерских тягот. Матвей называл это оборотом «фекалоидов» в выгребной яме, полагая, что обмен шила на мыло ни к чему не приведет. Он верил в силу объединения, исповедовал правило «друг за друга стеной» и рассчитывал «прорываться наверх» только так и верхом на мотоцикле.

– Понимаешь, – поделился он как-то соображениями с Игорем, – мотоцикл – это инструмент свободы и независимости. В хороших руках он позволяет жить без оглядки на придирки вымогателей из полиции, на нем можно ездить всегда, даже когда городской трафик стоит запором. Свобода перемещения и восторг – вот что такое мотоцикл!

Глава 23

По-видимому, небольшой процент людей всегда стремится «за флажки», ограничивающие бытие привычным кругом «дом-работа» либо «учеба-развлечения». Может, путь странника начинается в углу, где маленьким ребенком он отбывает наказание за самовольную отлучку из детсадовской песочницы или «побег» с игровой площадки через дыру в заборе. Почему не с момента совершения «проступка»? Потому что все дети хоть раз да пускаются в приключения, ускользая от внимания воспитателей, но, будучи наказанными, обычно «понимают, что так делать нельзя». Только один из нескольких сотен, всхлипывая и тоскливо рассматривая каждую неровность на стене «темницы», будет мыслями снова где-то там, за пределами предписанных рамок – гладить бродячих собак, срывать немтыми руками неизвестные ягоды и есть их, блаженно вдыхать воздух, который на вкус-то совсем не то, что спертая атмосфера детсада. Приходит незнакомое ощущение глобальности мира и рождаются первые протесты против произвола нянечки, безапелляционно и больно выкручивающей ухо, «чтоб не лазил где попало».

Затем кто-то из маленьких путников, взрослея, забрасывает мечты о странствиях и новых дорогах, включаясь в мощный поток жизненной рутины. Он любит читать приключенческие книги, смотреть передачи о дальних уголках и других людях, но все открытия происходят в голове, спокойно сидящей на теле, которое никуда не движется, а только нежится в объятиях дивана. «Ничего, – нашептывает желудок душе, – еще успеешь смотаться куда-нибудь, а пока подай еще немного пивка».

С возрастом «мальчишество» проходит, нереализованные желания вытравливаются из памяти, чтобы не жалили по ночам. Подыгрывая лени, выдумываем новые причины никуда не ехать, а затем оформляется железное «у меня не тот возраст, да и вообще, просто сгоняю на курорт». Все. Смерть одного из миллиардов планктоновых, забытого еще раньше, чем наступил последний вздох, и смирившегося с нянечкой из детского сада во всех ее ипостасях.

Для Матвея такой исход был однозначно неприемлем.

Судя о всему, его взгляды разделяли Жучок, Юкэ, Илья, Пашка и Светка, но матвеевское «прорываться наверх» казалось Игорю достаточно парадоксальным. Какой именно верх? Наверняка тот, где нет нужды и плохой еды (речь не о Пашке), где простое выживание становится неактуальным. Но понимает ли Ястреб, что стремится к тому, что сейчас ненавидит?

Как-то он и Игорь пересеклись в мастерской, когда Матвей что-то горячо рассказывал Илье.

– Представьте себе, – усмехаясь и хмуря брови одновременно, восклицал Туров, – еду по одиннадцатой улице не спеша, в потоке. Замечаю, что поток-то вязнет и быстренько перерастает в обычную мегаполисную пробку. Жара адская. Какое-то время я постоял, но затем решил по пустой встрече отвоевать пару кварталов. Проезжаю метров двести и вижу типичную картину: мигая светом аварийки, у тротуара стоит крутой автомобиль, его силится объехать троллейбус. От крутого авто, не торопясь, отходит дама средних лет и направляется в близлежащий салон «Белье для элитных людей». Троллейбус закупорил все движение. Водила, обливаясь потом, обреченно следит, как элитная дама шествует по своим элитным делам, но ничего не может сделать, чтобы объехать ее тачку. В то же время температура в раскаленном салоне троллейбуса неумолимо растет, люди варятся заживо, повиснув на поручнях. Понаблюдав за этим раскладом, я уж собирался протиснуться дальше, но вдруг заметил, что дедуля пассажир как-то неестественно сник на своем сиденье. Оказалось, его хватил удар. Скорую ждать бессмысленно, копов – тем более. Короче, скончался человек, а еще двух женщин откачивали прямо на тротуаре прохожие. Элитная дама как ни в чем не бывало, прикупив шелковых трусов, возвратилась в авто и уехала далее. Все этому только обрадовались и, обматерив ее в

сердцах, радостно поплелись по одиннадцатой, – закупорка-то рассосалась! Случайные прохожие-спасатели и я остались ждать скорую. Та приехала через сорок минут, и дождался ее один дедуля, и то потому, что ему некуда больше спешить. К чему все это? Да к тому, что не люди мы уже, а куски мяса, не лучше грязи или там камней. Ведь нет различий между трусами и жизнью одного из нас. Где душа? – И, помолчав, уже грустно добавил свою коронную фразу: – Вот уйду в монастырь от вас или к красным!

Красные – настоящая гроза полиции и общественного порядка – оккупировали самые дальние, темные и страшные закоулки обывательского сознания. Там они шевелились мутной смертоносной заразой, угрожая любому нормальному человеку шальной расправой и убийством «ни за что». С экранов телевизоров, из газетных статей и криминальных хроник добропорядочному мужу, отцу, трудяге частенько напоминали о нависающей над ним опасности в виде маргиналов верхом на ревущих двухколесных монстрах. Такие громили полицейские участки в беспокойных кварталах, расстреливали экипажи патрульных машин, крышевали бордели и наркопритоны. Поймать или наказать их крайне сложно, мощные мотоциклы гарантированно уносили отчаянных ребят от преследователей куда-то в Восточный Мегополис, в сумрак зашекинских окраин.

Игорь прежде видал одного красного, едва живого, подстреленного экипажем дорожной полиции. Перед тем его травили стаей патрульных тачек несколько часов. Пуля достала буйного ездока почти на границе с Молчановкой, когда он уже готовился раствориться в темноте. Парень умирал в КПЗ на грязной скамейке в окружении пылавших ненавистью бойцов спецназа, и только вмешательство прибывшего следователя остановило его досрочную «случайную» гибель. Сквозь начинавшуюся агонию Нерв успел прощупать этого человека, определить общую окраску личности и психозаряд. Увиденное смутило. Причем смущением те чувства Игорь условился назвать, чтобы не дать развиваться зарождавшемуся шоку – от новизны и открытости внутреннего мира красного. Тот ни на кого не обращал внимания, не выдавал и намеков, ненависти или обиды – он только сожалел, что умирает рановато. Рановато! Сожаление, выуженное Игорем из обреченного, такое светлое и горькое одновременно, стучалось в темнице подсознания все последующие годы, требуя осмысления, настаивая на внимании к себе. Нерв упорно избегал встречи с ним и надеялся, что рано или поздно все пройдет, рассеется, занемет.

Матвей своим рассказом вскрыл, казалось, надежно упакованное прошлое, растревожил глубокую занозу. «Рановато», обретя долгожданное осмысление, полоснуло по живому ничуть не затупившейся бритвой. В нем соединилось много чего, но сплав этот породил в том погибающем парне удивительное чувство непобедимости. Умирая, он знал, для чего прожил свою коротенькую жизнь, почему рисковал ею и за что любил. Любил всем существом, каждой частичкой на атомном уровне, будучи пьяным от ее проявлений – как хороших, так и плохих. «Рановато» не скорбело по человеку и не оплакивало его кончину, оно выражало не утоленную жажду того к своей реализации здесь и для других.

Странная установка к самопожертвованию в пользу неопределенного круга людей.

В пользу тех, кто не имел для умиравшего отличительных признаков – лиц, характеров, имен, пола, расовой принадлежности и еще миллиарда иных, выделяющих одного из ряда себе подобных. Можно жить для родителей, жены, любовницы, для детей или братьев-сестер. Кто-то для хозяина или просто для себя живет, но знает тогда, чем эти конкретные люди важны, представляет их образы, совершая жертвенные, но адресные поступки, а здесь... Здесь – Общество! Оно конкретно, имеет свой образ, свои недостатки, оно родное, за него он бился до конца. Удивительнее всего, что Общества этого не существовало в реальности и красный сей факт осознавал; идеальное Общество являлось целью его работы, оправдывавшей риск и гибель. Роскошно – на пороге смерти не разочароваться в том, за что отдал жизнь.

Слушая Матвея, Игорь прикрыл глаза. Жалеть не о накопленном богатстве, несовершенных путешествиях, неполученных впечатлениях, несостоявшейся близости или, в конце концов, не об оставленных родных и близких, – а жалеть о том, что не все успел сделать для людей. Как это?! Что это значит?! Люди же бывают такими ужасными, Игорь знает об этом не понаслышке. Тот красный видел их совсем другими, потенциально добрыми, сильными, умными и счастливыми, такими, какими они должны были стать в результате его трудов. Эх, метафизика какая-то, алхимия.

Интеллект стоял вплотную перед чем-то титаническим, не в силах охватить даже маленькую его часть. Требовалось время, способное отодвинуть от этого титанического, чтобы издали повторить попытку. Сейчас же, впитывая энергетику матвеевских слов, Игорь хоть и неуверенно, маленьким фрагментом, но глотнул незнакомой захватывающей сущности, на доли секунды войдя в присущее тому мотоциклисту опьяняющее состояние.

И все же – как это вяжется с «прорывом наверх»?

Стоявший в темноте неподалеку от окна «Супер-В» угадывался по росчерку бликов, оттенявших характерно изящный силуэт машины. У Игоря никогда не было гаражной компании или клуба по интересам. Его душа сама тянулась к чему-то, впоследствии воплощенному в «Супер-В», преодолевая трясину инертности, быта, статусных рамок, страха. Мотоцикл покупался скорее «вопреки», чем «благодаря», и потому стал бесценным, глубоко интимным явлением, частью души. И что же? Куда все испарилось с появлением Ланы? Она принесла с собой другие установки, в жизни стало больше денег, уюта. Кремов оказался наверху.

Врезался в память незначительный эпизод: осенним утром они с Ланой выкатывают с парковки на новеньком автомобиле, купленном по ее настоянию. Моросит противный дождь, и, несмотря на то, что еще не слишком холодно, тело щекочут зябкие мурашки. Жена, ароматная и свежая, как конфета, сидит на пассажирском сиденье и, глядя в зеркальце на солнцезащитном козырьке, красит губы. На ней легкое бежевое пальто и кокетливые сапожки с высокой шпилькой. Микроклимат быстро прогревает салон. Классно. «Мотоциклу нет места в этой жизни», – вдруг вспыхнуло в голове. Нерв испуганно затолкал эту мысль поглубже.

Затем он периодически возвращался к ней, вооружившись спасительными аргументами, но пылящийся где-то в далеком боксе «Супер-В» воображаемо разбивал любые из них одним укоризненным взглядом круглой фары: «Мотоклуб обеспеченных дядек? Это тех, которые не умеют ездить и мотоциклы которых похожи на жирных надраенных поросят?! Тех, которые тусуются, будто на детском утреннике, только небритыми, с пивом и под „взрослые“ разговоры? Увольте! Я не свинья, для мотоклуба физиономией не вышел». Или: «Кататься по выходным с Ланой? Посмотри не нее, она ж тебя на пушечный выстрел ко мне не подпустит! Вы будете посещать рестораны или вечеринки. Друзья, выставки, магазины... Ты всерьез полагаешь, что мне перепадет хоть капля времени? Шутник!»

Он оказался прав. И еще... Лана тоже считала, что статус позволяет ей оставлять машину в неполюженном месте, хотя описанный Матвеем ужас – со старичком в троллейбусе – она вряд ли бы учинила.

Глава 24

С женой Игорь познакомился случайно.

Красивая девушка в берете и клетчатом шарфике стояла у открытого капота старенького автомобиля и беспомощно рассматривала моторный отсек. Игорь проехал мимо метров двадцать, прежде чем сообразил остановиться и помочь. Припарковав своего «бигфанта» у обочины, направился к незнакомке пешком. «Моя!» – вспыхнуло тогда в голове при виде стройной стильной «художницы» с длинными ресницами.

Он непроизвольно заговорил на английском: «Вам помочь?» – «Если возможно, мсье», – ответила незнакомка с легким акцентом.

Француженка! Волнующая в своей исключительной для Восточного района самобытности, она окончательно сразила Кремова. Какой-то свежестью воспринимались ее скромная непосредственность, небрежная элегантность одежды, обезоруживающая улыбка, способ построения фраз. Маленький «микрон» со сломанным мотором подыгрывал образу хозяйки; такую машину выбирали душой, но ни в коем случае не умом – как винтажный аксессуар, без особой практической нагрузки.

В осенний вечер того же дня они сидели на скамье в старом парке, заваленном желтыми листьями, безвозвратно проникая друг в друга уютным молчанием, понятными взглядами.

«Знаешь, что я чувствую, Игорь?» – с улыбкой спросила она. «Конечно, я специалист по чувствам людей, – с дурацким бахвальством ответил Кремов, – я же Нерв». Ее брови взметнулись вверх: «Правда?! Я смущена!»

Она представляла Нервов по клюквенным описаниям западного кино – неврастениками с цепким взглядом, потными жидкими волосами, постоянно копающимися в собеседнике и вынюхивающими любую гадость. О да – информация о волосах и неврастении не подтвердилась, но этот русский все же «читает» мысли! Так, должно быть, рассуждала милая француженка, сидя на скамье в старом парке напротив Игоря. Она в чем-то ошибалась, а в чем-то нет. Еще никогда Кремову не встречался человек настолько понятный и прозрачный.

Молодые люди вскоре поженились, невзирая на прохладное отношение родителей невесты к выбору. Лана легко согласилась на окончательный переезд в неродной Защекинск, где мужу предоставили просторную служебную квартиру. Какое же счастье испытали они там!

И вдруг этот кошмар – увольнение из Нерва, метания с новой работой, поиски себя, измена любимой француженки. Почему жизнь рушится во всех аспектах, почему самое дорогое не может сохраниться? Игорь подметил неотвратимость некой цикличности, будто каждые несколько лет его переводили в следующий класс, а на выходе из прежнего отбирали все фанты, одежду, учебники, разлучали с друзьями-второгодниками или, напротив, с ребятами, скакнувшими экстерном на пару ступеней вверх. Затем в новой обстановке приходилось одеваться по сложившейся моде, заводить местных друзей, выполнять другую учебную программу. Больше всего раздражала бесцеремонность «школьной администрации», пропускавшей через жернова обысков и конфискации в конце каждого цикла – прежний мир всегда рассыпался.

Зато сейчас Игорю ясно открылось многое, о чем он не задумывался прежде. Например, эмоции жены, не сожалевшей о неизбежном расставании, которые заполнили всю комнату при последнем разговоре. Их терпкий запах, восставший в памяти, просто кричал о непроизнесенном – да, наверное, и не произносимом в такие моменты. О чем? О дыме дорогой сигары, об аромате модных духов, о посещениях элитных клубов, о вкусе мартини, об интрижках с мускулистыми загорелыми коллегами, о беспечном достатке и неге в плетеном гамаке на собственной яхте, о нравах высокого общества и перспективах «роста», о хрусте новеньких купюр в пальцах с идеальным маникюром – обо всем, что ускользало из жизни Ланы с потерей Игорем престижной работы.

Ему же, как назло, не хотелось выделять деньги на «трендовую» одежду от дизайнеров «с именами», он в упор не понимал, зачем шьют френчи с эффектом «старения», будто молью побитые, почему «в сезоне все» цепляют к джинсам причудливо декорированные подтяжки, и еще – как Игорь ни силился, он не научился отличать эспадрильи от мокасин.

Что предложить жене взамен – мотоцикл? Надоевшая игрушка, несолидно. Романтика на ночной крыше с бутербродами и телескопом? Пары раз хватило. Книги, поездки, дети, в конце концов? Все перечеркивалось в глазах любимой француженки необратимой «деградацией» мужа. Он не дал ей того, что она желала, и она крепилась, сколько могла! Чего же еще? В такие моменты всегда кому-то больно, оттягивать финал не имеет смысла.

Лана беспощадно права. Он проспал ее мечты и, уж если начистоту, – занял чужое место подле женщины, на которую имелся бойкий спрос, ведь кроме романтики и минимального достатка не мог похвастаться тягой к сигарам и светским извращениям – не дорос.

Или... Или все не совсем так?

Как же хочется, чтобы порвалось, так порвалось: сразу одним махом, с черно-белым послевкусием, с фотокарточками на память, где актерская труппа в костюмах негодяев и героев – согласно сценарию, без всякой отсебятины и импровизации! Чтобы все объяснялось с полувзгляда, с полуслова. Циничная бездушная красотка, арлекин и печальный преданный рыцарь. Там еще с десяток лиц на втором плане наберется.

Однако только ли цинизм заставил жену уйти?

Она состояла в попечительском совете при фонде своего отца. Участвовала в мероприятиях вроде посещения детских домов, на одно из которых попал Кремов. Тогда у них уже возникали трения, тем более неудивительным вышел скандал, устроенный Ланой после благотворительного вечера в доме сирот-инвалидов. Игорь допустил ошибку, согласившись сопроводить ее туда, он нарушил правило Нервов, а может, и несколько сразу, окунувшись с головой в море боли и разочарования. Он поплыл, расклеился.

Дети с различными дефектами, в глазах которых застыли щемящая тоска и безнадежность. Такие маленькие – с такими проблемами. Люди из фонда, толкающие речи с трибуны на камеры. Жена рядом со своим расчетливым родителем, приковавшая восхищенные взгляды девочек, обреченных никогда не стать здоровыми. Рассуждения присутствующих о росте пожертвований и оборудовании комфортных комнат для сирот.

Те готовы сбежать из самых навороченных комнат, от самых дорогих игрушек к папе и маме, которые бы их любили. Но об этом не говорят солидные гости, против этого воспитатели, не желающие терять работу. Дети обречены на комфортные комнаты. Игорь тихонько заговорил с маленьким мальчиком с больной ногой и сам не заметил, как оказался в центре внимания малышей. Они принялись выкладывать взрослому, готовому их по-настоящему понять, все, что скопилось внутри. Игорь гладил их волосы, целовал щеки и лбы, детвора оккупировала его колени, дергала за полы пиджака, и он каждого из них слышал! Возникла неловкая ситуация с благотворителями, малолетняя часть «массовки» покинула кадр, постановка зашаталась, и возмутителю спокойствия нужно было бы остановиться, но он уже не мог. Ему вдруг стало тепло-тепло, светлая тоска разлилась в груди, чувствовалось, как маленькие души накрепко привязывались к его душе. Он не замечал пунцовых воспитателей, силившихся «утихомирить» детвору, растерянных операторов, разводящих руками, колючих взглядов тестя и его партнеров.

Дома Лана выплеснула негодование:

– Я не узнаю тебя, Игорь! Что это было? Какой конфуз! Мне стыдно перед папой и мсье Лярошем, это заслуженные люди. Сцена с детьми сломала замысел трогательного вечера! Ладно, твое хулиганство еще можно простить, если б не причины, вызвавшие его. Я выходила замуж за уверенного в себе, сильного мужчину, а оказалось, что ты до слабости sentimentalен! И это суть Нервов?! Я тоже люблю детей, но не принимаю все так близко к сердцу, пони-

маешь? Нельзя помочь всем. Ты же погибнешь, пропуская все через сердце! А я? На меня у тебя похоже не осталось и капли любви, раз ты так позоришь жену!

Выходит, рыцарь тоже эгоист, да еще и слабак. Вот уже на фотокарточке его образ не однозначно положителен. Драматургия усложняется, сюжет закручивается.

К черту все.

Игорь вздохнул от болезненных воспоминаний, а в голове снова вспыхнул вопрос: «Понимает ли Ястреб, что стремится к тому, что сейчас ненавидит?» – но тревога почти сразу же прошла. Игорь доверился надежде: «Он достаточно силен, чтобы найти правильный рецепт! Он прирожденный лидер». Нерв твердо решил своими способностями и умениями оберегать Матвея, помогать ему, даже ценой приведения баланса к серьезному перекоосу в пассив.

Глава 25

Из утилизированных записей Максима Кремова. Южные рудники, Мегаполис.

«День 3.

Плохие новости – пропали первые страницы дневника. Наверняка охрана вышмонала тумбочку, а старший надзиратель Джонсон, мразь, не умеющая читать, даже не удосужился вникнуть и сжег мою писанину. Более гнусных типов, чем Джонс, Иванов и Субботин, мне не доводилось видеть никогда. Вернее, может, и доводилось, но в иных условиях, когда гнусность не лезла наружу. Здесь же все можно, у шахтеров нет прав, мы скот, поэтому надзиратели отрываются по полной.

Если б знал я, что так закончу, ни за что не пошел бы в шахту.

Катастрофа на Солнечном застала нашу семью врасплох, впрочем, как и остальные семьи. Город жил себе нормальной жизнью – и вдруг рвануло. Хорошо, что ты был маленьким и тебе не запомнилась тотальная паника, охватившая людей! В момент из многих повылазило столько звериного, что вчерашних соседей стало не узнать, – рвали глотки друг другу, как собаки. Дрались на посадке в турбопланы, дрались за сухпайки, дрались, в конце концов, здесь, в изгнании, за статус лояльности. Мне кажется, вспыхнувшее в людях остервенение сразу перешло в хроническую фазу, способность понимать ближнего испарилась подчистую. Даже на кордоне, когда ужасы катастрофы остались далеко позади, мы так и не пришли в себя. Кто-то принялся яростно отрицать принадлежность к ДОТу, кто-то показушно радовался „переменам“, кто-то зарабатывал очки, изобличая эту показушность. Оказалось, в Солнечном жилось весьма худо и давно нужно было разгромить ДОТ, приземлить „Аврору“, а обделенным горожанам раздать по персональному автомобилю из перегонки ребиса никак не ниже седьмого уровня! Седьмого, сынок! НПО „Синтез“ из седьмого уровня получало сырье для мостов, дирижаблей и аэродуг, а тут какие-то автомобили!

Мы с мамой сумели спасти тебя и спастись сами. Некоторое время наша семья провела на кордоне, как раз хватило времени отдышаться. Затем улыбчивые крепкие ребята, говорившие только по-английски, пригласили бывших шахтеров из Солнечного на южные рудники. Я решил рискнуть и присоединиться к набору, хоть в шахте никогда не работал. Все равно кордон не обещал никаких перспектив, а в Мегаполис еще не пускали. Думал, заработаю и заберу вас с мамой в Зацекинск, который вскорости обещал засверкать новыми домами и проспектами – специально для переселенцев.

Вышло все куда хуже. Довольно быстро мы превратились в рабов, и, по правде говоря, затея с рудниками попахивает простым истреблением неудачников вроде меня. Мы не вписывались в реалии жизни улыбчивых крепких рекрутеров.

Теперь не выбраться. Лешка умер. Его утащили могильщики, наверняка, где-то на заколоченном ящике один из них черной краской выводит „А. Огурцов“, чтоб утром, не затрачиваясь на формальности, быстро закопать покойника. Мой кашель не прогрессирует, организм сопротивляется».

Глава 26

К девятилетию Женьки дед приготовил подарок. После очередного похода в общежитие они не стали надолго задерживаться у дяди Миши и направились не на свалку, а в районный парк аттракционов. Харитоныч откладывал из пенсии на взятку докторам, чтобы вернуть внуку статус инвалида, но сорвался, решив потратить часть накоплений на праздник.

Все складывалось как в сказке, светило апрельское солнышко, они топали, держась за руки, по аллее вдоль деревьев, покрытых молодыми зелеными листиками. У веселого великана на ходулях Женьке купили огромную конфету, которую тот даже не хотел сперва распечатывать, припрятав в карман «про запас». Но соблазн пересилил и ожидание не обмануло – конфета оказалась вкусной до невозможности! Правда, кусочек угощения именинник все же заботливо упаковал в обертку, для деда. А на очереди еще карусели! Женька, забыв о больной ноге, ловко ковылял среди бегущих детей то к пластиковой лошадке, обещавшей всем видом умчать седока на просторы волшебной страны, то к яркому паровозу, поджидавшему маленьких пассажиров у пряничного перрона. Его опережали, но место на лошадке с ним согласилась разделить девочка, мама которой даже помогла пыхтящему от напряжения Женьке взобраться в седло, а с паровозиком вышла и вовсе замечательная история: когда все скамейки в вагонах заняли, сам машинист пригласил смущенного мальчика к себе в кабину! Перед глазами Женьки бежала железная дорога, а он, очарованный, наблюдал, как дедушка машет рукой, приветствуя из-за ограждения.

В тот день ничто не напоминало им о мимолетности счастья, о том, что они – недолгие гости в кругу благополучных людей, но посещение парка зародило у мальчика надежду на их с дедом возвращение в город. Они оба страшно захотели добиться этого.

Глава 27

Дни продолжали отщипываться исподтишка – в поездках по Защекинску и восточным окраинам Мегалополиса.

«Супер-В» утратил лоск покатушечного аппарата, теперь это был бродяга с обветренным лицом и выцветшей одеждой. Игорь буднично менял расходники, износившиеся узлы и продолжал стирать покрышки о полотно бесконечных дорог.

Приходилось выживать. Выживание занимало постоянно, касаясь всех аспектов бытия. Тяжело доставались деньги, продукты, отдых редко оказывался достаточным, и в любой ситуации приходилось держаться начеку. Это меняло взгляды, очень сильно меняло.

Скитаясь по маршрутам, Игорь разучился обижаться на дорожных хамов и даже на тех, кто, нарушая все мыслимые и немыслимые правила человеческого общежития, без малого не убивал его. Не убил? Ну и хорошо, проживем еще немного, а чтоб к «немного» присовокупить чуток сверху, будем вдвойне осторожны.

Вчерашний безликий поток автомобилей теперь вписался в четкие клеточки внутренней классификации. Помимо основной массы нормальных водителей присутствовали в них и радикальные категории.

Во-первых, Игорь обозначил своих недругов. Они распадались на классы «мажоров», «спесивых», «хулиганов» и прочих и различались по признакам достатка, дороговизне машин, но объединялись одинаковой ненавистью к соседям по потоку и пренебрежением к последствиям лихого вождения. Спорить с недругами, учить их чему-либо представлялось Нерву делом бессмысленным, поэтому, завидев «спесивого» на сверкающем лаком «Крузизере-300», он старался не провоцировать того на уличные гонки, объезжал аккуратно, обращая пристальное внимание на положение передних колес и звук мотора. Недруги иногда пугающе веселили! Например, когда в пробке перед мотоциклом внезапно открывалась дверь заниженного до безумных уровней авто и высунувшийся оттуда «гонщик» в четком кепи смачно сплевывал коричневую густую слюну на асфальт! Визг передней покрышки, ошалелый взгляд «гонщика», поспешно захлопнутая дверь. Бодрит!

Во-вторых, выделялись «коровы». Эти вели себя как непредсказуемое животное и попросту не умели ездить. Среди «коров» чаще всего попадались «смотрители» и «любители дерьмовых перспектив» – такие не находили ничего зазорного в езде между полосами и перегораживании пробочного междурядья. «Смотрители» и «любители» со стеклянным взором обозревали перспективу пробки и частенько виляли рулем по зову сердца и велению души. Было что-то бессмысленно скотское в их повадках: может, фатализм, с которым они перемещались в пространстве, обреченная готовность пасть под ударом паровоза или, наоборот, растоптать мелочь, подвернувшуюся под копыта? Во всяком случае, Нерв отдавал себе отчет в собственной хрупкости и мелкости, так что с коровьими тушами предпочитал не сближаться вовсе!

И, наконец, гварды, самые редкие и любимые Игорем участники движения. Заметив мотоцикл, гвард, как правило, просчитывал ситуацию и совершал осознанный выверенный маневр, выгодный обоим. Эти оберегали двухколесных – сигнализировали поворотниками и жестами, прикрывали телами машин на перекрестках, предупреждали об опасностях, грозящих из мертвых зон. Гвардов отличала поразительная синхронизация с мотоциклистами, та самая – или ее разновидность, – о которой Казимиров рассказывал на лекциях по НКО! Благодаря способности к синхронизации гварды являлись чем-то особенным, а вовсе не рядовым орудием опытного мотоциклиста вроде водителей, попутными маневрами которых можно прагматично пользоваться. Нет! Гварды все делали именно осознанно.

Кремов любил гвардов, водивших грузовики по трассам. Он пристраивался в воздушный мешок такого, чтобы отдохнуть и согреться. С приближением к грузовику ламинарный

поток сменяется турбулентным, вихри треплют, норовят переставить мотоцикл на полосе, но эта напасть ненадолго – в нескольких метрах от бампера наступает затишье. Плынешь, будто в вакууме, и внимательно следишь за поведением попутчика. Если тот маневрирует плавно, тормозит слишком загодя и постепенно, значит, он гвард и не прочь позаботиться о тебе, если нет – что ж, нужно поискать еще. Уходя с маршрута опекаемого, некоторые гварды на прощание дают гудок – в такие моменты по спине бегут мурашки.

Жаль, их мало, но встреча с ними – как глоток чистого воздуха в предельно загаженной атмосфере. Особенно для Нерва, утомившегося бесконечным негативом, ожесточенностью и эгоизмом окружающего мира. Игорь ощущал себя нужным, встречая гвардов, с удовольствием рассказывал об этом Казимирову, а тот, потрясая указательным пальцем, в свою очередь всякий раз восклицал: «А некоторые негодяи еще смеют утверждать, что НКО не наука, а она-ученная мистика!»

Конечно, внутренняя предрасположенность того или иного шофера к присущему гвардам вождению играла на практике определяющую роль, но что-то подсказывало Нерву, что проявления «гвардовости» теоретически не исключались ни для кого, даже для самых отъявленных дорожных хамов. Вот только суровая действительность этому не способствовала. Напротив, «благодаря» последней, любой природный гвард скорее мог ожесточиться и мутировать в хама. Такие рассуждения здорово помогали Кремову быстро прощать и «спесивых» и «смотрителей междурыдья», ведь каждый из них мог оказаться падшим ангелом-хранителем – и это стоило прощения.

Заказы слились в серую массу. Вспомнить в конце дня о прошедшей смене еще получалось, но на следующий день память очищалась до состояния белого листа.

Впрочем, некоторые эпизоды откладывались в чуланчик.

Например, на Игоря произвела впечатление одна проститутка, рыдающая в раздевалке низкопробной сауны. К жрицам телесных услуг он относился с сочувствием, признавая в каждой почти коллегу: те были нужны для секса, он и прочие ребята из «Пули» – для посылок. И там, и там – грубое помывание и пренебрежительное отношение. Рекламный слоган «пулевской» доставки даже гласил: «Мальчики по вызову всего за сотку!» Чем не проституция своего рода?

Та проститутка сидела голой на корточках и, обхватив колени руками, сотрясалась от всхлипов. Из какой парной ее вышвырнули, было совершенно непонятно: в помещение выходило несколько дверей. Игорь собирался пройти в «греческий зал» с бутылками заказанной водки, но невольно замер, потрясенный внешностью девчонки. По щекам у нее текли реки черной туши, челка прилипла ко лбу, но это не могло скрыть необычайной красоты. Кремову сделалось тоскливо. Такой цветок втоптан в грязь. Как ее вообще угораздило? Он не поленился позвать администратора. Та бросила ленивый взгляд на проститутку и брезгливо поинтересовалась, чем может ей помочь. Девчонка, подвывая, мотнула головой. Администратор пожал плечами.

Игорь доставил пойло по назначению и вернулся в проходную раздевалку. Девчонка успела натянуть майку и трусы.

– Тебе чем-нибудь помочь? – повторил он вопрос администратора.

– Кто ты? – спросила она.

– Ночная смена, – ответил Игорь.

– Не надо, дорогой, – улыбнулась она вымученно. – Я на сегодня пас, а тебе еще тарабанишь. Такси уже едет.

Только теперь Игорь заметил, что у нее разбита губа и темнеет огромная гематома на правом боку, даже майка не могла ее скрыть. Наверняка у девчонки сломано ребро, а может, и несколько. Кремов достал из нагрудного кармана болеутоляющего, проститутка закинула таблетки в рот.

На выходе из сауны повстречалась колонна свежих тел, шествующих на замену незадачливой подруге. Они шутили и подмигивали Игорю, из обрывков фраз он понял, что какой-то «татарин» сегодня не в духе.

Предельно чистое скотство той истории еще не раз встречалось в его ночных скитаниях, и привыкнуть к нему не выходило. Мелькнула мысль, что секс-роботесса Ариэль пришлась бы «татарину» впору, ту можно пинать хоть до одури – максимум починка и счет за ущерб. Но живые проститутки не допустят конкуренции, они отпинают Ариэль похлеще ненавистного татарина, лишь бы не лишиться ненавистной работы.

Гораздо веселее получалось с заказчицами пиццы, встречавшими доставку в коротеньких халатиках и ненавязчиво предлагавшими курьерам разделить трапезу. У Сержа даже имелись номера постоянных клиенток, к которым ездили определенные ребята. Матвей относился к секс-вожжам с пониманием – обычно голодные тетki доплачивали ребятам «за труды», и они могли присовокупить к дневной выручке приятный довесок.

Игорю тоже приходилось нарываться на подобных дам, но ни одна не вызвала желания «делить трапезу» даже за довесок.

Еще его пару раз грабили. Но мандраж из-за случившегося поразительно быстро улечивался, не оставляя малейшего следа. Несколько шустрых гопников, подкараулив спешившего курьера, буднично совали нож и требовали денег. Игорь буднично протягивал требуемое и предлагал отвалить. Гопники буднично отваливали, но во второй раз зачем-то огрели напоследок битой по голове. Вот на это стоило обидеться – и Игорь немедленно обиделся, когда пришел в себя. Шлем защитил от крупных неприятностей.

У Сержа имелся и перечень номеров, с которых подонки заманивали в свои сети курьеров, и те два случая его пополнили.

Как-то приключился совершенно уникальный случай.

Игорь продирался через мертвую пробку. Справа послышалось надсадное бибиканье. «Очередной идиот на четырехколесной помойке ревнует к мотоциклу», – пронеслась мысль. Игорь не ввязывался в перепалки с такими, но все же устало обернулся. Немного позади, стиснутая со всех сторон собратьями по несчастью, застыла машина. Ее водитель сигналил именно Кремову, но не для себя, а для пассажира на переднем сиденье. Бородач средних лет отчаянно жестикулировал, силясь что-то донести, и потрясал спортивной клетчатой сумкой. Он не мог открыть дверь, а заинтригованный Игорь не умел читать по губам. Тогда бородач высунулся по пояс в открытое окно и проорал:

– Братан! Довези до банка! Пятнадцать минут до закрытия! Вопрос жизни и смерти!!! Десять тысяч дам!

Кремов мгновенно указал рукой на сиденье «Супер-В». Ну и что, что пассажир без шлема, в шлепанцах и шортах? Вопрос же жизни и смерти! И десяти тысяч. Десять тысяч определенно сыграли роль в принятии Игорем рискованного решения.

Бородач, извиваясь змеей, перетек через окно на капот, а с него взобрался прямиком на сидишку «СВ»:

– Липовая аллея, сто девяносто шесть! Гони!!!

Игорь нажал аварийку и выбрался на встречную полосу. За пятнадцать минут трудноато будет, но постараться можно.

«Принципиальные» намеренно мешали проехать, мигая фарами, показывая оскорбительные жесты. Бородач грязно матерился и проклинал всех вокруг, а когда Игорь разогнался в коротких спуртах, заходился восторженным хохотом. Получалось что-то вроде: «Сука! А-ха-ха-ха!!! Тварь! Уху-хух!..»

Игорь вложил все умение и всю храбрость в тот дикий заезд, он приноровился к наваливающемуся сзади неумелому пассажиру, ни на секунду не потерял концентрации, моментально

использовал любую возможность протиснуться вперед. Сколько он нарушил правил движения тогда!

К банку они успели за три минуты до закрытия. Бородач соскочил с сиденья и стремглав помчался по ступеням ко входу. Игорь слез с мотоцикла, огляделся. Копов не наблюдалось, это давало надежду, что залихватские выкрутасы с бесноватым пассажиром на борту сойдут с рук. Интересно, тот заплатит? Или растворится в недрах офисной высотки, наплевав на обещание? Какая теперь разница.

Минут через десять бородач показался на горизонте. Он с видом победителя шествовал к Игорю, попутно закуривая сигарету.

– Вот это мы дали копоту! – восхищенно заявил он, приблизившись. – Ну, ты хорош, паря! Держи восемь с половиной, остальное придется подождать с полчаса, когда банкиры мою наличку оприходуют. Закуришь?

– Не курю, – ответил Игорь, принимая деньги. – Остатка не надо, и так хорошая сумма.

– Красавчик! – с улыбкой ответил бородач то ли на отказ от сигареты, то ли на щедрый жест.

На те деньги Игорь впервые за долгое время капитально обслужил «Супер-В»: поменял изношенные цепь и звезды, масло, фильтры. Еще осталось на новый дождевик.

Жаль, бородачи каждый день не попадались. Да что там каждый день, кроме того случая больше ни разу. Однозначно его – в чуланчик памяти, на полку приятных эпизодов.

Глава 28

Ян прохаживался вдоль своей машины и солидно указывал мойщику на допущенные огрехи:

– Эй! А ну-ка здесь протри! А это что? Я тебе за что плачу, а?

Мойщик – старик с седой бородой в мокрой спецовке – покорно реагировал на окрики и, шлепая резиновыми галошами по мокрому кафелю, спешил выполнить все пожелания клиента. Ян закурил сигарету. Уже месяц молодой менеджер покупал сигареты марки «Уинстон Паркер», чем очень гордился. На работе ладилось, Джессику Мун перевели в младшие супервайзеры, вдогонку урезав зарплату. Ее отдел возглавила Валерия Стенссон. Теперь имело смысл спать с этой дурочкой «для укрепления партнерских связей», впрочем, и без того Валерия, лишенная деловых амбиций, опасности в качестве конкурента не представляла. В день назначения Ян даже «поздравил» любовницу на ее же рабочем столе, чтоб знала место.

– Ну что ты копаешься, дедок?

– Сейчас, сейчас, господин клиент!

По вкусу «Паркер» определенно превосходил предыдущие сигареты. От его дыма источался какой-то благородный аромат. «Для тех, кто ценит вкус успеха. Для тех, кто ценит вкус „Уинстон Паркер“», – гласил слоган на лаконично черной пачке. Ян с удовольствием вертел в ладони свой новый символ, так чтобы солнечные блики отражались от глянца. На самом деле парень никуда особо не спешил, ему нравилось наблюдать, как старый мойщик корпит, надраивая бока «Чалленджера-2000», как послушно откликается на прихоти господина клиента, ценителя вкуса успеха. Игра в повелителя и челядь прекрасна сама по себе, зачем же куда-то торопиться? Идиллию прервал хромой мальчишка, приковылявший из подсобки.

– Деда, деда, – промычал он и жестами показал старику, что необходимо поесть.

– Я скоро, Женя, спасибо. – Мойщик, тяжело дыша, полировал машину.

Тогда ребенок, желая помочь, схватил губку и принялся елозить ею по капоту.

– Эй ты, сморчок, а ну отойди от авто! – Ян гневно пресек такую самодеятельность. – Поцарапаешь еще! Понабирают черт знает кого. У первого руки из жопы, второй чахнет и умирает от старости. Издеваетесь, что ли?!

– Извините, господин клиент, больше не повторится!

Старик сконфуженно отнял у мальчишки инструмент и вручил взамен щетку:

– Ты еще маленький для полировки, лучше колеса приведи в порядок.

Тот с энтузиазмом взялся за новое занятие, и через десять минут колесные диски сияли первозданной красотой. Правда, владельцу шикарного спорткара уже надоело наблюдать за процессом.

– Заканчивайте быстрее! – с этими словами Ян бросил старику деньги за работу и немного добавил «на чай», после того как сел за руль. Мойщик поклонился в знак благодарности, менеджер ответил холодным безразличным взглядом.

Шурша покрывками, сверкающий чистотой «чалленджер» уносил хозяина в волшебную мегаполисную ночь. «Вот придурки, – с удовольствием подумалось Яну, – впрочем, старательные, но все равно придурки. В следующий раз заставлю их ползать на четвереньках». Настроение приподнялось. Успешного ценителя распирало от своей значимости, ведь он мог запросто устроить хозяину разнос за тупых работников, но этого не сделал. Он великодушен к жалкому сброду, и в том его величие и благородство. Он, господин, волен карать и миловать, поэтому для него производят такие прекрасные сигареты и сочиняют звучные слоганы. Как хорошо все-таки!

Ночной клуб «Парадиз», без сомнения, являл собой элитное заведение. Отдельный, изолированный от серой действительности сказочный мир с кучей интересных локаций, наполнен-

ных феечками в коротеньких юбочках, фантастическим светом, напитками и едой. Наслаждения «Парадиза» многогранны и по-настоящему великолепны. Впервые переступив его порог, человек погружался в царство безмятежных грез, обязательно находил что-то глубоко личное и спустя определенное время уже начинал считать дни и часы, оставшиеся до выходных, когда можно будет снова вернуться туда.

В многочисленных залах и комнатках кипела жизнь. В рождественскую вечеринку, например, завсегда таи облачались в одежды героев фэнтезийных эпосов, играли в ролевые игры – путешествовали, сражались на турнирах и боролись за благосклонность красавиц. Когда Ян получил возможность посещать «Парадиз», то несколько вечеров просто впитывал великолепие, влюбившись в это место всем сердцем. Он видел красивых женщин, но здесь по мягким коврам неторопливо прогуливались настоящие богини. Потрясающие создания знали свою силу и возможности, они играли с Яном как с забавной игрушкой, а когда в тихом алькове одна из них отдалась ему, то мужчина на мгновение даже потерял сознание от нереального счастья.

Затем первая эйфория прошла, длинноногие волшебницы превратились в приятный обычный атрибут любого посещения клуба. С ними не обязательно было спать, наоборот, Яну все больше стали нравиться общение, игра. Как правило, вечер начинался с бокала виски с содовой и льдом. Да, консервативно, но эту привычку Ян записал себе в актив как характеризующую настоящего джентльмена со вкусом. Затем следовала прогулка по залам, встречи со знакомыми, которых становилось все больше, сбор последних клубных новостей. Далее мужчина определялся, в какой компании проведет досуг, чем будет заниматься, намечал объект охоты и начинал действовать.

Сегодня Ян пребывал в состоянии расслабленности. Накануне компания перечислила на ХАЭН бонус. Кругленькая сумма грела сердце, поэтому Давидов расположился с бокалом глинтвейна на одном из кожаных диванчиков в зале «Умиротворенность» и благостно размышлял о собственном успехе, накрывшись шотландским пледом. Справа на сцене под тихую музыку разворачивалось представление модного театра «Нодэс», слева неподалеку отдыхала группа молодых людей в белых смокингах. Они сидели, развалившись на пуховых креслицах без ножек вокруг низкого японского стола, уставленного бутылками дорогого алкоголя, подносами с фруктами, и курили сигары. От этих людей пахло чем-то незнакомым, манящим.

Зачем белые смокинги, что за кич? В поведении соседей не прослеживалось и намек на бестактность нуворишей, скорее, они насмехались над окружающими, нарядившись так аляповато. Их взгляды устало, по-хозяйски ощупывали посетителей и феечек «Парадиза», а планы явно не включали съем на ночь или пьянство. Вдруг Ян узнал одного из соседей. Это же сын генерального директора холдинга «Юниверсум» господина Джеймсона, он с отцом снимался в знаменитом ролике «Ты тоже можешь стать успешным, как мы», который транслировался на канале «Мегаполис»! Вспомнилось даже имя – Михаэль Джеймсон младший.

Удивлению не было предела – и сразу собственное ощущение значимости сменилось уважительным любопытством. Ян перестал казаться себе сытым могучим львом, отдыхающим после охоты. Максимум на что наскребло самомнение, так это на аллегорическое сравнение с собакой динго. А как может быть иначе, если рядом отдыхали действительно львы? Странно, однако, что эти баловни проводили время в кругу обычных людей. «Парадиз» отводил для элитных особ верхние этажи, куда Яну, например, входить не позволялось по статусу. Причуды небожителей, спустившихся с Олимпа, не поддавались объяснению, и Ян, пожав плечами, отвернулся к сцене с «Нодэсом» и постарался сосредоточиться на спектакле.

Ему почти удалось это, но за спиной Давидов вдруг ощутил чье-то присутствие. Обернувшись, Ян увидел Михаэля Джеймсона собственной персоной, который смотрел на него, улыбаясь широкой белозубой улыбкой. Оправившись от секундного замешательства, Ян невольно натянул маску подхалимажа и поприветствовал гостя в ответ.

– Позвольте присесть? – поинтересовался Михаэль. В вопросе чувствовалась игра сильного. Кто, скажите на милость, откажется от компании Джеймсона? Он знал это, несомненно, поэтому выходило, что, выражая просьбу, сам делал одолжение.

– Пожалуйста, – ответил Ян предательски дрогнувшим голосом.

– Как вам представление?

– Сносно, но в прошлом году, как по мне, было получше. – «В прошлом году» служило повышению статуса и намекало, что Ян крепко стоит на ногах и уже «давно» может себе позволить отдых в «Парадизе».

– Внимательно за ними наблюдаете? – Джеймсон подыграл, снова сделав одолжение.

Ян почувствовал, наверное, то же, что и гадкий утенок в окружении лебедей, когда те не заклевали его, а приняли в стаю.

– Не слишком внимательно, я вообще не театрал. Просто расслабляюсь. А вы, если не ошибаюсь, господин Михаэль Джеймсон?

– Не ошибаетесь. Позвольте узнать, как ваше имя?

– Ян Давидов. – И Ян, рискнув, протянул руку.

Джеймсон с готовностью пожал ее, окончательно покорив нового знакомого. Феечки за барной стойкой заинтересованно разглядывали Яна, перешептываясь между собой. В этот момент он понял, что неожиданно поднялся в глазах окружающих на новый уровень. В груди приятно защемило.

Беседа давалась легко. Михаэль непринужденно общался на любые темы и с благородным снисхождением позволял Яну выражать собственное мнение. Ян и сам, не будь дурак, не нарушал границ дозволенного и не спорил в случаях, когда это могло раздражать Джеймсона.

– Ян, я не сожалею о времени, потраченном на наше знакомство, предлагаю провести как-нибудь общий уикэнд, – предложил Михаэль в конце беседы. – Вот тебе мой айди и карточка Розового зала. Что скажешь о следующих выходных?

Ян, не веря происходящему, принял VIP-карту, поблагодарил и даже решился на фразу «Почему бы и нет?» вместо более подходящей «Конечно! С удовольствием».

– И еще, называй меня по имени и обращай на «ты». В конце концов, потенциальным друзьям не должна мешать бюрократия, не правда ли?

– Уверен в этом, Михаэль.

Пожав руку, Джеймсон направился к своей компании, которая собиралась на выход, к балкону, где ожидал вертолет.

Ян улегся досматривать представление «Нодэса», артисты которого, казалось, стали старательнее исполнять роли. Нет, собака динго, похоже, бесповоротно растворялась в прошлом. Об этом недвусмысленно намекало поведение феечек, усиленно дефилировавших перед Яном, почтительно-завистливые взгляды завсегдатаев, подчеркнуто уважительное отношение официантов. Пальцы едва заметно дрожали, сердце билось учащенно, но Яну легко удавалось это скрывать под маской холодного достоинства.

Глава 29

Защекинск за какие-то несколько лет изменился до неузнаваемости. Нет, конечно, прежние люмпены никуда не исчезли, но они мутировали во взрослых горожан с пивными брюшками на более дорогих тачках, жильем в кредит и детьми. Нравы остались прежними, презрение к окружающим и жадность и не думали выходить из моды, но все же отношения прикрылись флером цивилизности: теперь дрались крайне редко, предпочитая даже обругивать друг друга фразами поизобретательнее, как в кино. Люди поняли, что проспали кучу возможностей, лузгая семечки и накидываясь дешевым пивком. Своим чадам они однозначно такого не желали и потому прививали им тягу к заработку по-крупному, не откладывая дела в долгий ящик.

Гопник, отжимающий наличность в подворотне, отправился в топку истории, гораздо более престижным теперь считалось теплое местечко, где откатами и в меру навязчивым вымогательством зарабатывались хорошие гонорары. Идеалом отныне выступал субъект, позволяющий себе свободно наполнить тележку в гипермаркете едой, съездить за Линию свободы отдохнуть, уверенно расплатиться с кредитами. Не осталось неприемлемых профессий, все стало приемлемым, если за это хорошо платили.

Снимались сериалы о тяжелой жизни проституток и менеджеров, копов и визажистов, прозрачно намекавшие подрастающему поколению на радужные перспективы уготованных ему ролей, да и любых иных, если это не укрывательство от уплаты налогов, конечно.

Защекинск давно перестал засыпать. По утрам он, как классический мегаполисный муравейник, кишел офисными клерками, спешащими на работу, дороги гудели от потоков машин, повсюду продавался кофе для тысяч не успевших позавтракать, трамваи переругивались звонками с автомобилями-торопыгами, когда те перекрывали пути. До середины дня активность не стихала, уступая утреннему часу пик разве что накалом страстей. В обед толпы народу устремлялись в фастфуд, побаловаться котлетками Макдауэлла и сладкой газировкой, кто посостоятельнее питались в общепите с намеком на презентабельность – и у всех снова кофе прямо на ходу. Вечером та же публика, что восемь часов назад спешила на работу, учебу, службу, покидала офисы и вновь запруживала улицы, устраивая апокалипсис под названием вечерний час пик. Зажигались витрины магазинов, кафе и ресторанов, уличное освещение повсеместно проникло даже на городские окраины. Рекламная иллюминация, мигалки спецтранспорта знаменовали наступление ночи. Ночью некогда спать, нужно снять напряжение дня, сходить в клуб, сауну, караоке-бар, а чтобы не сморил сон – кофе. Город бился в круглосуточной лихорадке, закипая периодами до предельных значений, и все больше походил на мир за Линией свободы: офисы росли как на дрожжах, жилые комплексы не отставали. Где вчера теснились развалюхи, ныне высились стеклянные высотки; где шпана хозяйничала, грабя прохожих, раскинулись ухоженные улицы с постоянным дежурством полиции.

Жизнь, казалось, понеслась галопом, но, несмотря на смену фасада, многое оставалось прежним, ведь люмпены, даже с брюшком и дорогой машиной, все равно оставались люмпенами, необразованными, наглыми и вечно голодными до котлеток Макдауэлла.

Игорь часто размышлял, к чему же приведет Защекинск эта лихорадка, сгорит ли в ней город, не выдержав напряжения собственного роста, или переродится в красавца?

Одновременно щемящее чувство нарастало в душе.

Время-то рвалось вперед современной архитектурой, стеклобетоном, виртуальной реальностью кинотеатров: всем тем, от чего так безнадежно далеко оказался Кремль. Становилось неуютно, будто чудачку оборванцу на обочине, провожающему взглядом проносящиеся мимо авто. Те куда-то да успеют, они в струе, в темпе. А ты? Попутки не берут, от личной машины отказался – убеждения, однако.

О мутациях в личном мировосприятии Игорь начал задумываться не так давно. Членство в клубе прокаженных не могло стать их причиной, Кремов пришел в него уже атакованным мутагеном. Тот давным-давно ждал удобного момента: когда ослабнет уверенность носителя в правильности мироустройства, когда боль от утрат и предательства перетряхнет его существо, когда потребуется средство, способное не только заштопать раны, но и сотворить нечто новенькое. Так что мутаген, очевидно, орудовал задолго до «Пули», но исподволь, не выпячиваясь. Игорю всегда казалось, что он-то не меняется, меняется жизнь – наносит удар за ударом, пошло и бесцеремонно расправляется с матрицей его установок, а он, такой стойкий оригинал, лишь сносит все и молчит.

Это не тот случай, когда стоит гордиться своей оригинальностью! Тащишь ее, словно гирию, прикованную кандалами к ноге, мучаешься. Что в тебе не так, парень? Помнишь, тебе не нравился прежний мир, лживый до основания, Канонические Правила Игры? Ты ж отринул их тогда, в ночном кабинете, перед фото зверски убитой матери! Но и сейчас ты тоже не особенно счастлив, рассуждаешь о какой-то обочине, испытываешь какое-то необъяснимое томление, снова не удовлетворен! Пижонить изволите?!

Похоже на то. Собственно, мутации и являются ответом на «гирию» и отказ от КПИ. Шагнув из мира кровавого чистогана в неизвестность, Нерв не прогадал, но куда привел этот шаг?

Не бесконечно же гореть вопросами без ответов, ходить по кругу и ощущать тошноту? Нужно стать кем-то другим, иначе никак. Процесс естественен и от воли носителя не зависит совершенно, это, пожалуй, генетический аспект.

Поначалу Игоряхватило на то, чтобы довериться интуиции и ее спутнику – щемящей тоске. Эти робко намекали хотя бы на надежду, на облегчение в будущем. Интуиция привела в клуб прокаженных, где не слишком задало одиночество, ведь нашлись люди вроде Матвея, Юкэ, Жука и Пашки. Пусть не всем им нравился Игорь, но он мог позволить себе любить их, невзирая на встречное отношение и прочие условности.

С тоской дело обстояло сложнее.

Где-то сущее застыло тихими заброшенными двориками, бледными стародавними вывесками, остатками брусчатки, ржавыми кузовами машин, хозяева коих давно умерли, жильем, век не знавшим ремонта, оставленными дичать парками и почерневшими от погоды скульптурами. Прогрессу почему-то нет дела до таких уголков, и это хорошо. Игорь жадно впитывал их неповторимую ауру, беззащитную перед нахрапом «эффективных администраторов», представлял, как создавалось все это давным-давно и какими людьми. Именно человеческие следы в предметах, чудом избежавших строительной мясорубки, делали их сокровищем, а не «деградировавшими элементами городской инфраструктуры».

Рядом с такими местечками получалось устроить пикник душе, будто бы в кармашке времени. Сидишь себе на берегу и бесстрастно взираешь на причудливую речку без мыслей о рубище и затухающего страха опоздать неизвестно куда. Это ж просто речка – она сама по себе, ты сам по себе.

Возникали печальные вопросы. Зачем всю жизнь учился? Работал? Чах над вонючими следами подонков и горемык? Зачем, сформировавшись в хорошего Нерва, ты сейчас не находишь применения своим чудным навыкам? Нищий с грязным яблоком частенько приходит на ум. Память не крутит пустое.

Обидно, что грохочущий поток требует совсем иное, нежели ты готов предложить. Обоим не по пути, поэтому приходится держаться что есть мочи за осколки родного, проигравшего нахрапу Мегалополиса, мира – дворики, брусчатку, скульптуры и немногочисленных сохранившихся людей – костяк «Пули», Казимилова... Интересно, как поживают тетя с дядей и дед Никифор за тридцать земель? Стоит об этом подумать обстоятельно, не сейчас. Что-нибудь им написать. Не сейчас.

Свой мир исчезал, и Мегapolis все реже предоставлял возможность душе передохнуть на пикнике.

Так возникло предосмысление «вне игры».

«Вне игры» – неясное, спасительное – обнажилось однажды, заставив всерьез задуматься о творящихся мутациях.

Пасмурная погода навалилась на город. Холодный дождь то утихал до мелкой мороси, то усиливался, злобно поливая дороги и тротуары миллиардами тяжелых капель. Казалось, не осталось в мире больше сухих мест: голые деревья с черными ошметками несчетных листьев, хмурые здания, едва поблескивающие внутренним освещением за тонированными окнами, и даже пяточки под козырьками остановок, ресторанов и банков вымочены были совершенно. Ветер-грабитель обирал незадачливых пешеходов, прозевавших запереть одежду на все застежки, выстуживая одним ловким порывом все тепло до костей.

Игорь стоял у обочины на перекрестке улиц Северной и 2-ой Линии, куда его притерла застывшая намертво масса автомобилей. Пробка. Дымы сотен выхлопных труб, едва отхаркавшись, нерешительно тянулись к асфальту, но тут же мгновенно распадались на обрывки и растворялись в воздухе. Из-за этого казалось, что консервные банки в бессильной ярости дергают белыми лоскутными хвостами, ожидая хоть какого-то продвижения вперед.

Штурмовать не хотелось. По визору катились ручейки воды, в пластиковую скорлупу глухо барабанили капли, дождевик из крепкого полиэтилена и такие же бахилы шелестели, устало сопротивляясь ветру и дождю. Кремова охватила приятная заторможенность, он наклонился к баку и через клетку рамы просунул пальцы к двигателю. Тот работал на холостых, согревая даже через кожу перчаток. «„Супер-В“, как обычно, готов к любым передрыгам, – проплыла в голове мысль, – как же тянет послать работу к чертовой бабушке...» Игорь наслаждался парадоксальным уютом посреди ледяной сырости, луж, ревушей клаксонами и источающей море негатива толпы.

Он поднял голову и посмотрел вверх. Взгляд выхватил типичную офисную высотку, уходящую перспективой в мрачное беспросветное небо. Ее перечеркивали провода и костлявая опора высоковольтной линии, сложенная из черных треугольников. Сквозь заливаемый визор все казалось неудачной детской акварелью, где цвета, намешанные неумелой ручкой, превратились в один грязно-серый цвет.

Еще немного, и сон сморит прямо здесь.

Отчаянно сопротивляясь дремоте, Игорь заметил среди машин нищего, который и раньше неоднократно попадался на глаза. Усач лет пятидесяти – шестидесяти, в очках, с костылем в левой руке, одетый в стариковские брюки и рубаху, а поверх рубахи в безрукавный жилет с кучей карманов, профессионально попрошайничал у запертых в пробке водителей.

Кремов не любил таких, будучи уверенным, что превращать нужду в работу грех и уж всяко лучше жертвовать больным детям, чем содержать лодырей, собирающих милостыню на пропой. Об этом он осуждающе подумал и сейчас.

Нищий тем временем продвигался все ближе по междурядью, сноровисто вылавливая кружкой мелочь, летящую из приоткрытых окон, и изредка принимая цепкими тонкими пальцами бумажные купюры. На нем не было ни шапки, ни капюшона, лоб и очки блестели от воды, но физиономия бродяги не выражала никаких признаков страдания. Из-за этого он казался таким же привычным элементом улицы, как, например, деревья, здания или фонарные столбы, неподвластными стихии и прочим катаклизмам.

Нищий поравнялся с Игорем, который поспешил отвести взгляд в сторону, и неожиданно прокричал:

– Ну и классный же у тебя мотоцикл, парень! И ты классный! Все у тебя будет хорошо, я знаю!

Игорь рефлекторно обернулся. Его встретила открытая искренняя улыбка, обрамленная множеством глубоких, словно порезы, морщин. Упершись обеими руками в костыль, бродяга любовался молодым мотоциклистом, на миг позабыв о своей незавидной доле, о костыле, о милостыне, о постылом междурядье. Следовало бы сказать что-то в ответ, но ошарашенный Нерв не смог подобрать ни слова. Вот уже нищий побрел дальше вдоль чадающих верениц, монотонно повторяя «храни вас Бог»...

Многие уверены, что окружающий мир – декорация, в которой все только и ждет их внимания. Какой-нибудь персонаж, мелькающий ежедневно перед глазами, пусть на несколько секунд и на расстоянии пушечного выстрела, неизбежно оценивается и зачисляется наблюдателем во внутренний каталог памяти с характеризующим ярлыком. При этом выводы о персонаже основываются, как правило, на мимолетных нюансах или стереотипах, приколоченных к сознанию жизненным опытом, воспитанием, еще чем-то. Каково же бывает потрясение, когда мы вдруг осознаем, что и сами оцениваемся субъектом с давно болтающимся на шее ярлыком «шлак»! Оказывается, у декорации свои каталоги, где мы тоже, может быть, шлак, а может, и что-то красивое, недостижимое... мечта! У декораций свое «вне игры», из которого они взирают на мейнстримный поток КПИ.

Недостижимое прежде ощущение уюта посреди холода и безнадёги теперь оказалось не таким уж недостижимым, Кремль просто находился дома. «Вне игры» отныне обещало сопровождать везде.

Ни один обыватель никогда не заподозрит в нем пришельца из вселенной с особыми шкалами успеха, статусами и иерархией. Пришельца, гуляющего за флажками КПИ, в чьих границах, по мнению обычного человека, только и можно нормально существовать.

Глава 30

Ян получил новую работу. Теперь он занимался телекоммуникациями, но не просто какой-то заурядной телефонией, а новомодной фишкой, сулившей заманчивые перспективы, – позиционной системой координирования или, как ее успели обозвать технари, «Шмоном». Ян весьма смутно представлял техническую сторону вопроса, но как любой высококвалифицированный менеджер нутром чуял здесь крупные деньги.

Сработало покровительство Джеймсона-младшего.

Давидов переосмыслил жизнь. Разборки с Джессикой Мун, выкраивание средств на поддержание «Чалленджера-2000» в приличном состоянии, розыск брендовых штучек в сети через сервисы «экономим вместе» отныне казались ему ничтожной чепухой. Даже стыд брал за себя вчерашнего, такого ограниченного. Благодаря Джеймсону Ян шагнул на Олимп.

Конечно, это свершилось не в один момент. В компании молодых хозяев жизни он застолбил себе место многолетним упорным трудом. Оставалось лишь пройти какое-то таинственное посвящение, чтобы окончательно слиться с ними. Чем бы ни обернулось дело, Ян внутренне приготовился ко всему.

После судьбоносной встречи в Парадизе Джеймсон последовательно тестировал Яна, предлагал к выполнению поручения – сперва простые, затем все более сложные. Ян, учуяв грандиозный шанс, вцепился мертвой хваткой: ни единого прокола, ни капли халтуры, будь то сопровождение суверена в пейнтбольной заварушке или хранение молчания после диких оргий в «Парадизе». Ян знал, что за ним внимательно наблюдают, и старательно копил баллы.

Нынешняя должность тоже являлась своеобразным тестом, только финальным. Ян чувствовал, что после сдачи на пятерку получит аттестат.

Говорили, что «Эра», как официально назывался «Шмон», разработана на основе русской технологии, отлаженной и доведенной до ума в Мегалополисе. Будто бы ранее возможности «Эры» сложно было назвать даже фантастикой. А принцип ее работы и теперь большинству причастных казался ядреной мистикой. Как бы то ни было, благодаря перебежчикам из Защекинска и гению западных технарей будущее Яна вырисовывалось отныне исключительно в светлых тонах.

Систему запускало правительство, преследуя множество целей, среди которых значилась, например, профилактика преступлений и дорожных правонарушений. Причинно-следственная цепочка всей кухни виделась искушенному управленцу простой как кирпич: тотальный контроль нарушений, невозможность уйти от ответственности, автоматическая рассылка штрафных квитанций, ускоренное наполнение государственного бюджета!

Скоро система должна оплести фиксирующими модулями все дороги и закоулки Мегалополиса, заколачивая деньги с любого мало-мальски незаконного чиха граждан. Тендер на запуск и отладку оборудования, а также на решение вопросов менеджмента получила компания «Аррива», принадлежащая клану Джеймсонов, она же использовала телекоммуникационные возможности системы в коммерческих целях – теперь для покупок в магазине человеку не требовался даже ХАЭН: достаточно попасть в зону действия ближайшего модуля «Эры», и на кассе покупатель автоматически идентифицировался платежным терминалом, который «знал», кто перед ним стоит, и списывал стоимость покупок с банковского счета. За такое неслыханное удобство абонент уплачивал небольшую ежемесячную плату, которая также автоматически списывалась со счета. Впоследствии коммерческую часть системы планировалось отдать на откуп «Арриве» полностью, правительство оставляло за собой эксплуатацию выделенных блоков в каждом модуле исключительно для надзорных нужд.

Модули слежения изготавливались в Западном Мегалополисе и поставлялись к местам установки полностью готовыми к работе. Монтажные бригады занимались только подключе-

нием питания и тестированием, остальное система делала сама: выводила модули на расчетную мощность, обрабатывала сигнал.

Работа Яна заключалась в общем административном руководстве подразделением «Эры» по связям с общественностью. Помимо рекламы, нужно было оправдывать слово «профилактика» в восприятии системы социумом, ведь любой здравомыслящий человек небезосновательно видел в ней очередную кормушку власти, позволяющую относительно честно обобщать население. Денег на пропаганду не жалели: сняли несколько душещипательных роликов, в которых только благодаря системе удавалось пресекать попытки жестоких гопников отнять у беззащитной бабульки сумку, отлавливать пьяных водителей и даже разыскивать пропавших детей; выпустили тонны печатной продукции; проплатили множество интервью экспертов, призывающих граждан доверять «спасительному оку», и многое другое. И вся эта возня с созданием положительного образа «Эры» диктовалась государством.

Ян понимал, что со своего поста в случае успеха перейдет в высшее руководство.

Глава 31

Приближались новогодние торжества. Горячка распродаж, подстегиваемая агрессивной рекламой, свирепствовала уже месяц. В такое время у людей отключаются критические центры, прежняя страсть к приобретательству всего и вся перерождается в долг, заставляющий с азартом охотника и обреченностью гладиатора гоняться за блестящей мишурой.

Игорь уловил неприятную новизну в, казалось бы, знакомой кутерьме. Сейчас, из «вне игры», она выглядела почти балом деградации! Отвратительно. Но, повинувшись выработанному рефлексу, он все же решил достать сувениров Матвею и ребятам, для чего отправился в знакомый по прошлой жизни супермаркет.

Сразу у входа толпа людей в первобытном остервенении штурмовала кассы. Покупатели с переполненными тележками выстраивались в длинные вереницы, где каждый ревностно поглядывал на соседнюю очередь, двигавшуюся, как назло, быстрее, и бросался с руганью на наглецов, норовящих проскользнуть вперед «с одной банкой кукурузы».

Обстановка торгового зала, порушенная людским потоком, наводила на интересные мысли. Игорю отчетливо представилось, что он стоит в центре апокалиптической свалки, по которой роем мух ползают слепые и голодные самоубийцы. Они стараются, очень стараются пожрать себя с хоть каким-нибудь удовольствием.

Все дело в вещах. Наверняка у девяноста процентов товара нет ценности. Ни малейшей. Заводы трудятся день и ночь, выбрасывая на прилавок продукцию с мимолетным сроком полезного существования. Она не нужна людям, но вот парадокс – те стремятся ее купить! Одноразовые туфли, гирлянды, пластиковая посуда, триллионы открыток, убогие игрушки по немислимым ценам, алкоголь, бейсболки, бумажные фонари, батарейки, елочные украшения, ванночки для ног, сувенирные фляжки, ножи, садовые гномы и прочее барахло – транзитом через руки потребителя скоро оказываются в мусорном контейнере. Цивилизация выхолостила первоначальную идею конечной необходимости, подменив ту вечным бессмысленным процессом. Свалка теперь начинается не где-то далеко за городом, а сразу в торговом зале, а покупатели из получателей благ давно мутировали в сортировщиков утиля. Им полагался бонус – выбрать для передачи по цепочке самое симпатичное барахло, но и здесь никакой свободы: рекламой в подкорку вживляются правильные «вкусы», «желания», так что снова обман.

Самоубийцы, не иначе. Как еще назвать людей, прожигающих жизнь за опостылевшим зарабатыванием денег, чтобы потом ее остатки, конвертированные в бумажки и циферки на ХАЭНах, добровольно-принудительно спустить в трубу? Здесь, впрочем, может скрываться разгадка парадокса: мозг превращает поражение в победу, пытается доказать сам себе, что все нормально – фантики, бусинки, стеклышки имеют ценность, они стоят потраченных усилий и предназначены для него, человека, а не для поддержания какого-то бессмысленного оборота ширпотреба. «Я здесь альфа и омега!» – кричит потребитель, и ему никто не возразит, главное – бесперебойно поддерживать процесс.

Вся адская жуть конвейера в том, что большинство потребителей не просто догадываются о нечестной игре против себя, они точно знают о ней! Но безысходность ситуации, осознание своей ничтожности перед сложившейся системой делают черное дело: человек смиряется. В конце концов, что остается? Уходить в пустыню, прозябать в рубище, терпеть нужду, холод, болезни? Или... как тот бездомный с грязным яблоком... Нет, на такое нужны убеждения и смелость, даже блаженная отвага. Так что лучше уж комфортное самоубийство. Игорь чувствовал, что в реальных условиях это, пожалуй, оправдано. Попытку побега могут себе позволить немногие одиночки. А если у человека, пусть умного и высокоморального, есть дети, немощные родители, кто-то, о ком нужно заботиться ежедневно, кормить хлебом насущным, а не

бунтарской яростью и разглагольствованием о прекрасном? Нет, далеко не все из копающихся в «акционных» развалах, убивают свою жизнь из эгоизма.

Вот женщина с небольшой корзинкой. На дне дешевые одноразовые игрушки в блистерах: кукла с жидкими волосами, огромной головой и рахитичным тельцем да машинка вырвиглазного колеру. Краска с них облезет за два дня, и вонять химией они обещают изрядно, но это лучше, чем не подарить дочке и сыну ничего! У детворы должен быть праздник, как и у более обеспеченных сверстников. Вот мужчина, замерший у башен из автопокрышек. Его терзает мучительный выбор между ценой и собственными возможностями. Купи он сейчас нужные покрышки – и на жизнь семьи останется шиш без масла, а на носу рождество, домашним необходимы вкусный стол, пластиковая елка, наряды. Мужчина стучит пальцами по ХАЭНу, на его лице отображается почти отчаяние...

Кремов почувствовал тошноту. Вот дурак! Начал прислушиваться к людям в гипермаркете! Уж где-где, но не в Храме новой веры следовало этим заниматься. Еще Казимиров предупредил, что для Нервов путь туда закрыт: огромные толпы, душевные терзания, алчность, надменность, позерство, страхи, зависть – вся гниль и гадость человеческая в лошадиных дозах, кто ж выдержит такое без последствий?! И ладно бы на минутку заскочить, хватить искомое и наружу, так нет же.

Игорь поспешно направился к выходу.

На парковке в молочном свете гигантских фонарей, усеянный сверкающими пупырышками ледяных капель и окутанный зимним неплотным туманом, ждал «Супер-В». Он, как и Игорь, смотрелся здесь чужеродно, а потому располагался подальше от автомобилей. Те, воплощая достижения хозяев на материальном поприще, солидно мигали огнями дистанционного запуска, прогревали комфортабельные салоны и отпугивали эвакуаторщиков затейливыми номерами. Откормленные бычки, взирающие по-хозяйски высокомерно на маленького мерзнущего «Супер-В». То и дело какой-нибудь из них предупредительно распахивал зев багажника, чтобы принять порцию ширпотреба, затем устраивал утомленного бургера в комфортном чреве и укатывал, довольно шурша покрышками.

С глотком холодного воздуха пришло облегчение.

Что стало с вещами? Машины-бычки «жили» дольше зубной щетки или пары носок, но все же слишком мало, чтобы выскочить из общей мусорной закономерности. Где же та граница, за которой появляется смысл вещи, более высокий, нежели свалочный транзит?

Во-первых, стоящая вещь баснословно дорога. Ее невыгодно производить доступной, ведь, задержавшись у покупателя надолго, она и изготовителя надолго оставит без работы. Во-вторых, такая вещь исчезающе редка, потому что не соответствует мимолетной безжалостной моде, кромсающей мир на свой манер. В-третьих, очень специальна и даже жива: ее создают вдохновенно, без оглядки на вульгарный маркетинг и технологические тиски, в ней есть мастерство, оригинальная философия. А самое главное, стоящая вещь в современном мире – проклятие, ломающее свалочную систему. Система этого не прощает.

Мотоцикл благодарно рыкнул мотором, отозвавшись на нажатие кнопки стартера. Они с Игорем не спеша покатали мимо четырехколесных туш, выдыхая пар в промозглый мегаполисный воздух. «Супер-В», умей он рассуждать, наверняка ни о чем не жалел бы. Он упивался бы своим могуществом и редким совершенством, доказывая раз за разом особую правоту почившей упрямыцы «блюстар», и, как породистое животное, скорее сдох бы, чем опустился бы до сытой лакейской беспринципности.

Да, на парковке гипермаркета ему не место. Ему не место и в мегаполисной зиме, где стылая слякоть сантиметровыми слоями налипает на мотор, цепь, фару, превращая мотоцикл в бомжа-замарашку, где асфальтовые реагенты разъедают проводку. Он не рассчитывался на эксплуатацию в таких условиях, это точно, но все равно посматривает на трудности равнодушно и безотказно служит хозяину.

«Нам с тобой повезло! – подумал Игорь, похлопывая „Супер-В“ по баку. – Ты без меня наверняка пропал бы... Впрочем, как и я без тебя».

Глава 32

В один из ничем не примечательных дней Матвей через ХАЭН попросил Кремова зайти. В офисе кроме Ястреба оказалась Юкэ. Она сидела у окна в кресле, нервно покачивая свешенной ногой, и демонстративно не обращала внимания на Игоря.

– Юкэ, может, уделишь минутку? – спросил Ястреб.

Та нехотя обернулась в сторону мужчин и смерила неприязненным взглядом Кремова. Происходило что-то странное.

– Игорь, ты очень нужен для важного дела, – заявил Матвей. – Наша служба иногда доставляет конфиденциальную почту, такую, о которой совсем необязательно знать копам. Мы даже гарантируем клиентам, что их отправления ни при каких обстоятельствах не попадут в руки властей. Понимаешь?

– Все наши отправления не должны попадать в руки властей, – ответил Игорь настороженно. – Наркотики?

– Нет, эта гадость ни при чем, – брезгливо и с ноткой обиды произнес Ястреб.

– Ладно, – сказал Нерв, – но ты сам виноват, нагонишь жути...

– Он не подходит! – внезапно воскликнула Юкэ, обращаясь к Матвею. – Видишь, сколько девчачьей болтовни?

– Нельзя так о напарнике, вам еще прорву километров вместе пройти предстоит, а ты начинаешь с претензий! – осадил тот и, обернувшись к озадаченному Игорю, продолжил: – С этого дня я закрепляю вас в спайку.

Кремов не знал, что ответить, и поэтому промолчал, а Юкэ, презрительно фыркнув, опять уставилась в окно.

– Сегодня у тебя обычная смена, а завтра с утра жду у себя, нужно потолковать, – закончил Туров.

Нерв собрался идти и только теперь заметил кровавую потертость на скуле Особи, которую она скрывала во время разговора за прядями волос. Хватило раздраженного поворота головы, чтобы рана обнажилась.

– Что с тобой? – машинально спросил Игорь. Юкэ ответила холодным молчанием. – Ну, выздоравливай... партнер, – пожелал Нерв и направился к выходу.

Лишь у самой двери его настигло бесцветное «спасибо».

Глава 33

Спайки для доставки особых пакетов возникли неспроста.

С недавних пор дела резко пошли в гору. Матвей вроде бы нашел богатого западного партнера, который с помощью «Пули» планировал выйти на растущий рынок Защекинска, а затем организовать полноценное СП. Туров ухватился за представившийся шанс обеими руками и под Садовым мостом закипела небывалая активность.

Для начала «Пуля» выкупила полуразрушенные гаражи почившей давным-давно «Автоколонны № 3», восстановила их, и туда принялись наезжать грузовики партнера. Они доставляли оптом крупные и мелкие посылки, а «Пуля» переваривала их довоз по конкретным адресатам. Таким образом, на месте полулюбительской курьерской шарашки начал формироваться современный сортировочный узел профессиональной экспресс-службы. Ребята-«пулевцы» бросились занимать руководящие и не очень должности, дух предпринимательской наживы щекотал всем обоняние.

Светка оседлала «колл-центр», сделавшись главной по связям и рекламе. Она с жаром взялась третировать новеньких девчонок, предъявляя претензии за малейшую оплошность и штрафуя за каждый чих. К чести Светки, это приносило результат: вышколенные телефонистки и рекламщицы, украдкой проклиная ненавистную шефиню, отрабатывали служебные обязанности на сто процентов. На высокой должности Светка не отказывала себе в главной слабости – мужчинах, что, вкупе с солидными заработками, превратило ее из несчастной дичи в несчастного ловца, обреченного на неискреннюю любовь и скудность выбора.

Илья принял в управление весь гараж, отвечал за логистику. Подобно Светке, он руководил жестко, за что схлопотал от подчиненных прозвище «Наполеон». Правда, Илья все же палку не перегибал и по-прежнему не брезговал самостоятельно возиться с мотоциклами «пулевцев» старой волны. Кроме того, он ударился в гаджетофилию – обвешал мотоцикл, на котором ездил от случая к случаю, немислимым количеством тюнинга, начиная с прямоточного выхлопа из ребисовой стали девятого уровня и заканчивая электронными потрохами, позволяющими в наклоне в шестьдесят градусов на скорости в сто восемьдесят километров в час покуривать сигаретку, держась за руль одной рукой. Вряд ли это еще отвечало обозначенному им же «предназначению в мире».

А вот Пашку постигло разочарование: никакой особенной должности ему не досталось. В сердцах он променял мотоцикл на новенький «пулевский» грузовичок с кондиционером и, поругивая судьбу, а также всех виновных и неблагодарных, развозил теперь нетяжелые коробки.

Серж и вовсе уволился. Поначалу Матвей назначил его главой рекламного отдела, но необязательность и леность Сержа, вполне прощаемые в полулюбительском бизнесе, теперь оказались неуместны, поэтому после парочки запоротых заданий его вежливо попросили на выход. По слухам, он устроился продавцом в салон сменных панелек для ХАЭНов. Примерно по такому сценарию «Пулю» покинули еще несколько ветеранов. В матвеевском пути «наверх» компания, отчалившая когда-то из безвестного гаража и считавшаяся дружной, продолжила редеть.

К удивлению, повышение в классе не коснулось Юкэ и – почти – Жучка. Они по-прежнему не оставляли мотоциклы и ежедневно развозили почту: Юкэ – особую, Жучок – любую. Правда, последнего осчастливили титулом старшего мотокурьера, но на практике Жук никак им не пользовался. В разраставшейся «Пуле» мотоциклисты вообще оказались на обочине всеобщей денежно-организационной горячки.

Особенно горевать не приходилось. Матвей относился к мотоотделу как к гвардии, сам располагался в старом кабинете (отделанном, впрочем, по последнему слову высокой моды) –

очевидно, успех не лишил его толики сентиментальности. Что главному лирику, подчиненным – выгода. Игорь немного перевел дух: зарплата увеличилась, и больше не нужно было с тоской считать каждый грош. А самое приятное заключалось в том, что «Супер-В» перевели на казенное довольствие, «Пуля» отныне заботилась об исправности техники, оплачивала покупку расходников и запчастей. Илья, ревностно отслеживающий, чтобы в заявки курьеров не попадало тюнинговых излишеств, тем не менее не скупился на штатные компоненты даже оригинального происхождения, не говоря уж о качественных техно-дженериках.

«Знаешь, твой экзот подустал, – сообщил он Кремову, разглядывая длиннющую заявку на ремонт „Супер-В“, – давай я поговорю с Ястребом, мы втроем что-нибудь придумаем и сварганим тебе аппарат посвежее, а?» Игорь решительно отказался. Наполеон вздохнул, сложил заявочный листок пополам, засунул под приборку и покатил мотоцикл в личный бокс. «Ты ведь понимаешь, что это по дружбе?» – подмигнул он. Игорь понимал. Мало того что Илья взялся за «Супер-В» лично, так еще и бюджет ремонта обещал вылиться в круглую сумму. Нерв ликовал! Верному двухколесному спутнику, потрепанному тяжелой работой, вернут молодость, залечат хронические болячки, настроят агрегаты и заменят изношенные! А потом – снова в путь, снова во «вне игры», вдвойне сладкое с беспроблемным мотоциклом.

После разговора с Ильей Кремова на два дня сняли с расписания.

Игорь внезапно осознал, что полноценных выходных у него не было давным-давно, и растерялся. Он не знал, куда податься и на что израсходовать время. Подспудно испытывал страх, что, оставшись наедине с собой, даже ненадолго, сорвется. Нагонит тоска, давненько дожидавшаяся шанса, оживут ненужные воспоминания, как назло на пути случайно встретится кто-то из прошлого и начнет выпытывать, посмеиваясь над ответами. Игорь совсем не стыдился себя, но они ведь не поймут ничего, им не объяснишь.

Ладно, в конце концов, он во всеоружии, перетерпит и возможные насмешки, и нашествие грустных воспоминаний.

Глава 34

Галаган отгородился от внешнего мира шумонепроницаемыми окнами служебного авто. Конечно, непроницаемость в данном случае не ограничивалась акустикой; новейшие конструкционные материалы позволяли сосредоточить в миллиметрах стали и стекла поразительную стойкость к воздействию летящих пуль, взрывающихся гранат и бог еще знает каких неприятностей. Осознание личной неуязвимости даже психологически отсекало пассажира от суеты городского муравейника и предоставляло возможность с комфортом сосредоточиться.

Галаган чертил в блокноте абстрактные фигуры.

Конраду было над чем поразмыслить. Похоже, короткий и самый эффективный способ выловить Януса в мутной воде Защекинска на практике нереализуем. Старинный и некогда могущественный советский НИСП, повергавший в трепет весь Мегapolis, нынче в руинах. По этому поводу советник испытывал двойственное чувство: с одной стороны, внутри приятно щекотала гордость победителя, ведь в сокрушении опасного врага он принимал не последнее участие; с другой – сознание раз за разом возвращалось к русской пословице «не рой яму...». Та, противно жужжа комаром, констатировала очевидную бесполезность нынешнего института в борьбе с Янусом. НИСП не походил на себя даже десятилетней давности, когда мастодонты из преподавательского состава еще умели насквозь прошивать потроха любого, кто с ними разговаривал.

Если бы не цейтнот с поимкой Януса, если б не этот проклятый цейтнот, не пришлось бы испытывать и толики сожаления по кончине древнего врага, но время поджимало и сейчас любой из реальных профессионалов психоанализа смог бы помочь.

Ректор института мистер Коротко, представитель новой волны психоанализа, удивился просьбе Галагана. Пожалуй, в тот момент, когда советник ее озвучил, в голове Коротко произошел системный сбой; и то понятно: машинная концепция психозрения, поддерживаемая властью, набирает обороты, старая школа терпит поражение по всем фронтам, а здесь высший функционер ищет живых «Нервов» для выполнения определенной работы. Как бы то ни было, ректор представил Конраду одного из оставшихся, еще советских, специалистов. Сухонький пожилой преподаватель встретил собеседника свинцово-тяжелым взглядом, и Галаган даже не стал заводить разговор об истинной цели своего визита. Вполне очевидно, что кроме отказа и риска утечки информации он ничего не получил бы.

Таким образом, оставался только один способ вычислить и поймать Януса – машинный, и здесь НИСП обязан был послужить. Но время! Времени потребуется много.

Янус, Янус. Что за имя такое? Пусть Экселенец и употребляет его, но искомому преступнику подходит прозвище поточнее.

Вчера в финале объединенного чемпионата по волейболу любимая команда Конрада «Скай вингз» потерпела обиднейшее поражение от «Рэд пауэр». Сначала казалось, что мощным, атлетично сложенным «скаям» не составит труда одолеть корявенький коллектив с Востока, чудом продравшийся сквозь сито полуфиналов, – настолько убедительной выдалась первая партия. Полный разгром, шок и трепет, но «рэдовские» гномы не стушевались, чем вызвали резкое недовольство публики, жаждавшей крови, и принялись сопротивляться с удвоенной энергией. Этой своей упертостью они попрали каноны шоу про плохих парней, побеждаемых героической армией воинов добра. И вроде никаких изысков типа красивых воспарений над сеткой или планирующих подач, но маятник противостояния заколебался. Особенно раздражал болельщиков либеро «рэдов». Он не давал завершаться эйсами красивейшим комбинациям «скаев» и удачно принимал подачи, но самое главное – поймав нерв игры, сам настраивал партнеров, из-за чего казался скалой, единолично разбивавшей в брызги атаки неприятеля. Вторую партию «скай» домучили с разницей в два очка, но самое страшное со всей очевид-

ностью уже маячило над площадкой: уверенность защекинских гномов во главе с настырным либеро в своих силах.

Похоже, психологический перелом ощутила и публика – с началом третьей партии болельщики принялись недовольно гудеть и улюлюкать при каждом касании мяча «рэдами», а тем более их либеро, словно речь шла не о розыгрыше подачи, а об очке за победу. «Рэды» прибавили и, подгоняемые кучкой своих оголтелых фанатов, пошли вперед, выигрывая подачу за подачей. Куда подевалась атмосфера первой партии? Где шок и трепет противника? Вот уже мяч позорно «надет на уши» нападающему «скаев», в глазах «эльфов» растерянность; красные же, получив эмоциональную подпитку, давят с новой силой. И хоть бы искорка ликования в глазах! Нет, утершись после начального разгрома, эти остервенело орудуют, а либеро – злой гений гипнотизирует подающих, притягивает взглядом мяч и дирижирует своей бандой. Откуда у игрока его амплуа столько власти на площадке? Почему, выполняя черновую неблагодарную работу, оставаясь в тени без шанса на разящий удар, он подчинил себе окружающих, огромный зал болельщиков? Даже его травма в пятой партии не помешала «рэдам» втоптать «скаев» в пол. Воодушевленные, словившие раж, они будто мстили за него, вымещая на сопернике свое неистовство! 2:3! Конец. Кубок впервые уехал за Линию свободы, а тамошний сброд ударился в праздничную вакханалию, резко контрастирующую с унынием Мега полиса.

– Где же ты, либеро? – пробормотал Галаган, задумчиво выводя в блокноте очередную фигурку...

Глава 35

У бедности свой запах. Сложно сказать навскидку, из каких компонентов он соткан, но то, что среди тысяч других этот определяется безошибочно, – пожалуй, факт. Старая изношенная куртка черного кожзама, протертые до опасного истончения брюки, служившие без выходных и перерывов несколько лет, выцветшие хлопковые носки с ослабшими до изнеможения резинками – набор то ли студента, то ли дворового пацанчика, а зачастую и взрослого неудачника – характерные спутники безденежья. От подобных вещей веет застарелым потом, недорогими куревом и пивком. В зависимости от особенностей носителя, к базовым элементам может добавляться духан бензина, солярки или, к примеру, нотка дешевейшего лосьона.

Надевая растянутый свитер, Матвей почувствовал тот запах. Он впитался в затрепанную ткань намертво, срастившись с ней на молекулярном уровне. Память мгновенно отозвалась картинками прошлой жизни с вечным недоеданием и недосыпом, низкооплачиваемой работой и какой-то серой безысходностью. Гараж, первый состав «Пули», ломучие древние мотоциклы...

Медленно продев голову в воротник, Туров присел на мягкий табурет перед зеркалом. Большое дорогое зеркало куплено недавно, как, впрочем, и табурет. Эти пахли со всем подружному – приятной успешностью, что ли. Отвернувшись от собственного отражения, Туров уперся отрешенным взглядом в пустоту.

Вчера Лиля светила от счастья, когда они зашли в кафешку дорогого кинотеатра по случаю приближающегося Рождества. Впрочем, для визитов в кафе и ресторанчики им давно не требовалось никаких случаев. Маленький галчонок перестал смущаться по поводу цен на блюда. Естественно и быстро привилась привычка заказывать что-то без опаски за итоговый счет, незаметно в их одежде старые вещи сменились новыми и модными.

Вспомнился взгляд Лили, обращенный к соседкам по столику: с присущим женщинам любопытством она рассматривала их туалеты и наверняка прикидывала, что попросить у своего любимого мужчины к очередному празднику. В прошлом остался и образ скромной серенькой библиотечарши, ему на смену пришли модная прическа со скошенной челкой, уверенный макияж и аромат парфюма «Экселент вумен»...

«Фу ты, дались эти запахи!» – раздраженно подумал Матвей. Одним движением он снял свитер, швырнул его на пол и, вытащив из кармана початую пачку «Уинстона Паркера», рывком извлек сигарету, чтобы закурить...

Конечно, Лиле нравилось выглядеть модно-привлекательной, ее вовсе не угнетало быть такой как все, она жадно наверстывала отставание, вызванное годами бесправия и лишений. Открывая для себя новые возможности, Лиля включилась в процесс покупок, походов в театры и кафе. Матвей вселил в нее уверенность в стабильном будущем, наполненном уютом, достатком, а не экономией и страхом. Она перестала смотреть в пол, как тогда, когда они впервые пошли в кино, выбросила старые, много раз чиненные сапоги и пальто, доставшееся от мамы, и учинила ремонт их квартирки. Обычное женское счастье превратило Лилю в цветок, которым Матвей не мог налюбоваться.

Пятничный поход на балет Лиля запланировала давно, ее интеллигентская природа время от времени требовала чего-то высокого. Прежде Матвею удавалось отговаривать жену от «культурных мероприятий» посредством подкупа в виде шопинга или ресторана. В теперешнем случае болезнь зашла слишком далеко: приобретены билеты, сшито платье специально для выхода в свет и даже существовала некая «железная договоренность» с подругой по работе, что «в этот раз они точно попадут на „Спартак“». Когда же Лиля жестко пресекла жалкие попытки мужа поканючить в пользу «уютного вечера дома», положение Матвея из критического превратилось в безвыходное.

Сказать по правде, Туров не считал себя невежей, он понимал прелесть стихов, не судил строго художников, марающих холст откровенной мазней, и не бесился от комментариев эстетов по поводу гениальности абстракционистов. Просто искусство в высоких проявлениях не интересовало Матвея. Ну почему должна вызывать восторг мешанина красок с подписью «Летний этюд»? И что с того, что художник «так видит»? Зачем видеть мир, как он, если его произведения вызывают отвращение и подозрения в психическом здоровье создателя? В конце концов, купи фотоаппарат, который запечатлеет летний этюд без бредовых искажений, в естественных цветах, избавив от необходимости таскаться с мольбертом и пачкаться красками. Однако фотография по каким-то причинам не приобщает к прекрасному и не передает «эмоционального фона» и прочей дребедени.

Игорь как-то пытался объяснять тонкости восприятия картин, учил понимать ощущения от созерцания чужого творчества, но он Нерв, ему понятней и ближе. Матвей же решил не утруждаться «заглублением в глубины глубин» и благополучно пропустил мимо ушей лекции друга.

До злополучной пятницы удавалось избегать контакта с прекрасным.

«Сегодня, похоже, придется. Господи, что за пытка? Мне еще до балета становится не по себе, как хочется остаться дома!» – размышлял Туров, надевая брюки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.